
Иоанна Хмелевская
Проселочные дороги
PHANTOM PRESS

— Тратить на нас бомбу? Говорят, это очень дорогая вещь. Нужно быть ненормальным...

— Тогда зачем же он приходил?

— А я откуда знаю? Может, хотел что украсть. Вот уж, действительно, нашел у кого!

— А может, это тот самый король, который в Свебодзицах украл у Терески зубы? — неожиданно вмешался отец, который расслышал с пятое на десятое. — Ну что уставились? Я же слышал, как один из королей украл у Тересы зубы...

Двух гарпий, которые накинулись на отца, было вполне достаточно, я сочла излишним выводить его из заблуждения. А кроме того, в замечании отца было что-то такое, что заставило встрепенуться мой отупевший ум. Боже мой, ну конечно! Как же я сразу не сообразила? Не иначе, это проселочные дороги так отрицательно сказались на моих умственных способностях, иначе я просто не могла не сопоставить события, не обратить внимание на зловещий смысл просто самих собой напрашивающихся ассоциаций.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИОАННЫ ХМЕЛЕВСКОЙ
Joanna Chmielewska

1. Klin	1964	Клин клином
2. Wszyscy jesteśmy podejrzani	1966	Подозреваются все
3. Krokodyl z kraju Karoliny	1969	Крокодил из страны Шарлотты
4. Całe zdanie nieboszczyka	1972	Что сказал покойник
5. Lesio	1973	Лесь
6. Wszystko czerwone	1974	Все красное
7. Zwuczajne zyciė	1974	Жизнь как жизнь
8. Romans wszechczasów	1975	Роман века
9. Boczne drogi	1976	Проселочные дороги
10. Wiekszy kawałek świata	1976	Большой кусок мира
11. Upiorny legat	1977	Проклятое наследство
12. Studnie przodków	1979	Колодцы предков
13. Nawiedzony dom	1979	Дом с привидениями
14. Wielkie zaslugi	1980	Особые заслуги
15. Skarby	1988	Сокровища
16. Ślepe szczescie	1990	Слепое счастье
17. Dzikie białko	1990	Дикий белок
18. Szajka bez końca	1990	Бесконечная шайка
19. 2/3 sukcesu	1991	2/3 успеха
20. Wyścigi	1992	Бега
21. Tajemnica	1992	Тайна
22. Zbieg okoliczności	1992	Стечение обстоятельств
23. Drugi watek	1993	Версия про запас
24. Florencja córca Diabła	1993	Флоренция - дочь Дьявола
25. Wczelki wypadek	1993	На всякий случай
26. Jeden kierunek ruchu	1994	Одностороннее движение
27. Pafnucy	1994	Пафнутий
28. Ladowaniew Garwolinie	1995	Инопланетяне в Гарволине
29. Autobigrafia 1,2,3	1995	Автобиография
30. Duża polka	1995	Свистопляска
31. Dwie głowy i jedna noga	1996	Две головы и одна нога
32. Jak wytrzymać ze mėzczyzna	1996	Как выжить с мужчиной
33 Jak wytrzymać ze spółczena kobieta	1996	Как выжить с женщиной
34. Wielki Diament 1,2	1996	Алмазная история т. 1, т. 2
35. Krowa niebiańska	1997	Корова царя небесного

Иронический детектив

Иоанна Хмелевская

ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ

Перевод с польского
В.С.Селивановой

Фантом Пресс Интер В.М.
Phantom Press Inter V.M.
Москва 1997

ББК 84.4
Х65 Пол.

И.Хмелевская "Проселочные дороги"
Роман./Пер. с польского В.С.Селивановой
Фантом Пресс,1997,Москва

Перспектива поездки в нескольких направлениях одновременно, с шестью пассажирами в машине, с двумя запасными колесами и кучей всевозможных торб и баулов, вырисовывается перед Иоанной Хмелевской в связи с намерением ее родственников провести отпуск в путешествии по родному краю.

А мы неизбежно приходим к выводу: необыкновенная способность нашей героини впутываться в захватывающие и самые что ни на есть криминальные истории явно досталась ей по наследству...

На проселочных дорогах мирной Польши пожилые родители и три тетки пани Иоанны становятся объектом пристального внимания неизвестных, с упорством стремящихся похитить то вещи стариков, то их самих.

Иоанне и блондину ее мечты приходится изрядно потрудиться, выручая то одного, то другого из беды и пытаясь распутать сгустившуюся вокруг них тайну давно минувших дней...

Х $\frac{4703040100 - 135}{\text{IBO (03)} - 97}$

ISBN 5-86471-113-6

От Тересы, моей канадской тетки, пришло письмо. Не Бог весть какое событие, писем от нее приходило немало, но в этом уточнялось время приезда в Польшу на лето. Уже давно теткины письма были преисполнены тоской по волнующимся под легким ветерком бескрайним нивам и жаворонкам, чирикающим в голубой выси. Ну и наконец тетка решилась. Самолет, доставляющий группу канадских поляков и нашу Тересу, прибывал в аэропорт Океньче четырнадцатого июня в полвосьмого утра.

Наше семейство охватила тихая паника. Заграничную родственницу хотелось принять как можно лучше, а кто знает, какие прихоти могут прийти в голову особе, развращенной воздействием загнивающего капитализма. Сложности возникали буквально на каждом шагу.

— Езус-Мария, Святой Юзеф! — вздыхала моя мама, старшая сестра Тересы. — Чем мы ее станем кормить? Когда она приезжала последний раз, то ела только одну нежирную ветчину. Где я ей возьму нежирную ветчину?

— А жирная найдется? — ехидно поинтересовалась моя вторая тетя — Люцина, родная сестра мамули и Тересы. — Если найдется жирная, то ведь жир можно и отрезать...

Моя третья тетя – Ядя, сестра отца, женщина нрава тихого, с ангельским характером, высказала робкое предположение – может, Тересу удастся прокормить обезжиренным творогом? Его ведь купить легко... Мой отец по простоте душевной предложил кормить тетю Тересу телятиной и тем самым смертельно оскорбил мамулю, которая такое предложение не могла расценить иначе как издевательство. К дискуссии подключились дальние родственники, каждый со своими предложениями, но ничего путного никто из них так и не посоветовал.

Лично я участия в дискуссии не принимала, не до того было. Мне предстояло решить проблему значительно более важную – встретить тетю Тересу на своей машине, а поскольку прибывала она в несусветную рань, необходимо было прибыть к этому времени в аэропорт и, желательно, совсем проснувшись. Правда, был в моей жизни период, когда приходилось рано вставать. Тогда по всей Польше архитектурно-проектные мастерские обязаны были начинать работу в шесть утра. К счастью, период этот продолжался недолго, до тех пор, пока один из столпов нашей профессии на одном из очень важных совещаний в верхах в присутствии очень высоких должностных лиц не заявил, что шесть утра – время на редкость неудачное: доить коров уже поздно, доить архитекторов еще рано. Заявление было принято к сведению, начало работы мастерских перенесли на более позднее время. Однако с той поры прошло пять лет, а за эти годы я как-то привыкла встречать рассветы, так сказать, с другой стороны.

За оставшееся до приезда тетки время пришлось потренироваться, в результате тренировок я

кое-как приучила себя к раннему вставанию, и в урочный день, четырнадцатого июня в семь пятнадцать уже была готова выйти из дому. Телефонный звонок заставил меня вернуться от входной двери. Звонил отец. Он узнал, что самолет канадских авиалиний прибывал сегодня не в полвосьмого, а в десять пятнадцать.

В аэропорт я прибыла в десять двадцать. Ехала спокойно, никакие предчувствия не омрачали мою душу. Машину припарковала с задней стороны большой стоянки и отправилась в здание аэровокзала, где по очереди отыскала отца, тетю Ядю и Люцину. Мамы не было.

— Твоя мать сидит в туалете у меня в квартире, — удовлетворила мое любопытство Люцина. — У нее на нервной почве расстройство желудка. Я велела ей там и оставаться, лучше уж нужник в моей квартире, чем здесь, в аэропорту. Ты знаешь, во сколько она заявилась ко мне?

Зная собственную родительницу, я предполагала, на что она способна, и поэтому с легким беспокойством произнесла:

— Рано, наверно? А что?

— Ну вот скажи, сколько, по-твоему, нужно времени, чтобы добраться от меня до аэропорта?

Люцина жила на территории аэропорта, там, где заканчивалось взлетное поле и постройки, у автобусной остановки. Вряд ли можно жить ближе к аэропорту.

И все-таки я немного подумала, прежде чем ответить, опять же не желая компрометировать собственную мать.

— Не знаю, сколько времени идет автобус.

— Три минуты, — холодно информировала Люцина.

— Тогда в общей сложности хватит десяти минут, — пришлось честно признать.

— Вот именно, десять минут. А твоя мать заявилась в полшестого, разбудила меня и потребовала немедленно отправляться в аэропорт, иначе опоздаем. Только мне ты обязана тем, что отец позвонил тебе, после того как мы узнали об опоздании самолета, иначе, как дура, торчала бы в аэропорту с восьми утра.

Канадский самолет приземлился около одиннадцати часов. В большом зале аэропорта при известии об этом воцарилось сущее столпотворение, как обычно с прибытием канадских или американских поляков. Встречающие устремились на балкон, с которого открывался прекрасный вид на прибывших заокеанских родственников и их багаж перед таможенным досмотром. Я тоже устремилась, и мне даже удалось протолкаться к самому барьеру.

— Вижу Тересу! — громким криком известила я своих. — В красной кепке, у самого выхода! Похоже, первая пройдет таможню. Люцина, быстро вниз!

С трудом пробившись сквозь толпу на балконе, я тоже бросилась вниз, к двери, через которую по одному выпускали пассажиров, прошедших таможенный досмотр. Мои родичи были уже тут. Оказывается, отец тоже углядел Тересу в каком-то красном горшке на голове и сказал об этом своей сестре, но тетя Ядя не поверила, обвинив его в склеротичности, а выходит — он прав, так у кого из них склероз?

В ожидании Тересы мы обсуждали ее странный головной убор. Люцина предположила, что

безобразную красную шляпу Тереса надела исключительно из уважения к нашему государственному строю, знаете ведь, какая там у них может быть пропаганда, вот бедная женщина и решила не дразнить гусей, сделать из себя посмешище...

Тем временем ожидающие подтянулись к двери таможни и так напирали на нее, что пришлось выйти вежливому таможенному чиновнику, который попытался мягко пристыдить напирающих. Толпа перестала напирать на дверь и перестроилась в широкий полукруг.

Упомянутая дверь, как известно, открывается только изнутри. Каждый раз, как кто-нибудь из прилетевших выходил, ожидающими делались попытки заглянуть внутрь, и они придерживали дверь в открытом положении. Предлогом обычно служило желание помочь выходящему вытащить его чемоданы. Только одна костлявая деревенская баба не прибегала ни к какому камуфляжу. Заливаясь слезами и беспрестанно шмыгая носом, она мертвой хваткой вцепилась в дверь и держала ее в открытом положении, что по каким-то соображениям было нежелательно таможенным властям. Вежливый таможенник опять вышел и вежливо попросил бабу освободить дверь. Та отпустила на минуту несчастную дверь, дождалась, пока таможенник скрылся, и сразу приклеилась к двери после первого же выходящего. Полукруг ожидающих не выдержал и тоже приблизился к двери. Снова вышел таможенник и снова принялся уговаривать бабу. Симулируя глухоту и общую недоразвитость, та не покидала своей позиции. Встречающие не выдержали и подступили к ним вплотную. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы из дверей вдруг не вылетела совершенно необъят-

ных размеров сумка-чемодан, направленная мощным пинком по скользкому полу, и разделила полукруг напиравших на две части. За ней последовали еще две, внеся смятение в ряды ожидающих. Баба ловко пропустила чемоданы и опять припала к двери. Стало ясно, что живой ее не оторвать. Напряжение росло. Таможенник оставил бабу в покое и только стоял рядом, следя за порядком. Выражение лица его уже не было вежливым.

— Лопнуть мне на этом месте, если он ее сейчас не придушит! — заметила Люцина, с интересом наблюдая на происходящим.

Мы заняли очень удобное место у столба-колонны, откуда все было прекрасно видно. Я разделяла мнение тетки, с той только разницей, что произойдет это не сейчас, а минут через пять — так мне казалось. Неизвестно, кто из нас оказался бы прав, ибо в этот самый момент вышел пассажир, которого ожидала баба. Это оказалась в точности такая же костлявая деревенская баба, только заграничная. Обе бабы, отечественная и зарубежная, спотыкаясь о чемоданы, бросились друг к дружке в объятия, заливаясь слезами и соплями. Таможенник при виде этой сцены вроде помягчел, сам высморкался и покинул свой пост. Обе бабы наконец удалились, волоча за собой чемоданы по полу и ногам ожидающих.

Тогда мы вспомнили о Тересе. Уже давно ей следовало бы выйти из таможенного зала, я же собственными глазами видела — она стояла первой в очереди к таможеннику и наверняка ничего не везла с собой такого, что могло бы заинтересовать таможенные власти. Столько народу уже прошло таможню, где же она?

— Наверняка вы с отцом оба ошиблись, — предположила Люцина, — это был кто-то другой в красном горшке. Тереса прилетит в следующий раз.

— В любом случае кто-то в красном горшке должен был выйти из таможенного зала, — возразила я. — А никто такой не выходил.

В оживленной дискуссии на тему о красном горшке приняли участие все трое — Люцина, тетя Ядя и я. Отец не участвовал по причине своей глухоты — он просто не понял, о чем мы спорим. Конец дискуссии положила сама Тереса, появившись в вышеописанных дверях и толкая по полу перед собой чемодан средних размеров, зато невероятной толщины. Мы с отцом оказались правы — у нее на голове действительно возвышалась невероятно безвкусная красная шляпа в форме горшка с небольшим козырьком. Выражение лица под шляпой тоже было необычное: смесь ярости и ошарашенности.

— О Господи, а я уж думала — навеки там останусь! — Таковы были первые слова моей канадской тетки, произнесенные на земле предков. — Погодите обниматься, сначала выберемся из толпы!

После того как обязательный ритуал объятий и приветствий был исполнен, мы смогли приступить к расспросам.

— Ты что так долго не выходила? — спросила тетя Ядя. — Из вежливости пропускала всех?

— Да нет, у кого-то пропали чемоданы. Вернее, у чемоданов пропал хозяин. Как раз передо мной. А где же моя старшая сестра? И дайте чего-нибудь попить, в самолете подавали не чай, а помои, а минеральная вода кончилась еще в Монре-

але. И вообще, я сейчас засну, пока летели – куда-то подевалась одна ночь, глаза слипаются. Где же моя старшая сестра?

Атмосфера в аэропорту всегда сказывается на состоянии находящихся там людей, на их умственных способностях и нервах. Желательно скорее опасную территорию покинуть. Люцина постаралась как можно короче и доходчивее объяснить своей младшей сестре, где находится старшая. Напиться можно в кафе наверху. Тетя Ядя непременно хотела узнать, кого же лишились чемоданы, стоящие в очереди перед Тересой, а глухой отец, нагрузившись багажом Тересы, делал отчаянные попытки покинуть зал ожидания, не понимая, чего мы медлим.

Состояние Тересы ухудшалось на глазах.

– Кто хочет спать? – раздраженно допытывалась она у нас. – Скажут мне наконец, кто хочет спать? То есть я не то говорю, спать хочу я сама, а скажут ли мне наконец, где это самое кафе? Ради Бога, Янек, посиди минутку спокойно, оставь чемоданы, нам ведь нужно дождаться Марысю, а те чемоданы стояли в очереди передо мной, понятия не имею чьи, большие и в клетку, их хозяин куда-то задевался, искали-искали его, так и не нашли, пришлось чемоданы в сторону сдвинуть, дадут ли мне в этой стране напиться?!

Тетя Ядя теребила ее за рукав:

– С тобой прилетела Марыся? Где она? Скажи наконец, где Марыся?

– Понятия не имею, она вышла последней, перестаньте меня рвать на части, воды!!!

Я и в самом деле тянула тетку за другую руку в сторону кафе, чтобы хоть водой ее напоить, и уговаривала:

— Зачем тебе ждать Марысю, пошли, выпьешь кока-колы или минералки!

— И в самом деле, сделайте хоть что-то и отправимся, а то твоя мать с ума сойдет от нетерпения! — торопила Люцина.

И все-таки немало времени понадобилось на то, чтобы выяснить — вместе с Тересой прилетела ее знакомая, которую, возможно, никто не придет встречать. Тогда придется ей помочь. Уточнив это обстоятельство, тетя Ядя вызвалась подождать Марысю и трусцой устремилась опять к двери в таможенный зал, я же потащила Тересу наверх, в кафе. Когда мы вернулись, тетя Ядя доложила, что знакомая Марыся вышла, ее ждал брат с машиной, так что все в порядке, теперь мы можем наконец покинуть аэропорт.

— О, вот этот клетчатый чемоданище как раз стоял передо мной в очереди! — крикнула Тереса, когда мы проталкивались к выходу из зала ожидания. — И другие вещи были такой же раскраски — и чемоданы, и сумки. А куда подевался Янек?

— Вон сидит у столба, видишь? — показала Люцина. — Только что пытался у кого-то вырвать сумку, думал, твоя. С трудом удержала его. Так едем?

Проталкиваясь сквозь стеклянные двери наружу, я лишь мельком взглянула на чудовищных размеров чемодан в серо-сине-красную клетку. Не до него было. Вырвавшись наружу, я подогнала машину к зданию аэровокзала, принялась в спешке заталкивать в машину семейство и Тересины вещи. Никак не умещался в багажнике чемодан из-за его толщины — мешало мое шестое колесо,

которое я там возила на всякий случай. Вокруг царило обычное в аэропортах столпотворение, пассажиры мчались во всех направлениях, волоча свою ручную кладь, в стеклянных дверях образовалась пробка, потому что тяжело нагруженного носильщика кто-то позвал обратно и тот застрял в дверях, преграждая дорогу входящим и выходящим. Я обратила внимание на то, что нагружен носильщик был чемоданами и сумками в серо-сине-красную клетку, и еще подумала — похоже, их владелец отличается исключительным талантом по части создания конфликтных ситуаций.

Впрочем, мне было не до посторонних проблем, хватало своих. Хорошо, я вовремя сообразила отправить тетю Ядю на машине брата Марыси, теперь удалось рассовать и остальных родственников. Тересу с отцом я затолкала на заднее сиденье, всунув отцу в объятия упомянутый толстый чемодан, Люцина добровольно заняла место на переднем сиденье, так как заметила приближавшегося с решительным видом милиционера, я кинулась на водительское место и поспешила увести машину из-под знака, запрещающего стоянку. Фу, пронесло!

Тереса что-то недовольно ворчала сзади — опять ее пытаются придушить, вот всегда так, стоит ей приехать на родину. Отец молчал, придавленный неимоверной тяжестью чемодана.

Я попросила Люцину убрать одну из сумок с рычага переключения скоростей, ибо это мешало мне вести машину.

— Куда я ее дену? — огрызнулась Люцина.

— Поставь с другой стороны.

— Не могу, там портфель твоего отца.

Отец
молчал...

— Так держи на коленях!

— Тоже не могу, из нее что-то вылезло на дне и жутко колется.

— Не представляю, как тут еще поместится твоя мать, — сменила тему ворчания Тереса.

Ей ответила Люцина:

— Янек поедет на автобусе.

Отец не возразил — может, недослышал, а всего вероятнее, просто был не в состоянии отреагировать из-за чемодана.

Возразила я:

— Никто никаким автобусом не поедет. Просто я в спокойной обстановке переложу мое шестое колесо, и чемодан поместится в багажник. Ну вот, приехали. Вы обе отправляйтесь за мамой, а мы с отцом попытаемся распихать вещи.

— Объясни, пожалуйста, зачем тебе шестое колесо? — полюбопытствовала Тереса.

— Хулиганье прокалывает мне покрышки, потому как я ввязалась в одну запутанную криминальную историю. Хотят меня запугать, чтобы отвязалась.

— И запугали?

— Наоборот! Им невдомек, что я люблю приключения и опасности. Шестое колесо вожу с собой, чтобы в случае очередного прокола иметь под рукой. Будь место, я возила бы с собой и седьмое, и восьмое...

Вытащить проклятое колесо из багажника было непросто, тяжесть жуткая, а тут впритирку стоят соседские машины. С трудом удалось втолковать отцу, что не стоит выбивать в них окон, нет, не только в моей, но и в чужой тоже. Потом перебазировали банки с машинным маслом в дальний угол багажника, в него загрузили чемо-

дан, и с некоторым трудом багажник удалось захлопнуть.

Тут к нам спустилась Люцина.

— У твоей матери сильное пищевое отравление, она лежит, завернувшись в штору, которую я сняла с окна для стирки, и не позволяет к себе прикоснуться. К шторе тоже. Тереса после дороги, похоже, ничего не соображает, я сама не придумаю, что делать. Еды у меня никакой нет, все приготовлено в доме твоих родителей. Пошли наверх, надо что-то решать.

После краткого совещания в квартире Люцины положение только еще более запуталось. Все мы столпились вокруг мамули, которая, изо всех сил прижимая к себе Люцинину штору, слабым, но решительным голосом заявляла, что желает немедленно ехать домой, но ни за что на свете с места не сдвинется. Тереса еле стояла на ногах, глаза ее закрывались сами собой. Ну что тут было делать? Похоже, никто ничего умного не предложит. В полнейшем отчаянии я ухватилась за спасительную мысль:

— Что ж, нам остается только одно — вызвать "скорую" и на ее машине перевезти мамулю домой.

Услышав такое, мамуля тут же села, отбросив штору.

— Ни за что! — заявила она громко и решительно. — Я "скорую" боюсь.

Мне это было прекрасно известно, и, собственно, на неприятии "скорой" и строился мой план. Ведь вынести мамулю из дома собственными силами вместе с Люцининым диваном не было никакой возможности. Я позвонила своей

кузине, которая много лет была в нашем семействе единственным достойным доверия врачом. Получив инструкции, мы подняли мамулю, одели и осторожно свели по ступенькам вниз. У машины разыгралась страшная сцена. Отец ни за что не соглашался хоть на минуту оставить мамулю без поддержки, а оставить надо было, чтобы сесть на заднее сиденье машины, где уже сидели Тереса с Люциной. В моей машине всего две двери, посадить мамулю на переднем сиденье было невозможно до тех пор, пока не усядутся на заднем.

— Отцепись! Отпусти меня! — стонала мамуля. — Я хочу сесть! Я должна сесть! Садись же скорее и дай сесть мне!

— Отними у отца мать! — кричали мне тетки из машины. — Пусть он наконец сядет!

Поскольку я держала откинутым переднее сиденье, чтобы отец мог пролезть в машину, мне было затруднительно выполнить требование теток. Их попытки втащить отца в машину изнутри окончились неудачно, да и трудно было затянуть его вместе с мамулей. Опять пришлось проявлять инициативу.

— Папа, да садись же, я ее подержу! — крикнула я в ухо отцу громовым голосом, выдирая мамулю из его рук. Отцу пришлось подчиниться. Наконец-то все уселись.

Трогаясь с места, я машинально взглянула на часы, вделанные в приборную доску, и удивилась — прошло всего двадцать минут. А мне-то казалось, мы провели у дома Люцины целые века!

При въезде в Варшаву я пропустила мчавшийся из аэропорта "пежо" вишневого цвета. Впрочем, ему тоже пришлось притормозить перед двинувшимся с остановки автобусом, и тут я через

заднее стекло "пежо" увидела на его заднем сиденье между двумя пассажирами огромный клетчатый чемодан. В серо-сине-красную клетку! И мне опять захотелось увидеть владельца нашумевшего багажа. Сидевших по обе стороны от чемодана двух человек разного пола я видела сзади, хорошо бы взглянуть спереди! "Пежо" обошел автобус и увеличил скорость, я автоматически тоже нажала на газ, но тут же спохватилась и взяла нормальную скорость, ведь кузина велела мамулю везти осторожно, без тряски.

— Преследуют тебя эти вещи в клетку, — заметила Люцина Тересе. — Куда ты ни ткнешься — везде они. Ты, случаем, не обидела ли их чем-нибудь?

— Кого? Вещи?

— Да нет же, их владельцев.

— Не знаю, — вздохнула Тереса. — Я уже думаю — может, это знамение свыше? Сделаю здесь что-нибудь не так, и посадят меня за решетку... Интересно, что они там до сих пор делали в аэропорту? Не ждали же специально, пока я поеду, в самом деле!

В этот момент никому из нас не пришло в голову, что это были вещие слова. Умей Тереса предвидеть будущее, кто знает, не сбежала бы она тут же обратно в свою Канаду...

Торжественный обед и прочие мероприятия, приуроченные к приезду Тересы, пришлось, естественно, свернуть. Развлечения тоже. Разве что если к последним отнести тот скандал, что разразился в первый же вечер из-за кольца.

Восемь лет назад я подарила Тересе кольцо с кораллом. Зная, что Тереса совершенно помешана

на кораллах, я купила ей в Сицилии брошь с кораллами и отправила почтой, а потом в Варшаве в фирме "Орно" заказала кольцо с кораллом, которое отвезла Люцина, как раз отправлявшаяся к Тересе в гости. Кольцо оказалось Тересе чуточку маловато, и она отдала его в ювелирную мастерскую немного увеличить. Потом от Тересы пришло отчаянное письмо с жалобами на идиота ювелира, который до блеска вычистил оксидированное серебро. И все равно кольцо оставалось потрясающе красивым и сохраняло свою красоту целых восемь лет. И вот теперь в первый же вечер тетка высказала мне претензию:

— Обвели тебя с этим кольцом вокруг пальца! Это такой же коралл, как я Папа Римский! Сунули какую-то гадость, покрыли красной краской, а теперь эта краска облезает. Погляди сама.

И в самом деле, с так называемого коралла сходила красная краска, очень похожая на лак для ногтей. Я очень огорчилась и одновременно удивилась. "Орно" — фирма солидная, известная своей незапятнанной репутацией и честностью. Сколько раз и здесь, и во время поездок на Запад меня уговаривали продать мои орновские драгоценности, предлагали хорошие деньги, но я только презрительно отказывалась от всяких сделок и гордо продолжала носить свои уникальные украшения. И вдруг такое!

Пока я не стала ничего говорить Тересе, потому что уже подзабыла обстоятельства покупки кольца. Может, тогда я заплатила за искусственный коралл? Все может быть... А Тереса никак не могла успокоиться, поносила на чем свет стоит прохиндеев-ювелиров в этой стране воров и меня, глупую курицу. Огорченное семейство тоже не

знало, как утешить Тересу, все только вздыхали и передавали друг другу кольцо с облупившимся кораллом. В конце концов Марек, блондин моей мечты, взял кольцо и заявил, что отправляется с ним в ювелирную мастерскую фирмы "Орно" и подает жалобу.

На следующий день Марек выволок меня из дому, отвез к мамуле, собрал всех нас и, ничего не объясняя, начал расследование.

— Кто в Варшаве держал это кольцо в руках? — строгим тоном задал он первый вопрос. Дрожь охватила присутствующих.

— Ну я, — робко призналась я. — А что?

— А кто еще? — не отвечая, продолжал допытываться Марек.

— Я, — призналась Люцина.

— А кто еще? После вас?

— Больше никто. Я взяла его с собой, когда уезжала в Канаду, и лично вручила Тересе. В коробочке.

Марек переключился на Тересу. Остальные с интересом наблюдали за ними.

— Расскажите, что дальше происходило с кольцом в Канаде. Не отдавали ли вы его в ювелирную мастерскую?

— Отдавала. Кольцо было мне тесновато, и надо было его немного расширить. А в чем дело?

— А в том, что этот ювелир оказался негодяем и свиньей. Он не только сжег коралл при нагревании кольца, не только не признался в содеянном, не только покрасил поврежденный коралл эмалью, но и украл фирменную метку!

— Как это?

— Негодяй вырезал кусок серебра с клеймом фирмы "Орно", а на это место поставил заплатку.

Не знаю, как в Канаде, но у нас за подобные действия уголовный кодекс предусматривает тюремное заключение. От пяти и выше.

Мы были потрясены. Щадя Тересу, мы тактично воздержались от проявлений польского патриотизма, в конце концов, ведь Канада стала для нее второй родиной, у нее тоже мог развиться патриотизм. Выяснилось, что патриотизм здесь ни при чем, потому что мошенник ювелир был итальянцем, зато проблема повернулась совершенно неожиданной стороной.

— Судиться я с ним не буду, — мрачно заявила Тереса. — Мало того, что они там все мафиози, так его недавно еще выбрали в конгресс от нашего округа, нечего с таким и тягаться.

— Как ты все это разузнал? — спросила я Марека. — И зачем тебе знать, у кого в руках побывало кольцо в Варшаве?

— Чтобы знать, не могли ли такую махинацию провернуть еще в Варшаве. "Орно" очень этим заинтересовалось.

Оказывается, представителям фирмы "Орно" хватило одного взгляда, чтобы распознать изделие, и они жутко разволновались, узнав, в чем дело. Целых три часа занимались кольцом, производили всякие экспертизы и пришли к бесспорному выводу — коралл сожгли при переделке кольца и для сокрытия следов преступления покрасили его пошлым лаком. Естественно, они не могли сказать, кто это сделал, ибо не знали, в чьих руках побывало кольцо после выхода из их мастерской. Вот почему Марек устроил нам этот экзамен-допрос. Теперь ясно, кто мошенник. Честное "Орно" предложило заменить сожженный коралл на но-

вый, хотя он будет уже другой формы, ибо таких, как прежний, в настоящее время у них на складе нет. И не только у них, тот коралл был уникальной формы, и Working Тересино кольцо именно благодаря ему представляло собой изделие неповторимое, единственное.

Мы все вместе с представителями "Орно" очень переживали еще и из-за того, что мошенник ювелир располагает фирменной меткой "Орно". Приварит ее на каком-нибудь своем халтурном изделии, выдав его за шедевр известной фирмы, а мы опять, выходит, способствуем мошенничеству! Одна мысль об этом приводила нас в ярость, а что поделаешь?

Люцина пыталась хоть чем-то утешить нас:

— По крайней мере, лак у него оказался неплохого качества, облупился только через восемь лет...

Благородное поведение "Орно", которое взялось привести кольцо в божеский вид, очень подняло наше настроение, что было весьма кстати. Ведь и непредвиденная болезнь мамули, и неприятная история с кольцом, обрушившаяся на Тересу буквально с первых ее шагов по земле предков, делали пребывание канадской родственницы у нас очень далеким от того представления о земле обетованной, которое мы планировали ей создать. Запасы еды, которой собирались кормить Тересу, как-то очень мало расходились, хотя питались ими все подряд, а замороженных цыплят мне уже надоело возить из одного холодильника в другой, размораживая их и опять замораживая.

— Интересно, какие основания у моей старшей сестры считать меня такой обжорой? — возмущалась Тереса. — Подумать только, специально

для меня закупили три килограмма свиных отбивных и целую кучу цыплят. И все это я должна съесть? Что я, володух какой-нибудь, на самом деле?!

— Мне не хотелось, чтобы ты у нас голодала, — неумело защищалась мамуля.

Кузина, выписывавшая за столом рецепты для мамули, оторвалась от своего занятия:

— Будьте добры, объясните наконец, что такое володух? Я очень часто слышу от Иоанны это слово, но не имею понятия, что оно означает.

Удовлетворить ее любопытство взялась Люцина:

— Когда мы еще детьми жили в Тоньче... ты слышала, наверное, так называлась деревня, где жили наши родители? Ну так вот, в те далекие времена в соседней деревушке... ох, забыла ее название.

— Паплинок, — подсказала старшая сестра, моя мамуля.

— Ага, в Паплинке тогда жила одна баба, которая славилась своей просто невероятной скупостью. И вот однажды, на Пасху, когда ксендз ходил по дворам и колядовал...

— Ну что ты плетешь! — возмутилась мамуля. — Ксендз ходил по домам и святил праздничную еду.

— Какая разница? Главное, ксендза надо было как следует угостить, накрыть приличный стол, и две деревни разбирало любопытство — что подаст скупая баба. Трудно ей было, но она пересилила себя, сделала широкий жест и подала ксендзу яйцо, сваренное в мешочек!

— Что подала? — не поверила своим ушам кузина.

— Одно яйцо. Я рассказываю не анекдот, а чистую правду, эту историю до сих пор вспоминают в Тоньче. Должно быть, яйцо в мешочек было таким неслыханным угощением, что поглядеть на него в избу набилось не только все бабино семейство, не только вся живность со двора, не только ближайшие соседи, но чуть ли не вся деревня. В избе было не продохнуть, ксендза с угощением затолкали в угол, баба наконец не выдержала и заорала: "Псы во двор! Дети под стол! Ксендз не володух, всего яйца не съест, останется и вам!" Вот откуда и пошел наш володух...

— Насколько мне известно, вы собираетесь попутешествовать на машине? — спросила кузина, возвращаясь к своим рецептам. — В таком случае, уважаемая пани, не будьте володухом и соблюдайте строгую диету. Никаких яиц!

Необходимость соблюдать диету, да еще строгую, всегда действовала на мамулю угнетающе.

— Откуда ж тогда силы взять? — простонала она. — А мы собирались в горы. И к морю...

— А тебе придется там работать дровосеком и ловить неводом рыбу? — поинтересовалась ее младшая сестра Тереса.

В отличие от нее кузина к своей пациентке относилась со всей серьезностью.

— Вы ведь едете на машине? Иоанна, твою машину нет необходимости толкать в гору? Ну так какие проблемы? Вареное мясо, творог, рыбу, молоко есть можно. Побольше свежего воздуха, немного ходьбы, поначалу осторожно, без особого напряжения. По горам тоже можно ходить, но в меру.

— Какие там горы, так себе, небольшие горки, просто возвышенности, — пренебрежительно

бросила Люцина. — Сленский Бескид, Столовые горы...

— Не волнуйтесь, уж мы проследим, чтобы она ничего не ела, — заверила докторшу Тереса.

Я молчала, преисполненная самых мрачных прогнозов. В моем воображении я уже видела, как прочесываю деревню за деревней в поисках злополучных творога с молоком, но даже мое богатое воображение было не в состоянии предвидеть того, что ожидало нас в связи с необходимостью для мамули соблюдать диету и вести размеренный образ жизни...

Поездка была задумана в связи с приездом Тересы. Она высказала пожелание посетить те регионы Польши, которые не успела увидеть смолоду, до того, как уехала в Канаду. Таких регионов набралось порядочно: все побережье Балтики от Лебы до Свиноустья, все Судеты, Зеленогурское воеводство целиком, а еще куча отдельных мелочей, разбросанных по всей стране на большом расстоянии друг от друга. Ехать от Ловича к Виграм, да еще обязательно через Ченстохову казалось мне предприятием столь сомнительным, что я потребовала сначала уточнить план экскурсии. Уточнять что-либо в моем семействе — вещь практически безнадежная.

Возникли трудности и иного порядка. Например, нелегко было установить, кто именно едет. Ну Тереса, это ясно. Мамуля тоже, она у нас главная. Тетя Ядя тоже обязательно должна ехать, они с Тересой давние подружки. Должна ехать и Люцина, с ней чувствуешь себя увереннней, да и только она могла обеспечить нам ночлег в городах на морском побережье. Без отца мы не могли ехать, потому как он, в свою очередь, обеспечивал

ночлег на юге страны и в западных воеводствах. По роду своей деятельности он был на дружеской ноге с директорами сахарных заводов и кондитерских фабрик по всей стране и мог свободно пользоваться находящимися в их ведении комнатами для приезжих.

Решение проблемы ночлега имело для нас первостепенное значение, ибо наличие Тересы делало их чрезвычайно дорогостоящими. Как валютный иностранец, она должна была платить за номер в гостинице чудовищные цены, а о том, чтобы переспать ночь нелегально валетом с сестрой или племянницей, и слышать не желала. Вот почему так важно было заранее договориться со знакомыми руководителями учреждений и предприятий о возможности воспользоваться, с их любезного согласия, находящимися в их распоряжении служебными гостиницами или просто отдельными комнатами для командировочных.

В связи с вышеизложенным передо мной вырисовывалась перспектива поездки как минимум в двух направлениях одновременно с шестью пассажирами в машине, вмещающей только пять человек, включая и меня, водителя. Я решительно потребовала ясности.

Попытка внести ясность длилась полдня, стоила всем немало нервов и неизвестно, чем бы закончилась, если бы, как говорит пословица, не было бы счастья, да несчастье помогло. Принять решение заставило состояние здоровья мамули. Решено было сначала ехать к морю — там ей не придется взбираться на горы, там она укрепит здоровье, а оттуда, кружным путем, двинем на юг.

Решив первую проблему, мы тем самым решили и вторую. На море не было необходимости

в отце, и мы договорились встретиться с ним, когда поедем на юг. Встретимся у кузины Лильки в Чешине. Оттуда тетя Ядя на поезде вернется в Варшаву, а отец займет ее место в машине и примется осуществлять свою нелегкую миссию по обеспечению ночлега куче баб в самый сезон. Что уж он собирается говорить своим приятелям-директорам?

— Вам станет удобнее, — вздохнула тетя Ядя. — Правда, я тут сбросила два кило, но Янек все равно худее меня.

Люцину беспокоило, как Лилька выдержит наше нашествие.

— Прекрасно выдержит, — успокоила ее мамуля. — Детей она отправляет в лагерь, квартира будет пустой.

— А мы не могли бы ездить не только по шоссе? — вдруг спросила Тереса. — Всю жизнь я езжу по автострадам, и почему-то никогда нельзя свернуть в сторону. Эти автострады у меня уже в печенках сидят! Тут у вас найдутся, наверное, какие-нибудь второстепенные дороги, сельские, неасфальтированные?

— Ты и в самом деле считаешь, что у нас тут сплошные автострады? — удивилась Люцина. — Серьезно так думаешь?

— Ради Бога, сколько угодно, — ответила я одновременно с Люциной. — Можем ездить по грунтовым дорогам и вообще по бездорожью, возможности у нас большие. Только вот если дождь... Придется одной из вас идти перед машиной, проверяя глубину луж.

— Да нет, я не требую чересчур много, дорога какая-никакая должна быть, — оправдывалась Тереса.

— Полевые дороги тебя устроят? Проселки?

И вот настал день отъезда. В полдевятого мы собрались выехать, но в последний момент снова пришлось менять планы. Оказалось, начинать от Лебы нельзя, начинать надо с Сопота, а точнее, с Оливы. Отец малость перепутал и заказал нам комнату у знакомого директора шоколадной фабрики "Балтика". Войдя в квартиру родителей, я застала скандал в самом разгаре.

— На кой черт нам комната в "Балтике"? — кипятилась Люцина. — Ведь в Сопоте у меня подруга — владелица пансионата. Я могла заказать у нее хоть целый этаж!

— И вообще какого черта нам дался этот Сопот? — вторила ей Тереса. — В Сопоте я была! Нельзя проехать прямо в Лебу? Обязательно через Сопот?!

— И чего ты вмешиваешься, когда тебя не просят? — шипела на отца мамуля. — Твое дело — обеспечивать ночлеги в Силезии, а не на море! На море действует Люцина, это ее дело, зачем мешаешь?

Отец твердо стоял на своем:

— Мне велели заказывать там, где есть кондитерские фабрики. И я ведь не глухой, слышал, как вы уговаривались ехать к морю, вот я и постарался для вас!

— Еще бы, конечно же, мы говорили о море, потому как туда едем! Но ночлегами у моря занимается Люцина, твое дело — Силезия!!!

— Вот я и занялся. Смотри, у меня все записано на бумажке. Сначала море, это первый этап, а потом Силезия, я прекрасно слышал...

— Нет, этот старый пень сведет меня в могилу! Где Силезия, а где Олива!

Было ясно — мы не двинемся с места, пока отец не признается, что напутал. А он так скоро не признается... Надо что-то предпринять. И я решительно вмешалась в ссору:

— Ладно, покричали, хватит! Теперь ничего не изменишь, придется ехать через Сопот, нельзя ставить в глупое положение директора "Балтики". Зато в Лебу не поедем. В Лебе ты ведь тоже была, — обратилась я к Тересе. — И чего тебя опять туда тянет? Там уже пятнадцать лет назад было грязно, представляешь, что там сейчас!

— И в самом деле, — согласилась со мной Тереса. — Да я и сама не знаю, что, собственно, привлекает меня в Лебе. Можем и не ехать туда.

— Тогда давайте отправимся? — робко предложила тетя Ядя. — А если уж надо ссориться, можем это делать по дороге...

Отец обиделся на мамулю из-за пня, вещи сначала никак не умещались в лифте, потом в машине, ибо выбросить свое шестое колесо я категорически отказалась. Тетя Ядя с трудом сдерживала слезы. Она считала — все это из-за нее, так как она самая толстая. На Люцину, когда она плюхнулась на сиденье машины, вылилась бутылка молока.

Было начало июля, жара стояла невыносимая. За Модлином на шоссе стало немного свободнее, и я смогла перевести дух.

— А теперь давайте проверим, правильно ли мы едем и когда будем там, куда едем, — сказала я. — Тереса, у тебя под рукой моя сумка, вынь из нее голубой конверт. Да пошевеливайся же, недотепа!

— Как ты со мной говоришь! — возмутилась тетя Тереса.

— Она говорит не с тобой. Просто у нашей племянницы есть привычка, когда она ведет машину, обращаться к водителям других машин и к велосипедистам.

Я подтвердила слова тетки:

— И в самом деле, тащится как черепаха. Ну что, достала конверт?

Как всегда в поездках, мамуля, сидящая рядом со мной, держала на коленях раскрытую карту автомобильных дорог Польши.

— А что тут проверять? — удивилась она. — Ведь договорились же — едем в Сопот. И будем там сегодня. Шоссе вроде правильное, на столбике та же цифра, что и тут, на карте.

— Конверт я достала, — ответила мне Тереса. — И что дальше?

Ей ответила Люцина:

— А дальше совсем не обязательно бить меня по уху, хватит того, что ты уперлась мне локтем в ребро.

— Тесновато тут. И никуда я не заехала, не придирайся. И что, я так и буду всю дорогу держать этот конверт?

— Нет. Достань из него блокнот. Там записано, где и что именно заказал нам отец на первые дни. Узнаем, сколько времени останется у нас для моря и когда надо двигаться в Чешин.

— А так мы этого не знаем?

— Не знаем, конечно. Ведь пока в этом не было нужды. Сегодня в Оливе будем, это ясно, но надо распланировать завтрашний день.

Тереса достала блокнот, но оказалось, что без очков она закорючек отца не прочтет. Очки ее были в несессере, а тот в багажнике машины. Люцинины очки были в молоке, надо было вы-

мыть их и еще кое-что. К такому выводу пришла тетя Ядя, заглянув в сумку Люцины.

— Неплохо было бы остановиться где-нибудь у речки, — сказала она. — Или в деревне, у колодца.

— Лучше в деревне, — откликнулась мамуля. — Молока купим. Половина пролилась, нам не хватит.

— Пролилось все, — уточнила Люцина.

— А вот и нет. У меня еще в термосе есть. Но все равно не хватит.

Я с грустью подумала — слишком рано сворачиваю на млечный путь. По опыту прежних поездок знала, что без молока они никак не обойдутся, цистерны не хватит. А если выбирать из двух зол меньшее, то уж лучше попытаться купить молоко в деревне, чем запасаться им в так называемых кафе-молочных провинциальных городков. Итак, я покорилась своей участи и со вздохом попросила мамулю:

— Посмотри-ка на карту. Кажется, от Млавы проселочными дорогами можно проехать прямо к Мальборку. По дороге будут деревни. Посмотри, надо знать, что высматривать на дорожных указателях.

Мамуля изучила карту и вскоре произнесла:

— Прабуты.

— Прабуты под Млавой?!

— Нет, под Мальборком.

— А мне ведь надо знать, на что нацелиться сейчас, еще у Млавы!

— Как на что? Нацелься сразу на Гданьск.

Не хотелось останавливать машину, чтобы заняться самой изучением карты. Пришлось на-

жать на мамулю и вскоре удалось выдавить из нее информацию, что ехать надо через Журомин и Дзялдово. Потом дороги разойдутся, на Журомин пойдет влево, на Дзялдово вправо.

— А мне казалось — через Дзялдово едут на поезде, а не на машине, — вставила свое замечание тетя Ядя, но ее перебила Тереса:

— Я вырвала из блокнота нужную страничку, а она куда-то подевалась... Люцина, ты села на нее! Нет, не села, еще хуже! Убери свои копыта, перестань топтать несчастную бумажку, на ней и без того трудно разобрать написанное!

Из всех пассажирок только у одной мамули были под рукой очки, поэтому истоптанную страничку вручили ей.

— Двенадцать тридцать семь, — бодро прочитала мамуля. — До девятнадцати у блошки...

И оборвала фразу, поняв — тут что-то не так.

— Посмотри, что на обратной стороне, — посоветовала Люцина. — Тут какой-то шифр.

Мамуля послушно перевернула листок бумаги и прочла:

— Страх хреновый...

— Ну вот, опять! — возмутилась Тереса. — Теперь ты, в твои-то годы, выражаешься! Смотрю, без меня вы тут совсем распустились.

Пришлось отвести глаза от дороги и самой взглянуть на запись.

— Страховицкий из Хшановой, по его звонку заказан нам ночлег. Это половина записи. Посмотри на той стороне.

— Там только девятнадцать блошки? — спросила Люцина, так как мамуля не торопилась с ответом.

— Надо говорить "девятнадцать блошек", а не "девятнадцать блошки", — поучительно заметила Тереса. — Неужели я должна учить вас правильно говорить по-польски? Блошки может быть максимум три.

— Четыре, — поправила ее тетя Ядя. Опыт работы главбухом помог ей моментально вычислить эту возможность. — Может быть "четыре блошки".

— МОГУТ быть четыре блошки, — в свою очередь поправила ее Люцина.

— Могут, — согласилась покладистая тетя Ядя. — Могут. Теперь мы уже знаем все? Можно ехать спокойно?

— Нет, — возразила я. — Мамуля не все прочитала, там еще много чего написано.

— Откуда вы вообще взяли блошек? — удивилась мамуля, вглядываясь в каракули отца. — Да, тут и в самом деле еще что-то написано. Только никак не разобрать. Сви... Све...

— Свебодзице! — нетерпеливо подсказала я.

— Правильно, Свебодзице. Нет, никак не разберу. Тут отдельные буквы, обрывки слов. Неужели твой отец не мог записать нормально?

— Информацию ему передавали по телефону, он при мне ее записывал, писать пришлось на чем-то мягком, вот и вышли каракули. Ничего, ты попытайся расшифровать обрывки его записей, я догадаюсь, он при мне повторял вслух то, что говорили по телефону.

— Попробую. Уль партизан... шестнадцать... проход... рожа... березова два... право... кр... армия... ключ.

— Где? — выкрикнула Люцина, с горящими глазами слушавшая всю эту белиберду.

— Что "где"? — удивилась мамуля.

— Где ключ к этому шифру?

Мамуля явно была сбита с толку.

– А я откуда знаю?

– Но там же написано – "ключ"!

– Никакой это не шифр! – утихомирила я своих пассажирок. – Все просто и понятно.

– Ты шутишь? Что тебе понятно?

– Ночевка нам обеспечена в Свебодзицах с двенадцатого на тринадцатое июля, до девятнадцати мы должны забрать ключ от комнаты для приезжих у сторожа шоколадной фабрики по адресу: улица Партизан шестнадцать. А комната для приезжих находится на улице Березовой, от улицы Красной Армии вправо. Понятия не имею, где это, в Свебодзицах я была раз в жизни проездом. В проходной у сторожа будет ждать нас человек с ключом по фамилии... как его... прочитай еще раз!

– Нет тут никакого человека, – ответила мамуля, внимательно еще раз изучив записи отца.

– А что есть?

– Ну та самая блошка.

– Случайно не с большой буквы?

– Вроде с большой.

– Значит, это пан или пани Блошка, вот у кого будет наш ключ! И давайте постараемся запомнить фамилию, чтобы не перепутать. А то начнем спрашивать пана Таракана и обидим человека. Запомнили? А ты, мамуля, попытайся найти Свебодзице, надо рассчитать так, чтобы быть там в половине двенадцатого. А от Свебодзиц до Чешина уже недалеко.

Дискуссию на тему "Имеет ли вообще смысл ехать в Свебодзице" я подавила в самом зародыше.

– Ведь ты собиралась побывать на Западных Землях, – сказала я Тересе. – Там ты действительно ни разу не была. Вот удобный случай под-

ворачивается — доезжаем до моря и устремляемся сразу сверху вниз, с севера на юг. Одним махом ты разделаешься с Западными Землями. Для этого утром двенадцатого нам надо выехать из... ну из этого самого под Щецином... Люцина, как его?..

— Из Любятова под Пыжицами.

— Пусть будет под Пыжицами. Сегодня у нас что? Третье июля? Прекрасно, значит, до одиннадцатого, целых восемь дней, можете делать что угодно, а одиннадцатого мы останавливаемся в Пыжицах.

— Нет, в Любятове.

— Хорошо, в Любятове. А до тех пор можете делать что хотите, готова выполнить любую вашу блажь, любую прихоть...

Мамуля не замедлила воспользоваться позволением и тут же проявила блажь, потребовав немедленно свернуть в деревню за молоком. Ну вот, начинается мой крестный млечный путь! Естественно, она тут же забыла о своих обязанностях штурмана, переключившись на молоко, и я совсем напрасно проскочила на Оструду. Оттуда на Илаву пришлось добираться по дорогам четвертого класса — через луга и поля, по рытвинам и ухабам.

Теперь уже молока захотелось всем, допекли они меня этим молоком — сил нет, а Люцина вдобавок канючила о колодце, уверяя, что у нее в сумке уже творог образовался. Жара стояла неимоверная. Я выбрала деревушку позеленее и остановилась при въезде в нее, на развилке двух дорог, в тени развесистой липы. Главное было — найти хорошую тень.

Бабы из машины немедленно расползлись во все стороны. Мамуля помчалась искать молоко,

Люцина – колодец. Тетя Ядя дала волю своей страсти к фотографированию и перегоняла меня с Тересой с места на место, выбирая эффектные участки пейзажа и без устали щелкая нас, восхищаясь окружающей колористикой. По одну сторону дороги, на откосе, росли крупные фиолетовые цветы, на лугу по другую сторону дороги краснели маки, Тереса была в желтом сарафане, я – в голубом, так что и в самом деле от колористики могло помутиться в голове. Солнце жгло огнем.

Вернулась мамуля с молоком, вскоре подтянулась и Люцина.

– Может, теперь мода такая пошла на клетку, не знаю, – сказала она, усаживаясь с вымытой сумкой на своем месте, – только вон за теми деревьями стоит машина, а внутри – чемодан, ну точно в такую же клетку, как те вещи, в аэропорту, у которых хозяин потерялся. И какие-то люди рассматривали вас в бинокль.

Мы как-то вяло прореагировали на потрясающую информацию – из-за жары, наверное. Я что-то нечленораздельное пробурчала, а Тереса язвительно заметила:

– Ничего удивительного, ведь моя старшая сестра долго сидела на корточках у нашей машины, вот они и хотели выяснить, чем это она занимается.

– У самой машины? – Люцина была шокирована. – Не могла немного в сторону отойти?

– Отстаньте, ну чего привязались? – рассердилась мамуля. – Я просто наконец-то напилась как следует молока.

– Точно, сидела на корточках спиной к нам, – подтвердила тетя Ядя. – Я и ее щелкнула.

Мамуля вконец разобиделась.

— Интересно, как я, по-вашему, могла налить молоко в стакан из бутыли? С машины стакан съезжал, пришлось поставить его на землю. Из бутыли пить молоко, что ли?

— Могла бы один раз нагнуться и налить, а не присаживаться без конца. Мужик на велосипеде проезжал, так слетел с велосипеда, до того на тебя засмотрелся! Чуть шею не вывернул.

— Правда, слетел, — подтвердила я. — И дальше не поехал, а стал смотреть.

— Никакого мужика не было! Все-то вы напридумывали!

— Да вон он еще стоит, обернись, — сказала я, трогая машину с места. — Можешь полюбоваться.

— Послушайте, если мы поедем через Мальборк, так, может, полюбуемся замком? — предложила Тереса. — Вместо мужика. А то, когда я там была последний раз, видела одни развалины...

Ну и в результате до Сопота мы добрались только под вечер. По дороге был не только Мальборк, но и Олива, где пришлось разыскивать знакомого директора. Тысяча извинений, дескать, простите за беспокойство, но так складываются обстоятельства, что мы вынуждены отказаться от комнаты, которую просили приберечь для нас... Тысяча извинений оказалась совершенно лишней, директор страшно обрадовался, что у него освобождается комната, потому что сегодня ни с того ни с сего ему на голову свалился высокий гость из Чехословакии, и он уже сломал эту голову, раздумывая, куда бы его определить. Так что претензий к нам он не имел, напротив, сам рассыпался в благодарностях.

От ночлега у директора мы отказались, рассудив, что нам удобней будет остановиться у подруги Люцины.

Проведя целый день за баранкой в такую жару, я уже ни о чем, кроме купанья в море, не могла думать. Тереса тоже. Небольшой пансион подруги Люцины находился недалеко от пляжа, в южной части города. Наскоро припарковавшись на боковой улочке поблизости, рядом с "пежо" вишневого цвета — что-то такое с ним связано, не вспомнить, я предоставила Люцине заниматься вопросами нашего устройства, а сама помчалась к пляжу. Тереса за мной. На мне был купальный костюм, сарафан и сандалии на босу ногу, на Тересе то же самое, так что не было необходимости переодеваться.

Затормозили мы уже на пляже, у самого моря. Моря? Долго в молчании смотрели мы на жидкость у своих ног.

— Что это? — спросила Тереса, брезгливо сунув в воду большой палец ноги. — Ты уверена, что это море? Может, здесь проходит какой-нибудь отводной канал?

— До сих пор я считала, что все нечистоты в Польше спускаются в Вислу, — ответила я. — Похоже, я не иду в ногу со временем.

Вдоль берега тянулась широкая полоса зловонной густой жижи грязно-бурого цвета, в которой просматривались рыбьи головы и прочие отбросы, а из чего состояла жижа — лучше было не думать.

— Я туда не полезу, — сказала Тереса решительно и сердито.

— Другие же лезут, — буркнула я, глядя на плещущихся в некотором отдалении от берега лю-

дей. Должно быть, длительное сидение за баранкой автомашины отрицательно сказалось на моих умственных способностях.

— Может, они закаленные, — возразила Тереса, — или им прививки какие сделали. Или просто сумасшедшие. А чистой воды здесь нет?

Я попыталась встряхнуться.

— Есть, конечно же есть! Но немного подальше, во Владиславове, там уже не залив, а открытое море. Ты права, давай проедемся до Владиславова.

Я развернулась и помчалась обратно к машине, таща за собой Тересу, которая упиралась, с ужасом глядя на купающихся. Я тянула ее все сильнее. Очень хотелось поскорее окунуться в чистую воду. Умру, если немедленно не искупаюсь! А кроме того, во мне взыграли патриотические амбиции. В своей Канаде Тереса жила на берегу озера, чистого как слеза, даже раки в нем водились, а у нас что?

Бабам я дала пятнадцать минут — только достать купальники. Пока доставали, я, опять же из патриотических соображений, пыталась убедить Тересу в том, что подозрительное содержимое зловонной жижи не всегда появляется в заливе, только иногда, и откуда берется — неизвестно, но уж ни в коем случае не из канализации. Тереса слушала меня недоверчиво, а скептическое выражение ее лица красноречиво свидетельствовало о том, что мне она мало верит. Должно быть, неубедительно я убеждала ее...

Спустившись вниз к машине, мы уже не обнаружили вишневого "пежо". Заметила я его отсутствие лишь потому, что свободно могла выехать со стоянки, а уже подсознательно настрои-

лась на трудности. Так что выехала нормально, не задом.

Впрочем, все это я по-прежнему делала в почти невменяемом состоянии, в том же состоянии покрыла в рекордный срок расстояние до Владиславова и пришла в себя, только искупавшись в чистой морской воде. И уже не было жарко, наоборот, я бы сказала — стало холодно. Одно дело — жаркий июльский полдень в деревне Центральной Польши, и совсем другое — вечер на Балтике. Тереса принялась ворчать — дескать, какая это Прибалтика холодная. Можно подумать, у них в Канаде тропики! Люцина и мамуля не купались, поэтому зловеще пророчили нам воспаление легких, ревматизм и даже скоротечную чахотку. Тетя Ядя с сумасшедшим блеском в глазах щелкала своим фотоаппаратом все, что попадало под руку.

— Перестаньте каркать! — отозвалась я, быстренько переодеваясь на заднем сиденье машины в сухую одежду. — Лучше взгляните-ка вон на ту машину, что стоит за забором. Видите, вишневый "пежо"? В нем должна быть клетчатая сумка на заднем сиденье.

Тетя Ядя тут же щелкнула "пежо", а потом заглянула внутрь.

— И в самом деле, клетчатая сумка. А ты откуда это знаешь?

Я удовлетворенно кивнула головой. Похоже, холодное купанье благотворно сказывается на умственных способностях.

— Серо-сине-красная клетка? Так я и думала, то-то мне этот "пежо" сразу показался знакомым. Из аэропорта в нем везли тот самый злополучный багаж, владелец которого потерялся. Что-то они

всю дорогу путаются у нас под ногами. Есть хочется страшно, а вам?

Есть хотелось всем, поэтому мы не мешкая направились в расположенный у пляжа роскошный пансионат "Сольмаре", выбросив из головы невезучий клетчатый багаж. Мамуля уныло сидела над стаканом горячего чая с сухариком, стараясь не смотреть, как мы объедаемся великолепным фирменным тортом "Сольмаре".

Уже совсем стемнело, когда мы вернулись в наш пансионат в Сопоте. Вишневый "пежо" стоял на своем прежнем месте, рядом все было занято, пришлось припарковаться подальше. Опять этот "пежо" тут! Может, и в самом деле нас преследует?

— Теперь, может, до тебя наконец дойдет, что комнату мы получили в мансарде, одну на всех, — холодно сказала Люцина, вылезая из машины. — Другой не было.

— А ванная там есть?

— Ванная есть.

— Ну так чего еще можно желать? — беззаботно отозвалась я, потому что на море у меня всегда прекрасное настроение. — Постарайтесь не храпеть и не кричать во сне.

Комната была очень большая, на пять коек, и весьма необычной конструкции: в стенах окон не было, вместо них — слуховые окна в потолке. Неподалеку и в самом деле была ванная комната.

Мамуля, Люцина и тетя Ядя быстренько умылись и сразу легли спать. Тереса не могла себе этого позволить, так как необходимо было немного уменьшить декольте на пляжном платье, которое, по ее утверждению, непристойно открывало больше, чем требовалось.

— Можешь идти в ванную, — сказала она мне. — Вот переставлю пуговицы и пойду после тебя.

— Учтите, свет выключили, — объявила Люцина.

— Как это выключили? Ведь горит.

— Здесь горит, а в коридоре и в ванной погас. Выключили или что-то испортилось. Я как раз заканчивала мыться.

В раскрытое окно ванной ярко светила луна, и краны я нашла сразу. Мелкие неудобства — однобокий душ, хождение за мылом к подоконнику, отсутствие вешалок для полотенца и халата — настроения не испортили и купанью не помешали. Главное — была горячая вода. Ощупью вытерлась, оделась, ощупью пробралась по коридору в свою комнату.

— Мойся с открытым окном, — посоветовала я Тересе. — Луна светит ярко, все видно.

Тереса отправилась в ванную и очень долго не возвращалась. В коридоре раздались чьи-то голоса. Выглянув, я увидела горничную и электрика не стремянке, свет уже горел, а Тереса все торчала в ванной. Может, устроила себе постирушку? Мы уже начали беспокоиться, не случилось ли с ней чего. В ванне утонуть она не могла, ибо ванны не было.

Прошло около часа. Наконец Тереса вернулась, вздрюченная до невозможности, и с ходу набросилась на нас:

— Какая зараза выключила мне свет в ванной?

Мы ничего не понимали.

— Ты о чем? Ведь в ванной света не было. И что ты там до сих пор делала?

Не отвечая, Тереса ополчилась на меня:

— Ты тоже хороша. "Ах, луна светит, ах, оставь окно открытым!" Холодрыга жуткая, пришлось закрыть. И, конечно, уронила мыло! Выскользнуло, куда-то покатилось. Принялась искать в темноте, весь пол ощупала, а тут вода льется, с трудом нашла краны, чтобы выключить. И тут зажегся свет...

— Вот и хорошо, что зажегся! — попытались мы успокоить разбушевавшуюся Тересу. — Сразу все стало видно.

— Да не у меня зажегся! В коридоре! Я слышала, как кто-то говорил — ну, теперь порядок, в ванной тоже есть свет. Тут я принялась искать выключатель, теперь уже ощупала все стены — никакого выключателя! Значит, он снаружи, а выйти я не могла, потому как голая, а в коридоре были люди и разговаривали, ну я нашла мыло и опять включила воду, да по ошибке холодную! Ну, чего ржете? Вас бы на мое место. Какая гангрена выключила свет в ванной?

— Должно быть, я, — пришлось признаться. — Вроде бы, уходя после мытья, я автоматически нажала на выключатель. А ты уж не могла набросить халат и выглянуть в коридор?

— Не могла! Мокрая я была и вся грязная!! От этого щупанья в потемках.

— Ну подождала бы, пока люди из коридора уйдут, велика беда!

— Подождать! А если они сами ждали, пока ванная освободится? Они бы ждали в коридоре, я в ванной, и торчали бы так до Судного дня! Пришлось в конце концов открыть луну... тьфу!.. окно открыть, дуло в него по-страшному, ишиас я заработала, это как пить дать!

— Так попросила бы тех людей в коридоре зажечь тебе свет! — сказала я.

Тереса вдруг перестала свирепствовать, как-то странно посмотрела на меня и легла в постель. Правда, тут же стала ворчать на дым, который попадал в нашу комнату через открытые слуховые окна в потолке. Люцина утешила ее, что скоро перестанут топить в доме и дыма не будет.

— Утром опять пойдет, — не уступала Тереса и без всякого перехода поинтересовалась: — Интересно, что за шайки гнездятся в этом пансионате?

— Какие шайки? — удивилась Люцина.

— Преступные, ясно.

— Мне ничего не известно ни о каких преступных шайках!

Мне тоже стало интересно:

— А почему ты решила, что в пансионате водятся преступные шайки?

— Да эти люди в коридоре как-то странно вели себя, — пояснила Тереса. — Разговор у них был какой-то подозрительный. Причем говорили они тоже подозрительно, шепотом. Потому я и не стала просить их зажечь мне свет.

— Шепотом? И ты слышала? — удивилась мамуля.

— Так ведь они у самой двери в ванную стояли, а там, видели, какая щель? В нее меня наверняка просифонило при открытом-то окне!

— Ну так о чем же они шептались?!

— В том-то и дело, что не знаю!

— Здравствуйте! Только что сказала — разговоры подозрительные, и вдруг не знаешь?

— Неужели не ясно? — опять разозлилась Тереса. — Слова-то я слышала, только их смысла не поняла. А смысл явно зловещий! Таинственный!

— Так что за слова?

— Сейчас вспомню. Значит так, они шептали: "Опять здесь". Потом: "И не скрывается". И еще: "Это не может быть случайным". Потом: "Может, это ловушка?" И наконец: "Любой ценой надо с этим покончить!.."

— Ничего особенного! — сказала мамуля. — Почему ты решила, что это обязательно шайка преступников?

— Я же уже объяснила, — опять разозлилась Тереса, — важно не то, о чем они говорили, а то, как они это говорили! Слышали бы вы! Таким зловещим шепотом...

— А сколько их было?

— Три штуки. Двое мужчин и одна женщина.

— Ну, невелика шайка, — презрительно фыркнула Люцина. — Нас больше.

Старшая сестра с энтузиазмом ее поддержала:

— Еще бы! Как выскочим в коридор в ночных рубашках с дрекольем в руках — никакая шайка не устоит! Сразу разбегутся!

— Вот только где мы возьмем дреколье? — скептически заметила тетя Ядя.

— Хватит смеяться! — обиделась Тереса. — Откуда я знаю, где взять дреколье... То есть я хотела сказать — не нравится мне это! Кажется подозрительным! Они говорили о каких-то махинациях, уж вы мне поверьте!

С трудом настроившись на серьезный лад, мы объяснили нашей заграничной родственнице, что в туристический сезон в Сопоте махинациями занимаются все, кому не лень, и совсем не обязательно для этого сбиваться в преступные шайки.

И все-таки Тересу мы не переубедили.

— Как хотите, а они мне не понравились, — стояла она на своем. — Очень не понравились. И Люцина тоже хороша — нашла, где нас поселить. В какой-то подозрительной малине...

Потом подозрительной оказалась Устка, где Люцина устроила нас в доме отдыха, заведующая которым была ее подругой. Здесь нам повезло: мы угодили в перерыв между двумя заездами и одни наслаждались всеми благами, положенными отдыхающим. Безоблачное счастье несколько замутил скандал, разыгравшийся прямо под нашими окнами глубокой ночью. Исполненный драматизма дамский голос требовал немедленного возврата двухсот банок мастики для паркета, в крайнем случае соглашаясь принять вместо них духи "Суар де Пари", а мужской голос раздраженно предлагал вместо мастики поставить пустые бутылки и лично их разбить, причем брался сам составить по всей форме протокол о гибели товара, одновременно высказывая какие-то туманные обвинения в адрес какого-то паршивца Зютека, который никогда не держит слова, падла!

Тереса опять жутко раздергалась из-за очередной преступной аферы, тем более подозрительной, что отчаявшейся даме, судя по всему, было все равно, будет ли она благоухать мастикой для паркета или французскими духами. И опять непросто было втолковать Тересе, что никакая это не афера, а просто переучет в магазине хозтоваров.

Во всяком случае, ночь прошла интересно, а после нее наступил не менее интересный день. Моим бабам мало оказалось молока, теперь они

зациклились на рыбе. Они вдруг дружно решили, что жить у моря и не поесть рыбы — просто смешно. Это очень задержало нас в пути, так как пришлось останавливаться перед каждым рыбным магазином, и по большей части напрасно. Меньше других участвовала в рыбной лихорадке тетя Ядя, занятая своим фотографированием и вспомнившая, что она худеет. Не выпуская из рук фотоаппарата, она щелкала направо и налево пеструю летнюю толпу с нами на первом плане.

В Колобжеге у нее кончилась пленка. Она зарядила в аппарат новую, а вынутую решила тут же отдать проявить. Поскольку при самом въезде в город мне попался навстречу знакомый филателист, а говорить из-за тети Яди мы могли только о пленке, филателист, чтобы отделаться от нее с пленкой, назвал адрес хорошей, по его словам, фотомастерской, и тетя Ядя бросилась туда бодрой рысцой. Ей обещали проявить пленку через два дня из уважения к упомянутому филателисту, а обычный срок в разгар сезона — две недели.

Только вечером мы сообразили, что два дня для нас тоже слишком большой срок, из Колобжега мы должны уехать во что бы то ни стало утром следующего дня, в связи с чем тетя Ядя опять бодрой рысцой отправилась в мастерскую умолять их проявить пленку к завтрашнему утру. Вернее, бодрой рысцой мчались мы с ней на машине, ибо уже наступил вечер и мастерскую могли закрыть. Успели мы перед самым закрытием. Я не могла ей помочь — приходилось оставаться в машине и делать вид, что я вовсе не стою — у мастерской как раз висел знак, запрещающий стоянку — а просто так себе потихоньку проезжаю мимо.

Тетя Ядя вернулась быстрее, чем я ожидала, совершенно ошарашенная.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась она, — этот пан принял меня как-то так... невежливо. Перед этим был очень внимательный и вежливый, а сейчас — совсем наоборот. Не только отказался выполнить заказ побыстрей, но и вообще не хотел возвратить мою пленку.

— Как это — не хотел? Почему?

— Понятия не имею. Начала я его просить проявить побыстрее, он сразу — "И речи быть не может!" Ну, в конце концов, понять их можно, работы невпроворот, тогда я вежливо прошу в таком случае вернуть мне непроявленную пленку, дескать, проявлю в другом месте. Так он, представляешь, принялся крутить — стал сначала говорить, что отправит мне ее по почте, чтобы я оставила адрес, потом вспомнил — пленка уже в лаборатории, он дал заказ на ее проявление и отказаться нет никакой возможности, потом что-то еще выдумал, в общем, плел несусветные глупости и при этом грубил мне!

— А чем дело кончилось? Удалось пленку получить обратно?

— Удалось, уж я на своем настояла! Ведь там же превосходные кадры, пленка цветная, тип явно что-то крутит, не дай Бог, пропадет пленка! Вот я и сказала — не уйду без своей пленки! И не ушла!

— А ты уверена, что он отдал тебе твою, а не первую попавшуюся?

Похоже, такая возможность тете Яде не пришла в голову. Она страшно встревожилась:

— Да нет, конечно, не уверена! Как ее проверишь? Езус-Мария, думаешь, он всучил другую? Зачем это ему?

Я тоже не имела ни малейшего понятия, зачем это ему, но странное поведение хозяина мастерской наводило на всякие такие мысли. Кому могла понадобиться пленка, на которой запечатлена мамуля на корточках у машины, наша пестрая компания на фоне живописного пейзажа или памятников архитектуры, Люцина, алчно пожирающая жареную треску, и прочие глупости? На всякий случай — и семейство единодушно меня в этом поддержало, редкая вещь — еще в тот вечер я позвонила знакомому филателисту и попросила его выяснить загадку, в награду пообещав ему Шекспира за два с половиной шиллинга.

Когда на следующее утро мы с филателистом встретились, он сказал следующее:

— Странная история, проше пани, я так толком и не понял. Похоже, вашей пленкой кто-то интересуется. Фирма "Антоний" — так зовут моего знакомого, — так вот, фирма "Антоний" был злой как черт и не стал мне всего рассказывать. Какая-то неприятная история, я понял только, что кто-то вроде предлагал ему большие деньги за эту пленку, Антоний попал в неудобное положение, нагрубил клиентке, потому что не знал, как выпутаться из глупого положения, но пленку ей отдал ту самую и вообще больше не желает о проклятой пленке ничего слышать.

Я поблагодарила услужливого филателиста — как все-таки благородное хобби помогает людям! — и теперь не на шутку задумалась над историей с пленкой. Подошла к оставленной на стоянке машине и застала в ней одну одинокую Люцину.

— А где остальные? — недовольно спросила я. Баб своих я знаю, их только отпусти — до вечера не соберешь, а нам ехать пора.

— Только сфотографируют вон тот киоск с янтарем и вернутся, — успокоила меня Люцина и с гордостью добавила: — А я вора прогнала!

— Что ты сделала?

— Спугнула вора! Не знаю, что он хотел украсть из нашей машины, но я сначала спугнула его, а уже потом заметила, что на самом видном месте стоит торба твоей матери. Знай такое, не стала бы спугивать, подождала бы в сторонке, пока он ее не свистнет. Вот интересно посмотреть, что он станет делать, когда украдет и раскроет сумку!

Злополучная фотопленка тети Яди сразу вылетела из головы — я тут же переключилась на вора и мамулину сумку. Мне тоже интересно было бы взглянуть! Никто не знал, что она в ней таскает, но тяжесть это была страшная, а теперь еще усугубленная двумя бутылками молока и тремя термосами — один с молоком, а два с чаем.

— Конечно, надо было дождаться, пока он ее не украдет! — упрекнула я тетку. — Ну, расскажи, как было дело.

А дело было так. Оставшись одна в машине, Люцина, доставая очки, уронила их под переднее сиденье. Сидя достать их не удалось, должно быть, глубоко завалились, пришлось залезть под сиденье и шарить там. Дверца машины была захлопнута, переднее сиденье заблокировано, так что изнутри его не откинешь, вот и пришлось, согнувшись в три погибели, копошиться на полу машины. Занимаясь этими акробатическими упражнениями, Люцина слышала, как кто-то подошел к машине, обрадовалась, что я вернулась или сестры, и вынырнула из-под сиденья — теперь

можно будет его откинуть и нормально достать очки. И увидела совершенно незнакомого человека! Тот через опущенное окно дверцы засунул в машину не только руку, но и голову, и уже дотягивался рукой до мамулиной торбы. Увидел вылезшую Люцину и сбежал.

— Не понравилась ты ему! — констатировала я. — Плохое впечатление на вора произвела! Надо было вылезать с приятным выражением лица, тогда, глядишь, он сбежал бы с мамулиной сумкой, и мамуля перестала бы поднимать тяжести.

— Ты что! Через окно она бы не пролезла!

— Люцина, а ты уверена, что это был мужчина, а не женщина?

— Не уверена, солнце било прямо в глаза, но вроде бы мужчина.

Дамы оставили наконец в покое киоск с янтарем и вернулись к машине. Мамулю, естественно, возмутила критика ее торбы, она сердито затолкала ее себе под ноги, ворча, какое нам дело до того, сколько килограммов она выжимает, это, дескать, ее личное дело. Может, ей так нравится. И вообще, ничего она не выжимает, держит в ней ноги. В конце концов, имеет право!

— Мочишь мозоли в молоке? — поинтересовалась Люцина. — Новый способ?

— Что хочу, то и делаю, отвяжитесь! И вообще тут только самое необходимое!

Тетю Ядю сообщение о воре очень встревожило, ведь она оставила в машине сумку. Правда, прикрыла подстилкой, но все равно рискованно, мог запросто украсть.

— И чего ты так нервничаешь? — успокаивала ее Люцина. — Ну пусть бы даже украли, что там

такое у тебя в сумке, чтобы так переживать? Паспорт твой у меня. Возишь с собой большие деньги?

— Какие там деньги! Я взяла с собой сберкнижку, сниму, сколько потребуется. Записную книжку даже забыла дома. Так что в сумке ничего ценного, кроме пленки.

— Да, кстати о пленке! — сказала я, выводя машину со стоянки. — Ну чего застрял, идиот, сейчас красный дадут! Ну и кретин! Вспомни, что ты там наснимала? Посторонние лица очень интересуются твоей пленкой.

— Когда Иоанна вот так поминает кретинов и идиотов, мне все кажется, что она говорит о нас! — недовольно сказала Тереса.

— Ты всегда была самокритична, — похвалила Люцина младшую сестру.

— Какие такие посторонние лица? — тетя Ядя не на шутку разнервничалась. — Вы ведь сами знаете, я начала новую пленку, всего четыре кадра использовала.

— Что вы так все одновременно галдите! — прикрикнула на нас мамуля. — Говорите по очереди. И объясните, что там за посторонние кадры!

— А что ты сняла на этих кадрах? — спросила я тетю Ядю.

— Во всяком случае, никаких посторонних лиц, кроме вас, я не снимала! — нервно ответила тетя Ядя. — Я снимала кота.

Только я собралась разъяснить тете Яде, в чем дело, как вдруг почувствовала под ногой что-то твердое. В этот момент я как раз выполняла левый поворот на чрезмерно оживленном перекрестке — такое впечатление, что здесь сгрудился

весь транспорт города Колобжега! В этой ситуации я не могла шарить по полу, чтобы выяснить, что там такое, но могла сколько угодно домысливать, и воображение заработало! Припомнились все страшные истории. Что-то твердое явно двигалось, а ну как влезет под педаль тормоза?

— Эй! — не помня себя крикнула я пассажиркам. — Не было ли у кого из вас черепахи?

— Какой еще черепахи? — возмутилась Тереса, а тетя Ядя чуть не плача поправила меня:

— Да нет же, не черепаха, я говорила о коте!

— Прям зверинец какой-то, — радовалась Люцина. — Только жирафа не хватает!

— Какая-то твердая штука путается у меня под ногами, — пояснила я. — Вот и спрашиваю, не было ли у кого из вас черепахи? Что-то такое похожее...

Люцина сразу перестала радоваться.

— Мои очки! — крикнула она. — Это мои очки! Отдай мне их!

— Сейчас не могу! — крикнула я в ответ. — Вот обгоню эти два грузовика и освобожусь от велосипедистов... Надеюсь, футляр прочный.

— Расскажет мне наконец кто-нибудь, что же случилось с этой Ядиной черепахой? — домогалась Тереса, отмахиваясь от Люцины, которая ей что-то кричала об очках. — Ничего с твоими очками не сделается, если выдержали до сих пор! Оставь их в покое!

— Да как же я их оставлю, если перекатываются под ногами и мешают вести машину!

— Черепах вовсе не было в кадрах, тьфу, я хотела сказать, кота не было под ногами, тьфу, я не то хотела сказать, все перепуталось...

— Перестань плеваться, еще наплюешь мне в сумку!

Отделавшись наконец от грузовиков и велосипедистов, я смогла достать из-под ног очки Люцины и рассказать о посторонних лицах, интересующихся пленкой тети Яди. Все замолчали, подумали и принялись высказывать разные соображения. Соображения в основном касались того, что могло оказаться в кадрах на фотопленке. Тетя Ядя клялась всеми святыми, что на первых четырех кадрах фигурирует белый пушистый кот соседей поразительной красоты, на голубом фоне. Она, тетя Ядя, специально подложила под кота свой голубой халат, чтобы добиться нужного цветового эффекта. И она, тетя Ядя, клянется — ни в коте, ни`в халате не было ничего такого, что могло бы заинтересовать посторонних лиц. А на всех остальных кадрах пленки, как уже известно, сняты мы в разные моменты нашей поездки.

В заключение тетя Ядя призналась, что теперь будет бояться ходить с сумкой, вдруг ее кто вырвет вместе с пленкой.

— Так не носи ее в сумке, кто тебе велит?

— А еще лучше — вообще не ходи с сумкой, тебе же будет спокойнее.

Люцина внесла предложение:

— С пленкой надо кончать. Или сразу выбросим ее за окно, или припрячем как следует.

Разгорелась дискуссия о том, как понимать выражение "как следует". В ходе дискуссии мамуля достала из своей неприкосновенной сумки флакон с таблетками в картонной упаковке, вытащила флакон, а картонку отдала тете Яде. Та вложила в нее драгоценную фотопленку, картонку

сунула в конверт, а конверт упрятала в карман на дверце автомашины.

— Тут она будет в безопасности, — заверила я тетю Ядю и, как честный человек, добавила: — Если не случится какого-нибудь исключительного потопа. А если начнется потоп, придется ее оттуда вынуть, потому как дверца немного протекает. Отдадим пленку проявить там, где останемся подольше.

Промелькнула мимо надпись: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В СВЕБОДЗИЦЕ. Перестроившись в правый ряд, я резко сбросила скорость и попросила:

— Пусть кто-нибудь уточнит, на какой улице находится нужная нам фабрика с ее проходной, будем расспрашивать прохожих.

Оказалось — от Пыжиц до Свебодзиц триста девятнадцать километров. Мамуле понадобилось для вычисления этого целых два дня. Из-за Зелёна Гуры, которая почему-то жутко мешала. Вообще, надо сказать, мамуля очень любила заниматься автомобильной картой и неплохо в ней разбиралась, только вот с арифметическими расчетами дело обстояло плохо. И еще с определением направления, в котором следовало ехать, как в данном случае, когда по непонятным причинам на пути всякий раз оказывалась Зелёна Гура.

Вряд ли можно передать все те муки, которые пришлось мне вынести для того, чтобы за один день отмахать упомянутые триста девятнадцать километров. Дорога проходила по на редкость живописной местности, мимо проносились изумительные уютные городки, густые зеле-

ные леса, роскошные луга с прихотливо извивающимися речками, и мои пассажирки насмерть обиделись на меня за то, что я категорически отказывалась где-либо останавливаться. Не дала я им возможности выйти из машины, размять усталые ноги, вдохнуть бодрящий воздух, насладиться прекрасным видом. А сколько совершенно уникальных объектов для фотографирования навсегда промчалось мимо безутешной тети Яди! И ни одна из них не в состоянии была понять взаимосвязи времени и пространства. Когда же они в четыре голоса принялись проклинать меня на чем свет стоит, пришлось капитулировать и сделать несколько остановок, в результате чего к Свебодзицам мы подъехали уже в седьмом часу вечера. А тут еще мамуля принялась жаловаться на печень. Еще бы не жаловаться, ведь в последний день нашего пребывания у моря она наелась рыбы про запас.

— У тебя была бумажка с записями, — сказала ей Люцина. — Где она?

— Как где? Я отдала ее Тересе.

— Мне?! — возмутилась Тереса. — Ничего подобного! У меня она была с самого начала, а потом я ее кому-то передала.

— Так где же она может быть?

— Посмотри в бардачке, — попросила я мамулю.

Естественно, вырванной из блокнота странички с нужной информацией нигде не оказалось. Пропала, как в воду канула, придется информацию восстанавливать по памяти. Адрес кондитерской фабрики — пустяк, любой ребенок нам ее покажет, а на фабрике нам скажут, где у них ком-

наты для приезжих, так что нет проблемы. Проблема была в другом — я не помнила фамилии человека, у которого был оставлен для нас ключ от этой комнаты.

— Ради Бога, поднатужьтесь и вспомните, без фамилии я туда не сунусь! — взмолилась я, останавливая машину наконец у проходной кондитерской фабрики на улице Партизан. — Сейчас без десяти семь, нам велено успеть до девятнадцати, это я запомнила, сторож в проходной сидит, а еще там должен сидеть и ждать нас человек с ключом. Как его фамилия? Вроде от какого-то насекомого, но вот какого — убейте меня, не помню!

— Какое-то неприятное насекомое, — неуверенно подсказала тетя Ядя, — кусачее какое-то... Может, клоп?

— Или комар? — выдвинула предположение Тереса.

— Что не таракан — это я твердо знаю, — уверенно заявила Люцина. — Может, пруссак? Пан Пруссак?

Нет, никакие нервы не выдержат с этой компанией!

— Остановитесь на чем-нибудь одном, — рассердилась я. — Не могу же я перечислять сторожу всю эту гадость! И побыстрее думайте!

Тереса поднапряглась и выдала новое предположение:

— Вроде бы это было как-то ласкательно.

— Вошка? — немедленно откликнулась мамуля.

— Ну, знаете! — возмутилась я. — Если его зовут пан Комарик, а я буду спрашивать о пани Вошке... Лучше мне туда вообще не соваться! Фиг

мы тогда ключ получим! Еще в суд на меня подадут за оскорбление человеческого достоинства.

— А ты постарайся спрашивать без свидетелей, — посоветовала Люцина.

Нет, с ними каши не сваришь! Похоже, остаток дней своих мы проведем на улице Партизан в Свебодзицах у проходной кондитерской фабрики. На мое предложение отправиться кому-нибудь вместо меня ни одна не согласилась. Оно и понятно — кому охота рисковать, пытаясь установить отношения с лицом неопределенного пола и сомнительной насекомой фамилией! Время шло, не принося новых творческих идей. Правда, Люцина настаивала, что насекомое начинается с шипящей буквы, но все дружно отвергли как шмеля, так и жужелицу, главным образом потому, что от них было трудно образовать уменьшительное.

Положение становилось угрожающе безвыходным.

И тут из дверей проходной вышел мужчина. Какое-то время он нерешительно разглядывал нас, а потом направился к нашей машине. Подойдя, он вежливо спросил:

— Простите пожалуйста, вы не те ли пани, которых я жду? Вижу — на машине варшавский номер, а как раз Варшава заказывала у нас комнату для приезжих...

Еще немного — вежливый пан был бы задушен в горячих объятиях пяти баб, но огромным усилием воли мы себя сдержали. Какой чудесный человек, какой вежливый! Он видел — мы ему жутко обрадовались, но и сам, похоже, обрадовался не меньше, должно быть, надоело торчать с ключом в проходной.

— Разрешите представиться, моя фамилия Блошка, очень приятно, очень приятно! Вот ваш ключ, а как же, я ведь обещал передать лично вам, не хотелось оставлять у сторожа. Припозднились вы, к сожалению, уже стемнело, но я постараюсь получше объяснить, как найти дом...

И он подробно объяснил, и мы, с трудом оторвавшись от этого восхитительного человека, двинулись на поиски ночлега. И сразу заблудились, потому что там, куда, следуя указаниям пана Блошки, следовало свернуть, была улица с односторонним движением, противоположным. Я попробовала въехать в нее с нужной стороны, сделав круг — и не смогла. Сделала еще круг — и опять не туда попала. Наверное, лучше проехать по злополучной улице задом? Надо было с самого начала, теперь вот как ее найти? Ага, вот, кажется, нашли. В соответствии с полученными указаниями, на этой улице следовало доехать до большого разбитого дорожного зеркала и от него повернуть влево. Я так и сделала. И поехала, и поехала... Ехала до тех пор, пока не кончился город. Пришлось возвращаться к исходному пункту. Печень мамули все сильнее давала о себе знать.

— У зеркала влево, у зеркала влево, — как попугай повторяла Люцина усталым голосом. — Я хорошо запомнила — у зеркала влево...

— Так мы там только что были!

— Может, не заметили какого поворота?

Пришлось повторить всю трассу с начала в поисках других возможностей. Вот и зеркало. Стало уже совсем темно.

— Он что-то говорил о парке, — вспомнила вдруг Тереса. — Вот там виднеются какие-то деревья.

— Так ведь деревья направо, — возразила Люцина.

— Но для того, чтобы туда въехать, сначала надо свернуть влево. Не знаю, разрешается ли у вас ездить по паркам, но в другую сторону мы уже пробовали...

Я въехала в какую-то аллею, по одну сторону которой тянулся ряд деревьев, а по другую — забор. На заборе висела табличка с надписью: ул. Березовая.

— Вот она! — обрадовалась Тереса. — Та самая улица, которую мы ищем. А я всю дорогу пыталась вспомнить — сирень не сирень, акация не акация...

— Если это улица, то я — шах персидский, — с сомнением произнесла я, пытаясь в темноте объезжать глубокие рытвины и кучи мусора, то и дело появляющиеся перед машиной в свете фар.

В конце улицы виднелось какое-то темное полуразрушенное здание, а в глубине парка сквозь деревья сверкали огни в окнах какого-то дома. Неизвестно было, как туда проехать, и мы с Люциной решили пройти пешком. Дошли, и оказалось, в доме помещается библиотека, клуб, общежитие рабочих и кафе, закрытое на ремонт. Никаких комнат для приезжих в нем не было. На все вопросы о вышеупомянутых комнатах аборигены ясно и недвусмысленно показывали на темное полуразрушенное здание.

— Комнаты для приезжих кондитерской фабрики? — переспросила библиотекарша. — Тогда вон в тех развалинах. Кажется, на третьем этаже, потому что на втором там кто-то живет. Туда можно проехать на машине, только надо объехать кругом.

— Ты им веришь? — спросила Люцина, когда мы возвращались по темному парку к машине, то и дело спотыкаясь о корни деревьев. — Разве можно жить в развалинах? С другой стороны, не могут же они все нас обманывать. И твоя мать долго не выдержит со своей печенью, надо поскорей уложить ее в постель. Может, сразу поехать поискать гостиницу? Вот только сомневаюсь, что в ней есть свободные места.

— Знаешь, давай все-таки сначала осмотрим эти развалины, слышала — там люди живут. Я попробую подъехать с другой стороны.

Подъехав с другой стороны к развалинам, мрачно чернеющим на фоне неба, я и в самом деле обнаружила то, что с большой натяжкой можно было назвать двором. С двух сторон его окружали низкие постройки, которые похожи были на обвалившиеся сараи и конюшни, с третьей возвышалась мощная башня, изрядно надкусанная зубом времени.

— Похоже на замок, — сказала Тереса, прерывая наше затянувшееся молчание.

— И что тебя не устраивает? — не замедлила вцепиться в сестру Люцина. — Будешь жить в замке, не всем это удается.

Я вслух раздумывала:

— Интересно, как туда забираются жильцы? Никакого входа не видно. Не по стене же влезают?

Темень вокруг стояла кромешная, фары выхватывали из темноты то фрагменты осыпавшихся крепостных стен, то кучи битого камня и мусора. В углу, где конюшня примыкала к башне, возвышалась какая-то хорошо утоптанная насыпь, дол-

жно быть на месте бывшей лестницы. Если не слишком придираться, можно было принять ее за лестницу, да вот только отсутствие дверей мешало... Черное отверстие над насыпью было забито досками.

— Сделайте же что-нибудь! — простонала мамуля. — Не могу больше, мне обязательно надо лечь.

Дискуссию на тему о возможности разместиться в гостинице погасил в зародыше жалобный стон мамули. Ее печень разошлась не на шутку, следовало принимать меры немедленно.

Я вышла из машины и, подойдя к насыпи, убедилась, что там действительно некогда была лестница. Попробовала заглянуть за доски, которыми было забито отверстие, и даже сделала попытку посветить фонариком внутрь. Под напором тела доски подались, и я чуть не влетела головой вперед на лестничную клетку. Это и в самом деле была лестничная клетка — передо мной уходили куда-то вверх ветхие деревянные ступени винтовой лестницы.

— Эй! — оживилась я, подзывая свою команду. — Все сюда! Есть лестница!

— И ты не боишься подыматься по такой? — засомневалась Тереса. — Того и гляди под ногами рухнет!

И все-таки осторожно двинулась следом за мной. Люцина вернулась к машине за сумкой, заявив:

— Если я уж как-нибудь и взберусь по этой лестнице наверх, то обратно за сумкой, в темноте, мне ни в жизнь не спуститься. Подождите меня!

И вот мы втроем стали подниматься по лестнице. Шли и шли, шли и шли, а конца этому не

было видно. Тот, кто поднимался по винтовой лестнице, знает, какое это утомительное и бесконечное занятие. Правда, в данном случае ступеньки были довольно широкие, зато перил не было вовсе. Наконец лестница вывела нас на какую-то площадку.

— Интересно, это уже третий этаж или еще только второй? — тяжело дыша, поинтересовалась Тереса.

Я осветила фонариком единственную дверь на площадке. Кнопками к ней была пришпилена самодельная, написанная от руки визитная карточка с фамилиями жильцов.

— "КОРОЛЬ", — громко и изумленно прочла Люцина.

— Какой король?!

— "КОРОЛЬ ЗИГМУНТ", "КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВ", "КОРОЛЬ СТЕФАН", — продолжала читать Люцина, все более изумляясь. — Три короля! Слышите, чтоб мне лопнуть, здесь живут короли!

— Интересно, где же жить королям, если не в старинном замке? — удивилась в свою очередь Тереса. — Надеюсь, короли здешние, не приезжие, не нашу комнату заняли. Так это уже третий этаж или еще дальше карабкаться?

— Карабкайся дальше, — обрадовала я ее. — Люцина, надеюсь, ключ ты захватила?

Оставив королей в покое, Люцина спешно принялась шарить в карманах и вроде бы нащупала ключ.

На следующей площадке винтовая лестница закончилась. Выше вела только обычная стремянка, верхний конец которой терялся во мраке.

Осветив выходящую на площадку дверь, я заметила около нее выключатель и нажала на него. Вспыхнул слабый свет маленькой запыленной лампочки. Люцина извлекла из кармана ключ.

— Ну, рискнем! — сказала она дрожащим голосом. — Если не подходит...

Ключ подошел, хотя и поворачивался в обратную сторону. Дверь легко отперлась. Толкнув ее, мы вошли, зажгли свет — выключатель находился у двери в положенном месте — и буквально остолбенели.

Комната... пардон, какая там комната! Апартаменты для приезжих кондитерской фабрики в Свебодзицах превосходили самые смелые мечты. Ковры, телевизор, цветы в хрустальных вазах, блестящий паркет, постели, застеленные белоснежным бельем, кухня, в ней сверкающий буфет полированного красного дерева, заполненный всевозможной посудой, электроплита, туалет, ванная размером с плавательный бассейн, с зеркалом в полстены, с ума сойти! Не веря своим глазам разглядывали мы всю эту роскошь. Впечатление усиливалось контрастом с жалким окружением.

— А ну быстренько беги за матерью! — распорядилась воспрянувшая духом Люцина. — Я пока поставлю чайник.

Тереса все еще не могла прийти в себя. Недоверчиво оглядываясь, она бормотала:

— Как тут чисто! Ни пылинки! Свежее белье!

И, спохватившись, бросилась следом за мной:

— Погоди! Без меня вам не справиться!

Мамуля с тетей Ядей уже беспокоились о нас. Помогая им выбраться из машины, я кратко информировала:

— Здесь любят контрасты. Мамуля, оставь на месте свою торбу, самой бы тебе добраться! Я принесу, не беспокойся. Здесь живет король.

— Какой король? — встревожилась тетя Ядя.

— Да не один король, а целых три! — таинственно добавила Тереса. — Король Зигмунт, король Владислав и король Стефан. Баторий, наверное, больше королей Стефанов я не знаю.

— Я чуть жива, а вы себе шуточки шутите! — обиделась мамуля, восприняв королей как личное оскорбление, не понимая и не разделяя нашей веселости.

— Да никакие это не шуточки, сама увидишь. Подождите меня минутку, я только поставлю машину немного подальше, там утром должна быть тень.

Постаравшись сориентироваться, где север, где юг, я переставила машину туда, где, по моим представлениям, ей не грозят утренние солнечные лучи, прихватила сумки, и мы вскарабкались наверх. Оставленная на хозяйстве Люцина — из-за сильных головокружений она боялась лишний раз спускаться с лестницы — уже приготовила старшей сестре горячий чай и постель. Мамуля с наслаждением улеглась.

Мы по очереди вымылись и принялись не торопясь ужинать, отдыхая после переполненного эмоциями дня. Мамуля задремала, поэтому мы разговаривали вполголоса, чтобы не беспокоить ее. Люцина извлекла купленную вчера рыбу и стала ее подозрительно обнюхивать. Тетя Ядя заботливым шепотом предостерегла:

— Вряд ли она выдержала целый день в машине. По такой жаре!

— Сама боюсь, что не выдержала, — грустно шепнула в ответ Люцина, обожавшая рыбу. — Пусть еще Тереса понюхает.

Тереса в это время хлопотала на кухне. Люцина поднялась со стула, намереваясь пойти к ней, но она сама вдруг выглянула из кухни, делая руками какие-то непонятные знаки. Вроде бы звала нас и велела соблюдать тишину. Заинтригованные, мы на цыпочках бросились к ней.

За дверью, на лестничной площадке, кто-то был. Явственно слышалось поскрипывание досок и осторожные, крадущиеся шаги. Кто-то подошел к двери и застыл, прислушиваясь.

Мы тоже застыли. Холодный ужас проник в сердце. Мелькнула было утешительная мысль, что это привидение — замок старый, вполне возможно, вот было бы интересно! Но я тут же сообразила, что для привидений слишком ранний час, они ведь появляются не ранее полуночи.

Люцина первая сообразила, как следует себя вести. Указав пальцем на лампочку под потолком, она жестом показала на потолок за дверью и сделала вопросительное выражение лица. Мы покачали головами: никто не помнил, выключили ли мы свет на лестничной площадке. Тогда я показала пальцем на ключ, торчащий в замке, жестом допытываясь, заперли мы дверь за собой или нет. Мнения разделились. Тогда с помощью выразительной пантомимы я предложила стремительно распахнуть дверь и всем дружно ринуться на злоумышленника — а мы почему-то не сомневались, что за дверью находится злоумышленник. На сей раз ответ был однозначно дружный — "ни в коем случае!"

Так мы стояли, ничего не предпринимая, и слушали. А за дверью продолжали раздаваться подозрительные, непонятные, наводящие ужас звуки — кто-то там осторожно передвигался. Возможно, я бы и рискнула одна сунуться за дверь, чтобы посмотреть, что же там происходит, но меня удержали соображения деликатности: а ну как это один из королей поднялся наверх по своим королевским делам? Неожиданно выскакивать и пугать монарха казалось мне неделикатным. Люцину, похоже, такие соображения не останавливали. Осторожно подкравшись к двери, она резким движением повернула ключ и рванула дверь на себя. Дверь не шелохнулась, зато тот, за дверью, в панике с грохотом скатился по лестнице. Проклятый ключ! Ведь он закрывает в другую сторону! Пришлось, уже не соблюдая тишины, повернуть ключ в нужную сторону.

Распахнув дверь, мы вывалились на площадку. Лампочка на ней горела, на площадке уже не было никого, но кто-то несся вниз по лестнице, уже не стараясь соблюдать тишину. Мы сгоряча бросились было за ним, но тут снизу донесся грохот, треск и вскрик. Судя по звукам, злоумышленник свалился с лестницы, причем не меньше, чем с десятка ступеней. Это придало нам мужества — каким бы крепким ни был злоумышленник, падение должно было нанести ущерб его кондиции.

Приободренные такими мыслями, Тереса с тетей Ядей опять устремились вниз, я же на минуту задержалась — забежала за электрическим фонариком. Догнала я их легко, поскольку внизу было темно, как в могиле, и им пришлось притормозить.

Там слышалась какая-то возня, стоны — слава Богу, злоумышленник жив, можно не опасаться, что натолкнемся на окровавленный труп. Держась за стены и нащупывая ступеньки, — света от фонарика было что кот наплакал — мы гуськом спускались вниз. Королей, по всей видимости, не было дома: невозможно было не выскочить на шум, от которого тряслась башня и отчаянно скрипела лестница.

Невезучий злоумышленник, видимо, нашел в себе силы оправиться после падения, потому что, одолевая последний виток лестницы, я заметила, как передо мной что-то мигнуло и открылась дощатая дверь. Сделав последнее усилие, я успела заметить чей-то силуэт на фоне неба, но фонариком осветить его не успела. Силуэт метнулся в сторону и умчался в темноту. Набежавшая тетя Ядя со сдавленным криком уперлась мне в спину, поспешавшая за ней Тереса угодила, кажется, на поломанную ступеньку, потому что не удержалась и слетела, с ужасным стоном навалившись на тетю Ядю. Ногу вывихнула? Или, не дай Бог, сломала позвоночник?

— Мои зубы! — громко стонала Тереса. — Господи Боже мой, челюсть вылетела!

Успокоившись, что с ногами и позвоночником все в порядке, а зубы могут и подождать, я выскочила из башни и услышала шум запускаемого двигателя автомашины. При мысли, что уводят мою, я, не раздумывая, бросила на произвол судьбы Тересу с ее зубами и тетю Ядю и помчалась к оставленной машине. Она стояла себе спокойно, значит, злоумышленник уехал на своей.

Тересу я застала вне себя от горя, тетя Ядя не помнила себя от сочувствия к ней. Первая была в ярости, вторая чуть не плакала.

— Перестаньте паниковать! — попыталась я их успокоить. — Если челюсть и вылетела, никуда не делась. Сейчас мы ее найдем!

— Хороша! — шепелявила Тереса. — Оставила нас здесь одних, в темноте! А подо мной ступенька обломилась! И локоть я ударила! И зубы вылетели!

Тетя Ядя тоже пыталась ее успокоить:

— Ты, главное, не вертись, не шуруй ногами! Может, твоя челюсть где-то тут, а ты на нее наступишь. Сейчас Иоанна посветит и мы ее поищем. Ты помнишь, в каком направлении она вылетела?

— Как я могу помнить? — капризничала Тереса. — Вылетела в темноте, она у меня не светится в потемках!

Сверху доносились какие-то непонятные звуки — свист, сопение, топот. Я подумала — Люцина пытается спуститься за нами, а ведь ей всегда становится плохо, когда приходится спускаться с высоты. Впрочем, о Люцине думать было некогда, надо было разобраться с этими. Спячу я со своими бабами!

В темноте, несколько рассеянной слабым светом фонарика, мы ощупывали каждый сантиметр ступенек в нижней части лестницы и кучу мусора у ее подножия. Там было много всего: тряпье, отслужившие свой век предметы кухонной утвари, разбитое стекло, кости, остатки изношенной обуви. Но зубов не было. Тереса впала в отчаяние.

— Посвети повыше, — посоветовала тетя Ядя, расстроенная не меньше подруги. — Тереса была вон там, когда вскрикнула. Может, они не упали в самый низ?

Господи, Боже мой,
челюсть
вылетела.

Я послушно посветила, и первое, что увидела, был миниатюрный кошелек в форме подковки.

— Послушайте, — взволнованно произнесла я, — это потерял злоумышленник! Когда слетел с лестницы. Смотрите, совсем незапыленный кошелек!

— Оставь в покое чужие кошельки! — свирепствовала Тереса. — Зачем мне чужие кошельки? Мне нужны мои зубы!

— Вот они! — радостно вскричала тетя Ядя. — Посвети выше!

Я посветила. Тересины зубы лежали на две ступеньки выше кошелька. Как тигрица, бросилась на них Тереса, не помня себя от радости. Я внимательно изучила ступеньки в этом месте и пришла к заключению:

— И ты, и он слетели с одной ступеньки. Глядите, вот сломанная ступенька. Только он попал на нее с разбегу, поэтому и свалился, а ты пробиралась осторожно. Но предметы вы оба теряли в одном и том же месте.

— Никаких предметов я не теряла, только собственные зубы! — обиженно прошамкала Тереса и, прижимая к груди драгоценную находку, стала осторожно подниматься по лестнице.

Люцина ждала нас на верхней площадке лестницы, живая и здоровая. Даже слишком, потому что набросилась на нас с излишней энергией:

— Что вы там столько времени делали? Я тут с ума схожу от беспокойства! Зову — не отвечаете, пробовала свистеть, но не получилось. А сойти не могу. Думала, вас там всех поубивали!

— А мы не слышали, что ты нас зовешь! — удивилась тетя Ядя.

— Так я же старалась кричать на всякий случай шепотом!

— Чтобы это было в последний раз! — отчитала я тетку. — Кричи, как люди! От твоего шепота мне чуть плохо не стало, думала, тут тебя душат! Или ты тоже свалилась с лестницы и испускаешь предсмертные хрипы. У нас трофей.

— Что у вас?!

— Трофей.

— Два трофея, — поправила дотошная бухгалтерша тетя Ядя. — Зубы Тересы, потерянные и вновь найденные, можно тоже считать трофеем.

Люцина опять забеспокоилась:

— Вы с ним дрались? Он вас стукнул по голове?

Мы рассказали о случившемся, и Люцина успокоилась, — с нашими головами все в порядке. Тереса тщательно вымыла свою челюсть и вставила на место. Мамуля проснулась и заявила, что чувствует себя значительно лучше. Ее печень, наверное, вполне устраивали комфортабельные условия королевской башни.

Теперь можно было приступить к осмотру нашего трофея.

— Вот эту подковку потерял наш злоумышленник, — начала я, но меня тут же перебили.

— Почему ты говоришь — "злоумышленник"? — спросила Люцина. — Ты уверена, что это был мужчина?

— Сзади был похож на мужчину, — не очень уверенно ответила я. — Брюки вроде мужские.

— Я тоже думаю, что мужчина, — поддержала меня тетя Ядя. — И убегал больно шустро. Надо было бы погнаться за ним, да я засомневалась...

— И правильно сделала, ведь он сбежал на машине. Вы обратили внимание — какие-то люди преследуют нас с самого начала. На машине.

Я сама не придала особого значения высказанному мною замечанию, зато Тереса приняла его близко к сердцу и тут же начала высказывать самые мрачные предположения. Сводились они к следующему: итальянская мафия каким-то образом прознала, что мы раскрыли их махинации с кольцом, и теперь пытается уничтожить следы преступления, а заодно и ее, Тересу. А может, и нас всех!

— Тогда им придется еще кое-кого уничтожить — сотрудников фирмы "Орно", например, и Марека. Слишком много работы, — скептически заметила я. — К тому же, если уж у них так хорошо поставлена разведка, они должны знать, что ты не вынашиваешь планов затаскать их по судам.

— Покажи наконец свой трофей! — потребовала Тереса. — Может, он нам что-нибудь прояснит.

Начитанная тетя Ядя предупредила:

— Осторожно, не сотри отпечатки пальцев.

Я попросила ее не учить меня — в конце концов, ведь я не только читаю детективы, но и сама их пишу! Однако осторожность соблюла. В кошельке обнаружилось шесть монет по одному злотому и сложенный кусок бумажной салфетки. Мы его осторожно развернули и разложили на столе. Это оказалась сделанная от руки шариковой ручкой какая-то карта.

— Остров сокровищ! — обрадовалась воспитанная на детективах тетя Ядя. — Смотрите, даже крестик стоит!

— Крестик-то есть, вот только острова не вижу. Скорей всего, это все-таки материк, — критически заметила я, изучая карту. — По-моему, это фрагмент штабной карты, перерисованный кем-то от руки. Понятия не имею, что за местность.

— Штабной?!

— Ну, просто топографической, крупного масштаба.

— На ней что-то написано, — сказала Люцина. — Без очков не могу прочитать. Кто может?

У тети Яди очки оказались под рукой.

— Воля, — громко прочитала она. — Потом большая буква "Т" и еще "К". А рядом написано "пр".

— И не можете понять, где это? — упрекнула нас мамуля все еще болезненным голосом. — Там же ясно написано — "Воля". Чего еще надо?

— И в самом деле! — ехидно подхватила Люцина. — Что нам еще надо? Ведь в Польше этих... Воль или Волей? — пруд пруди!

— Но ведь там еще написано "пр", — настаивала мамуля, которая явно чувствовала себя лучше, коль скоро проявляла такой живой интерес к топографическим изысканиям. Третья сестра не замедлила отреагировать:

— Еще бы! Достаточно крикнуть "прр", и Воля сама остановится у нас перед носом!

— Может, попробуешь сопоставить со своей автомобильной картой? — предложила тетя Ядя. — Найдем там на местности Волю, где рядом окажется что-то, начинающееся на "Т" и на "К".

Я с сомнением покачала головой:

— Моя автомобильная карта другого масштаба, на ней может не оказаться таких объектов. Тут явно самые что ни на есть проселочные дороги, вот эта и эта.

— А эта?

— Это шоссе, ты права, но неизвестно какое. А вот этих боковых дорог на моей карте не найдешь. И вот этого памятника старины тоже.

— А можно узнать, что мы вообще должны искать? — недовольно поинтересовалась Тереса.

— Не знаю, — ответила я. — Но вот если найдем, возможно, узнаем, кто нас преследует и почему, но я вовсе не уверена, что нам так уж это нужно. В конце концов, шесть злотых — не такая сумма, которую во что бы то ни стало необходимо вернуть потерявшему.

Добрая тетя Ядя вздохнула:

— Может, бедный человек собирал для того, чтобы позвонить.

Люцина, естественно, не пропустила мимо ушей моего замечания:

— Где ты тут видишь памятник старины?

Я ткнула вилкой в нужное место на карте.

— Вот, тут, где размазано. На штабных картах, как правило, такие вещи обозначены особым образом. А этот, который перерисовывал, не сумел как следует передать значок с карты. Там таким знаком обозначают старинные здания или просто развалины, кладбища и все такое прочее...

Тетя Ядя немедленно высказала предположение — сокровище спрятано в развалинах, и очень огорчалась, что мы не знаем, где искать. Мамуля предложила осматривать все попадавшиеся по дороге кладбища и часовни, а также отдельно стоящие старинные склепы. Я огрызалась: зачем ездить и искать, руины вот они, можно сказать, под рукой, да и сокровища уже найдены, если вспомнить шесть злотых... Люцина поддержала меня:

— Завтра, при свете дня, надо хорошенько все осмотреть, может, он еще что потерял... Ты что?

Последний вопрос относился к Тересе, которая внезапно потеряла интерес к семейной дискуссии, встала с места и принялась расхаживать по комнате. Она явно что-то искала — заглядывала под шкафы и стулья, в чемоданы и кастрюли, принюхиваясь при этом.

— Сокровища ищет, — предположила мамуля. — Тереса, у нас сокровища прячут на чердаках, в подвалах...

— Что это так воняет? — раздраженно прервала ее Тереса. — Сначала ничего не воняло, а теперь все сильнее и сильнее. Может, вы знаете?

— Боюсь, это моя рыба, — сокрушенно призналась Люцина. — Я еще собиралась дать тебе понюхать, поскольку она вызывала сомнения...

— Какие там сомнения?! Совсем ума лишилась? И чтобы я такое еще специально нюхала?! Тоже моей смерти ищешь?!

Люцине страшно не хотелось расставаться с рыбой, она никак не могла собраться с духом. Тереса кричала, что провонявшая копченая рыба — самая страшная отрава, но Люцина все колебалась. Потеряв терпение, Тереса схватила злополучную рыбу и вместе с бумагой вышвырнула ее в окно.

— Как ты себя ведешь? — одернула ее старшая сестра. — Кто тебя воспитывал? Выбрасывать мусор в окно? Да еще во двор замка!

Тереса совсем разбушевалась:

— Рыбой больше, рыбой меньше — этому двору уже ничто не поможет! Не желаю больше

слышать ни о каких бандитах и сокровищах! Уберите со стола этот остров... тьфу! эту карту! Глядите, они и лупу вытащили! А ну, по постелям! Гашу свет!

Рыбу я обнаружила утром на крыше своей машины. Солнышко ее пригрело, подсушило, она приклеилась намертво и развонялась по-страшному. Половину мне удалось оторвать вместе с бумагой, вторая половина осталась. Не было под рукой воды, остальное смою где-нибудь по дороге, решила я, удивляясь одновременно тому, как вчера вечером просчиталась со сторонами света. Была уверена, что ставлю машину на том месте, где с утра будет тень, и надо же...

Следуя совету Люцины, перед отъездом из замка мы внимательно осмотрели местность и у подножия лестницы нашли еще сокровища — двадцать пять американских центов одной монетой, что вызвало новую лавину предположений и инсинуаций. Тереса отстаивала мафию: найденная валюта вроде бы подтверждала ее версию. Тетя Ядя пыталась утешить подругу, не отрицая, правда, что ее и в самом деле кто-то преследует, начиная с момента прилета на родину, но объясняя это романтическими мотивами. Почему, в самом деле, один из пассажиров канадской авиакомпании не мог до смерти влюбиться в нее с первого взгляда и вот теперь следует за ней по пятам, желая познакомиться и из робости не решаясь?

Люцина немедленно подхватила свежую идею — разумеется, так оно и есть! Поклонник пытается завоевать благосклонность любимой, подбрасывая ей подарки, правда по мелочи: то шесть злотых, то двадцать пять центов. Но это

лишь начало, того и гляди, найдем на своем пути кольцо с бриллиантом, не прозевать бы только. Учитывая такую возможность, мамуля предложила дальнейший путь проделать пешком, внимательно глядя себе под ноги и тщательно обыскивая придорожные канавы.

Подковку со злотыми и таинственной картой я спрятала, соблюдая все правила детективов: осторожно завернув в свой единственный носовой платок, сунула ее в карман на дверце машины, рядом с драгоценной фотопленкой. И подумала — если так и дальше пойдет дело, по возвращении в Варшаву этот карман будет битком набит таинственными предметами.

В Чешине нас ждали отец и Лилька, моя кузина. В свое время мы с ней были единственными детьми среди наших многочисленных взрослых родственников. Хотя мы с ней одного возраста, она приходилась мне теткой. Кузиной я называю ее просто для благозвучия. Получилось же так потому, что у моей светлой памяти прабабки детей было четырнадцать штук, и она их очень не любила. Выжило из них девять, хотя это вовсе не означает, что прабабка втайне избавлялась от потомства. Так уж получилось. Естественно, что эти девятеро были самого разного возраста. Разница в возрасте была столь значительна, что младшая сестра моей бабки родила Лильку как раз тогда, когда мамуля родила меня. Значит, Лилька приходилась мамуле двоюродной сестрой, а мне, соответственно, двоюродной теткой. Ей очень понравилось быть бабушкой для моих детей, тем более что стала она ею в возрасте восемнадцати лет.

— Рада видеть вас сразу всех! — обнимаясь и целуясь с нами, сказала Лилька. — Сначала я хотела отправить Збышека к матери, но Янек сказал, что обеспечил вам комнату для приезжих в "Ользе". Если двое из вас пойдут в "Ользу", остальные свободно разместятся вместе с нами. На всякий случай мы запасли для вас очень удобные раскладушки.

В "Ользу" решили командировать Тересу и меня. И не было бы в этом никаких проблем, если бы не осложнения с нашими вещами. Наше путешествие длилось уже почти две недели, и вещи всех пассажиров так перемешались, что невозможно было с ходу понять, где чьи. Трижды пришлось мне и Лильке — каждой на своей машине — ездить туда и обратно, привозя необходимые предметы одежды и туалета, пока все не уладилось, да и то не сказать чтобы совсем: у Тересы оказалась ночная рубашка Люцины и полотенце тети Яди, а в "фиате" вместе с Лилькой уехали мои тапки и зубная паста. Получила я их только на следующее утро.

За завтраком выяснились две страшные вещи. Одна из них была связана с тетей Ядей, вторая с отцом. Тетя Ядя элементарно перепутала дни. Она была твердо уверена, что сегодня — это вчера, и в Варшаву собиралась возвратиться только завтра. А тут вдруг оказалось, что вчера было вчера, и в Варшаве ей надо быть не завтра, а сегодня, и не столько из-за того, что закончился ее отпуск — у нее еще оставалось несколько отгулов, сколько из-за соседей, которые, уезжая в Румынию, оставляли у нее ключи от квартиры. А сегодня они возвращаются и, может быть, уже сидят на лестнице перед запертой дверью своей квартиры, ломая го-

лову, что такое с ней, тетей Ядей, случилось. Зная соседей, она, тетя Ядя, не сомневается — долго они ждать не будут, наверняка поспешат сообщить в милицию, что с их соседкой случилось несчастье, ведь только смерть заставит ее нарушить данное слово.

А с отцом дело обстояло так: комнату для нас в Нисе он заказал не на завтра, а уже на сегодня.

Вот так и получилось, что из наших планов денек отдохнуть у Лильки ничего не вышло. Столпотворение, начавшееся в дотоле спокойной квартире Лильки, трудно описать. Впрочем, нет худа без добра, обстоятельства вынудили свести столпотворение к минимуму. Поезд в Варшаву отправлялся через двадцать минут. В последний момент мне удалось втолкнуть в него тетю Ядю, которая уехала без своего халата, без зонтика, без билета и без денег. Впрочем, огорчалась она не из-за этого.

— Мои сниииимки! — отчаянно кричала она, продравшись к окну по головам пассажиров. — Я забыла пленкуууу! Мои снииииимкииииии!

Я мчалась за двинувшимся поездом, чтобы она могла услышать меня и орала не своим голосом:

— Не волнуйся! Ничего с ней не сделается! Вернем тебе в Варшаве!

Кажется, до тети Яди дошло, она перестала издавать отчаянные "ииии" и "уууууу" и понимающе кивнула головой, а потом помахала мне рукой. Я оставила поезд в покое и вернулась в Лилькину квартиру, где еще бушевало эхо скандала из-за Нисы. Выяснилось — напрасно мы ругали отца, он просто вынужден был заказать комнату на сегодня, ибо на последующие дни ее уже за-

бронировали для каких-то иностранцев. А нам надо обязательно приехать в Нису сегодня, если не приедем — они подумают, что нам комната вообще не нужна, и завтра будет негде переночевать.

— А зачем ты заказывал на две ночи? — ярилась мамуля. — Что там такого в этой Нисе, чтобы провести в ней целых два дня?

— Сахарное печенье, — не расслышав, ответил отец. — А главное, пряники.

— И так тебе этих пряников захотелось?!

— У них новое оборудование, — соблазнял отец. — Можно осмотреть, очень интересно. Тереса наверняка не видела.

— Вот и говори с ним! — в отчаянии сказала мамуля. — У меня уже нервов не хватает. Спросите его кто-нибудь, зачем нам торчать в Нисе два дня. Опять притворяется глухим!

— Ну что ты придираешься! — вступилась я за отца. — Не два дня, а две ночи, день как раз получается только один. И мы сами решили так в Варшаве, вспомни! Сама подумай — сегодня мы приедем туда поздно. И что, завтра чуть свет опять ехать? А так в нашем распоряжении окажется весь день, поездим по окрестностям, там чудесные места, очень живописные. Можем сходить и на экскурсию на фабрику, что нам стоит, переночуем, выспимся и спокойно уедем на следующее утро. Будем чувствовать себя как на отдыхе, а не как на пожаре. Папа очень правильно все устроил!

Меня отец прекрасно расслышал.

— А я что говорю! — с торжеством закричал он. — Я же знал, что делаю!

— А я хотела несколько дней провести в Чешине! — не уступала мамуля.

— Не переживай! — утешала ее Лилька. — Приедете ко мне еще раз под конец вашего путешествия, тогда останетесь на несколько дней, поживете подольше. Вам ведь все равно возвращаться в эти края, потому что Тереса обязательно хочет побывать в Ченстохове. Сделаете небольшой крюк. А я возьму неделю отпуска.

С помощью Лильки я наконец смыла с машины остатки рыбы, и мы могли отправляться в путь. Как я и предвидела, трассу до Нисы в сто пятьдесят километров мы преодолевали весь день, пользуясь в основном проселочными дорогами.

Заказанные в Нисе апартаменты состояли из двух помещений, к счастью, соединенных широкой дверью, так что перемешанные вещи можно было без особого труда сколько угодно переносить из комнаты в комнату. Примыкающий к комнатам санузел был предоставлен в полное наше распоряжение, кроватей и диванов хватило бы и на десять человек, не то что на пятерых. Тереса раскопала свое полотенце и первой отправилась мыться.

Отец в укромном уголке возился с удочкой, которую постарался незаметно принести из машины. Хоть он и получил официальное разрешение взять из дому удочку, — но только одну! — на всякий случай старался не попадаться с ней на глаза грозной супруге, по горькому опыту зная, чем это может закончиться. Впрочем, честно говоря, отец сам был виноват в том, что у мамули выработалось стойкое неприятие его рыболовных принадлежностей. Произошло это много лет на-

зад. Мы втроем возвращались из Чешина в Варшаву, отец, разумеется, с кучей своих удочек, и на вокзале в Варшаве взяли такси. И тут выяснилась страшная вещь: удочки в машину не вмещались. Сначала отец попытался разместить их в длину и чуть не выбил в такси лобовое стекло, тогда засунул их поперек, выставив концы в оба окошка, и стал цеплять за проезжающие машины. Наконец, в отчаянии запихал их в такси по диагонали и попал мамуле в глаз! Мало того, вытаскивая их из машины перед домом, он удочкой сбил с мамули шляпу! Вне себя, мамуля торжественно поклялась немедленно сжечь зловредные удочки, и отец в панике так хорошо их запрятал, что потом долго не мог отыскать. С тех пор ему разрешалось брать с собой в дорогу только одну удочку, да и то складную.

Мы не торопясь привели себя в порядок, не торопясь принялись за ужин, состоящий из купленных по дороге продуктов. Сидя за большим столом, мамуля извлекала из своей знаменитой торбы кучу вещей, съедобных и несъедобных.

— А это что такое? — удивилась она, вытащив большую льняную тряпку — не то подстилку, не то большое посудное полотенце. — Вроде у меня ничего такого не было. У Лильки прихватили?

Поскольку мамуля обращалась ко мне, пришлось отвечать:

— А я откуда знаю? Ты сама укладывала свою сумку, я мыла машину.

Мамуля, разумеется, тут же нашла виновного.

— Это, конечно, Янек. Что за наказание с твоим отцом! Янек, ты зачем забрал Лилькину подстилку?

Отец самозабвенно возился в своем углу, не подозревая, что над его головой сгущаются тучи, ничего не слышал и думал только о предстоящем удовольствии.

— Папа! — диким голосом заорала я. — Мама спрашивает, зачем ты забрал у Лильки подстилку?

— Что? — удивился отец. — Какую подстилку?

— Льняную! Пеструю!

— Никаких подстилок я не забирал! С какой стати мне отнимать у Лильки подстилку?

— Я не знаю — с какой, просто спрашиваю!!!

— Что вы тут раскричались? — высунулась Люцина из своей комнаты. — Что за подстилка?

— Да вот гляди сама, в моей сумке оказалась чужая подстилка. Откуда она здесь взялась? Может, это ты ее свистнула у Лильки?

Люцина категорически отвергла гнусные инсинуации. Тут из ванной вернулась Тереса.

— Что за крик вы тут подняли? — осуждающе произнесла она. — Воспитанные люди так себя по ночам не ведут.

— А ты можешь с отцом разговаривать шепотом? — обиделась я. — Видишь же, он без очков.

— Кто-то из нас двоих спятил. При чем тут очки? Он что, лучше слышит, когда надевает очки?

— Конечно, ведь в его очки вставлен аппарат для глухонемых, то есть я хотела сказать — для людей с плохим слухом. В очках отец слышит прекрасно и обижается, что это мы так кричим на него.

— Вы и в самом деле кричите. А почему он не носит очки?

— Для зрения они ему не очень нужны. Отец их не любит, жалуется, что давят на уши.

Мамуля последовательно придерживалась темы:

— Тереса, может, ты наконец скажешь, откуда в моей сумке могла появиться эта тряпка? Сама не влезла, а остальных я уже всех опросила.

— А что? — удивилась Тереса. — Разве это не твоя подстилка?

— Не моя, конечно, я свои вещи знаю. В жизни у меня ничего похожего не было. Мне и в голову бы не пришло приобретать такую безвкусицу в желто-зеленые полосы! Ужасное сочетание!

Тереса в ужасе схватилась за декольте, как делала всегда в минуты крайнего смятения и сильных душевных волнений.

— И в самом деле не твоя?

— Раз говорю...

— Боже милостивый! А я думала — твоя! Честное слово, я была в этом уверена!

— Так тебе что-то известно о ней?

— Я сама сунула ее в твою сумку! Но я слово даю...

— Ну ладно, так откуда она у тебя появилась? У Лильки свистнула?

На Тересу жалко было смотреть.

— Нет, не у Лильки, — сказала она жалобным голосом. — Висела на стуле, мы собирались, ну я и подумала, что это твоя...

— Да где висела-то?!

— В королевском замке, то есть в их комнате для приезжающих. Но слово даю...

— Стащила королевскую подстилку! — обрадовалась Люцина. — Нашего имущества прибыло!

Подстилка прекрасного качества, льняная, почти новая! Еще несколько фабрик и мы разбогатеем.

Мамуля осуждающе глядела на своих легкомысленных младших сестер.

— Ты и в самом деле украла эту тряпку? — прокурорским тоном спросила она младшую.

— Выходит, украла, — сокрушенно призналась та. — Что теперь сделаешь? — И тут же спохватилась: — Да что я такое говорю! Ведь не нарочно же, я была уверена — твоя вещь.

Мамуля расстроилась.

— Езус-Мария, святой Юзеф! Что теперь делать? Хороши, нечего сказать! Нас, как порядочных, пускают в комнаты для приезжих, а мы крадем у них тряпки! Нет, что-то надо обязательно сделать! Янек, ты слышишь, что случилось? Янек!!! Нет, я с ним с ума сойду! Янек, Тереса украла подстилку!!!

— А больше ты ничего не украла? — с надеждой поинтересовалась Люцина. — Лучше сразу признавайся, а то угрызения совести замучают!

Я подлила масла в огонь.

— Подстилка льняная, почти новая. "Покупайте польский лен!" "Польский лен — лучший подарок!" Там у них, за границей, он очень ценится...

Тересу, казалось, кондрашка хватит. Отец наконец расслышал, в чем дело, и теперь пытался получить исчерпывающую информацию о злополучной подстилке. Доведенная до белого каления мамуля обозвала его глухим пнем и бесчувственной колодой — почему-то именно такие сравнения из области лесного хозяйства пришли ей в голову. Люцина поощряла Тересу на даль-

нейшие подвиги, в качестве очередного предлагая массивную бронзовую люстру, под которой мы сидели.

Пришлось успокаивать разбушевавшееся семейство. Я привела несколько аргументов:

— Во-первых, они могут подумать на тех, кто поселился там после нас. А во-вторых, папа может написать письмо, поблагодарить и сообщить, что по ошибке мы прихватили их подстилку, которую высылаем обратно. Подстилку предварительно выстираем.

— Так пусть сейчас же садится и пишет! — потребовала Тереса.

— Что за спешка! Здесь ее как следует не выстирать, вот видишь, маслом испачкали. Да и к чему такая спешка? Из Варшавы отправим.

— А до тех пор меня будут считать воровкой?!

— Почему именно тебя? Пусть считают меня. Мне не жалко.

— Хорошо тебе говорить, ведь не ты украла! И вообще я не уверена, что лучше отправить из Варшавы. Может, стоит вернуться и потихоньку подбросить на место?

— Я бы не советовала, — каким-то зловещим тоном произнесла Люцина. — Может, они уже хватились, знают, что украла ты, ну и близко тебя не подпустят.

— Тогда пусть Янек потихоньку подбросит.

— Разве такое Янеку можно поручить? Он войдет с тряпкой как со знаменем и вручит ее лично директору. А что он при этом ему объяснит — и представить страшно.

В конце концов приняли мое предложение, хотя Тересу мы и не убедили. Первый раз в жизни

совершила она кражу, все ее существо было потрясено содеянным, как жить дальше с таким пятном на совести, она просто не представляла, и ей очень хотелось немедленно вернуть украденное законному владельцу. Пришлось, однако, подчиниться большинству. Подстилку Тереса затолкала в свою сумку, заявив, что лично ее выстирает. Люстру мы оставили на месте...

Остановить машину как раз посередине плотины, по которой шла дорога через Отмуховское озеро, я решительно отказалась, хоть вид отсюда открывался и в самом деле на редкость живописный. Тем не менее входить в конфликт со Службой дорожного движения мне не хотелось. Направлялись мы в Поляницу, где, правда, не было никаких объектов кондитерской промышленности, зато располагался загородный дом одного из знакомых отцу директоров. Семья знакомого директора выехала на отдых в Болгарию, сам директор как проклятый торчал в Клодске, а в домике, в тишине и спокойствии, проживала домработница. Мы уже ломали головы над тем, чем компенсируем ей нарушение спокойствия.

— Что это у тебя? — вдруг спросила Тереса, ткнув пальцем в приборную доску.

— Радиоприемник, — за меня ответила мамуля.

— Испорченный?

— С чего ты взяла? — удивилась я. — Работает нормально.

— Тогда почему не включаешь?

— Потому что во время езды действует на нервы.

— Могла бы хоть изредка включать. Например, когда новости передают.

— А какие новости тебя интересуют?

— Ну хотя бы знать, какая погода будет...

— Ты хочешь сказать — какая не будет? — поправила сестру Люцина.

— В этом тоже есть своя польза, — философски заметила я. — По крайней мере узнали бы, чего наверняка не будет. Скажут, например: ожидается тихая солнечная погода. И сразу ясно — в путь лучше не трогаться, наверняка будет дождь и сильный холодный ветер.

— И у вас всегда говорят наоборот? — заинтересовалась Тереса.

— Почти всегда. Изредка ошибаются и попадают рядом.

Наши рассказы, похоже, Тересу только еще больше разохотили, и она попросила:

— Включи на минутку. Сейчас двенадцать, послушаем новости.

До двенадцати было еще далеко, часы на приборной доске, как всегда, спешили, но я послушно включила. Не помню уж, на какую волну оно было настроено, но нас оглушила передача для школьников. Я немного убрала звук. Все сидели и слушали совершенно неинтересную передачу, но минут через десять я не выдержала и совсем приглушила ее.

В голосе моем наверняка звучала претензия, когда я обратилась к Тересе:

— Вот видишь, я же говорила. Какие нервы выдержат такое?

— А что это было? — поинтересовалась Тереса. — И в самом деле, немного громогласно.

— Передача для детей и юношества. Взрослые, услышав ее, на стенку лезут, а молодежь под нее с упоением занимается. И чем громче звук, тем лучше у них идет домашнее задание. Не понимаю только, зачем передавать ее сейчас? Ведь каникулы, домашних заданий никто не делает.

Рев по радио прекратился, я усилила звук. Оказалось, передача для детей и юношества закончилась, начинается концерт по заявкам. Сестры оживились и сразу стали, перебивая одна другую, называть произведения, которые они охотно бы послушали. Молча сидел только отец. Тереса тронула его за плечо:

— Янек, тут концерт по заявкам. Ты чего желаешь?

Отец очнулся от мыслей, в которые погрузился при виде водной поверхности Отмуховского озера, и не задумываясь ответил:

— Рыбу половить. Мне сказали — тут есть ручей, так там даже форель водится!

— И зачем ты ему напомнила о рыбе? — напустилась на сестру мамуля. — Не знаете его, что ли? Отправится ловить рыбу и непременно заблудится.

— Ведь я же слышал — врач рекомендовал тебе питаться рыбой, — с укором ответил отец. — Ты на диете, правда? Столько воды кругом, не может быть, чтобы мне ничего не попалось. А тебе обязательно надо питаться рыбой!

Мамуля принялась ворчать — дескать, она-то уж знает, какой рыбы можно от него ожидать, она знает, что именно ему попадется, и не очень стеснялась в выражениях. Люцина — редкий случай — в дискуссию не встревала, сидела тихо, как

мышь под метлой. До безумия любившая рыбу, она не теряла надежды, что отец все-таки что-нибудь поймает, и не хотела, чтобы ему помешали. Отец опять отключился и целиком погрузился в приятные размышления о будущей рыбной ловле. По лицу было видно — от этого намерения его уже ничто не удержит.

Похоже, уединение и спокойствие несколько уже приелись директорской домработнице, потому что встретила она нас с распростертыми объятиями. В нашем распоряжении оказался весь домик, комнаты для нас уже были приготовлены. Видимо, наш приезд и в самом деле обрадовал истосковавшуюся по людям женщину: она по собственной инициативе приготовила для нас великолепный обед. Правда, это немного нарушило наши планы, пришлось знакомство с окрестностями перенести на следующий день.

Решив раз и навсегда удовлетворить потребности Тересы в полевых и сельских дорогах, я выбирала самые что ни на есть проселочные и немного переборщила. Та, на которой мы тряслись сейчас, вряд ли вообще заслуживает названия дороги, скорее всего, это была туристическая тропа для пеших маршрутов, а может, высохшее русло ручья или еще что. Во всяком случае, бедная машина с трудом преодолевала выбоины и ухабы.

Но вот мы выбрались на возвышенное место, и я вздохнула с облегчением, ибо дальше путь лежал по горизонтальной местности. Правда, вскоре выяснилось, что весь он усеян камнями разных размеров, некоторые из них поросли травой, и сельская дорога ложилась под колеса машины не-

высокими поперечными волнами. Мы ползли со скоростью в двадцать километров в час. Попробовала было увеличить скорость до тридцати, и сразу шасси отозвалось стоном.

А красота вокруг была неописуемая! По обе стороны "дороги" простирались роскошные луга с высокой, свежей травой, в отдалении зеленели леса, посылая нам навстречу своих представителей в виде отдельных деревьев или их живописных групп — и ни одной живой души вокруг! Зато из леса выскочила серна, недовольно посмотрела на нас и не спеша удалилась.

Я встревожилась — ох, наверняка нет здесь дорог и придется возвращаться тем же волнистым путем. Интересно, куда это мы заехали?

— Мамуля, посмотри по карте, где мы.

— Как это где? — удивилась мамуля. — Ясно — в Столовых горах.

Посмотрела в карту и совершенно счастливая подтвердила:

— Да, так и есть — Столовые горы. Вот написано.

— Хорошо, пусть Столовые, но куда мы едем?

— Как куда? — опять удивилась мамуля. — Ты же сама сказала — в Кудову.

— Боже милостивый, это я хочу туда приехать, а вот куда заехала? Я совсем не уверена, что эта дорога нас куда-то выведет, да и дорога ли это — тоже не уверена.

— Не страшно, здесь расчудесно! — блаженным голосом заявила Тереса. — Остановись на минутку! Давайте выйдем, разомнемся.

Я послушно остановилась, не заглушая мотор, а Тереса принялась выталкивать из машины отца, чтобы выйти самой, приговаривая:

— Ах, какая красота! Давайте тут задержимся! Давайте погуляем по лесу!

— Никаких "погуляем"! — железным голосом заявила Люцина. — Тут полно змей и ужей.

Тереса тут же перестала выталкивать отца.

— Кого, ты сказала, полно?

— Польского языка не понимаешь? Змей и ужей! Шагу не сделаешь, чтобы не наступить на них. Сплошные пресмыкающиеся!

Я подтвердила: в этих местах действительно полно змей. В том числе и ядовитых, как в Бещадах. Тереса поверила нам на слово и отказалась от мысли о прогулках. Я могла ехать дальше.

Я и поехала дальше, положившись на судьбу. А что мне оставалось? Так называемая дорога закончилась у какого-то домика, наверное лесной сторожки. Двое мужчин у плетня смотрели на нас без особого интереса. Мне они показались посланцами небес.

— Спрошу их, как отсюда выехать на Кудову, — сказала я, но не успела еще подъехать к ним, как один из посланцев небес сел на стоящий рядом мотоцикл, опустил на глаза очки и включил двигатель, но не уезжал, чего-то ждал. Второй охотно и доброжелательно, хотя и излишне громко, растолковал мне, как надо ехать.

— Есть дорога, — орал он, — до самого шоссе доведет, а уж по нему пани доедет до Кудовы. Дорога тут начинается, по ту сторону дома. Правда, канава там, но и через нее можно проехать. Бочком, бочком, ближе к деревьям. Телеги проезжают, машина должна тоже меж деревьями пройти. Да, точно пройдет, вспомнил, как-то одна машина тут проезжала.

Тип на мотоцикле нажал на газ и уехал, ни слова не сказав. Моя машина протиснулась между деревьями, но на шоссе я так и не попала. К Кудове подъехала с противоположной стороны, по грязи и бездорожью.

— Да, вы собирались показать мне какую-то гробницу из человеческих костей, — вспомнила вдруг Тереса. — А ничего такого я не видела в Упырях. Упыри! Очень подходящее название для такой гробницы.

— И все ты перепутала, — ответила Люцина. — Во-первых, не в Упырях, а в Нижних Мегерах, а во-вторых, не из костей, а из черепов. А как добраться до Мегер, понятия не имею. Иоанна!

— Ведь вы любите ездить по проселочным дорогам, — ехидно отозвалась я. — Вот и вожу вас по ним. А к Мегерам ведет обычное шоссе, по нему даже автобусы ездят.

— Так поехали за автобусом, — согласилась мамуля.

— Перестаньте ссориться! — ни с того ни с сего вдруг сказал молчавший всю дорогу отец. — Здесь так красиво, а вы все ругаетесь!

Мы дружно удивились.

— Кто ругается?

— С чего ты взял? — спросила мамуля. — Я только предложила ехать за автобусом. Если не хотят, так и не надо, я не настаиваю.

— Но я же слышал! — упорствовал отец. — Мегеры и мегеры! Перестаньте, наконец. А если Тереска сказала что не так, можно ей и простить, она ведь у нас гость.

— Папа, мы не ссоримся, мы говорим о деревне Нижние Мегеры! — крикнула я отцу.

— Никаких Мегер я не знаю, я там не был! — с достоинством возразил отец, и это была чистая правда.

К подножию знаменитого горного массива Щелинец мы подъехали уже во второй половине дня. Машину оставили на стоянке у забегаловки и к подножию лестницы отправились пешком. Здесь среди нас, естественно, опять проявились разногласия.

Я категорически отказалась взбираться по этим шестистам шестидесяти пяти ступенькам, и, учитывая мои заслуги в области проселочных дорог, мой отказ был встречен с пониманием. С Люциной тоже все ясно, ей туда в жизни не взобраться, то есть взобраться бы она смогла, но уж спуститься обратно — ни за что, а как ее спустить — мы не могли придумать. Мамуля всю дорогу с энтузиазмом рвалась в горы, а вот когда мы оказались у подножия этих гор, ее печень опять дала о себе знать. Правда, не столь резко, как в Свебодзицах, но вполне достаточно для того, чтобы мамуля благоразумно от экскурсии отказалась. И в результате сопровождать Тересу мог только отец, который без возражений и отговорок бодро двинулся вслед за ней по каменным ступенькам. Через минуту они скрылись у нас из глаз.

До сих пор не могу понять, как нам в голову пришла такая мысль — дать в провожатые Тересе отца. Не иначе как на всех нашло какое-то умственное затмение. Знали же, на него нельзя полагаться, сколько раз впоследствии, после слу-

чившегося, плевали себе в бороду, то бишь локти кусали, да поздно. Даже в нормальных условиях никогда не следовало отпускать его от себя, теперь же, после тех странных событий, что то и дело происходили с нами в пути — тем более. Но мы, видно, не придавали им значения. В этот ясный солнечный день все было таким спокойным, таким беззаботным! Мрачные опасения просто не могли зародиться в наших головах.

Прошло два часа. Люцина вернулась с прогулки в лесу и удивилась:

— Как? Их еще нет? Тогда я схожу погулять в другую сторону.

— Только не задерживайся, — попросила я. — Они скоро должны спуститься.

Люцина обожала одинокие прогулки по лесу и радостно устремилась к манящим зеленым кущам. Мамулю я с удобствами разместила на надувном матрасе, сделав из него мягкое кресло. Сидя в сторонке, чтобы на нее ненароком не наступил какой рассеянный турист из многочисленных групп, то и дело взбиравшихся или спускавшихся по лестнице, она наслаждалась прекрасным видом, дышала чудесным воздухом, и ее печень почти утихомирилась. Воспользовавшись редким случаем, когда все мои подопечные были при деле, я тоже предалась любимому занятию: собирала неподалеку всякие цветы и засохшие стебли.

Увидев выходящую из лесу Люцину, я взглянула на часы — прошло три часа с тех пор, как ушли отец с Тересой. Горы эти я немного знала и встревожилась.

— Как? Их еще нет? — опять удивилась Люцина. — Так я тогда вон в ту сторону погуляю...

— Никуда ты не погуляешь, — возразила мамуля. — Сядь и посиди спокойно, как человек, а не какая-нибудь блуждающая... почка. Они должны вот-вот вернуться.

С горы как раз спускалась очередная группа туристов разного пола и возраста, оживленно переговариваясь. Наших среди них не было и на лестнице, насколько хватал взгляд, тоже никого больше не просматривалось. Я поддержала мамулю:

— Правильно, больше не удаляйся. Если не ошибаюсь, Тереса с отцом поднимались как раз за этой экскурсией, наверное, немного пережидают, чтобы не идти в толпе, и тоже сейчас сойдут.

Мы втроем не спускали глаз с лестницы, но каменные ступеньки оставались пустыми.

— А ты не ошиблась? — спросила Люцина. — Мне кажется, они ушли со следующей экскурсией. И какой смысл мне тут сидеть? Я бы пока погуляла...

— Сейчас они обязательно спустятся, — ответила я, пытаясь обвязать собранный букет стеблями травы. — Ведь уже скоро стемнеет, должны вернуться. А потом придется искать тебя, а они будут жутко голодными, а тебя нигде не найдешь...

— Что ты! Наверняка они там перекусили на турбазе. Это мы из-за них жутко голодные. Ладно, я не пойду в лес, погуляю тут, с краю.

Мамуля вдруг стала проявлять беспокойство:

— Послушайте, а не заблудились ли они? Там ведь так легко заблудиться.

— Еще бы! — подхватила Люцина. — И медведь их съел...

— На ужин, — дополнила я.

— Что за глупые шутки! Они ведь и в самом деле могли заблудиться.

— Вряд ли они рискнули бродить по горам без проводника, — успокоила я мамулю.

Люцина опять направилась к лесу, но на полпути остановилась и громко позвала меня:

— Смотри, не эти ли сорняки ты ищешь?

Я поспешила к тетке, она же конспиративным шепотом произнесла:

— Делай вид, что рассматриваешь цветочки, и слушай. Как мы не подумали о том, что Тересу сопровождает отец?

Ноги подо мной подкосились, и я присела над каким-то чертополохом.

— И в самом деле! — простонала я, делая вид, что копаюсь в траве. — Отцу проводник и в голову не придет. Тересе тоже, ведь она ничего не знает ни о горах, ни о наших правилах. Наверняка они пошли сами по себе и как пить дать заблудились!

— Единственная надежда — там знают, что среди туристов попадаются всякие, и присматривают за ненормальными, — произнесла Люцина без особой надежды в голосе. — Я слышала, ходить в одиночку там не разрешается, таких отлавливают и силой навязывают проводников...

— О чем это вы там шепчетесь? — нервно поинтересовалась мамуля. — Знаете, я уже всерьез начинаю волноваться. Не случилось ли чего?

Мы переглянулись, не зная, на что решиться. Позволить ей волноваться, чтобы, на всякий случай, подготовить к худшему, или успокоить, подвергая в будущем возможному потрясению? Решились на компромиссный вариант.

— Случиться уж наверняка ничего не случилось, — ответила я, отрываясь от чертополоха. — Если бы что-то случилось, тут бы уже летал вертолет. Санитарный. Гремит он отчаянно, и прозевать его мы не могли. А вот заблудиться они с отцом могли запросто, может, и ходят, ищут дорогу. Надеюсь, сообразят забраться на триангуляционную вышку, оттуда хорошо просматривается дорога к турбазе, я сама когда-то именно оттуда ее высмотрела. Тоже заблудилась, и, как видишь, ничего со мной не случилось.

Мои успокаивающие аргументы заставили мамулю забыть о печени и вскочить с матраса.

— Боже милостивый! Заблудились, наверняка заблудились! Могли в какое-нибудь ущелье провалиться! Твой отец специально что-нибудь этакое выкинет, уж я его знаю! Чтобы со свету меня сжить!

— И как долго бедняге это не удается! — философски заметила Люцина.

Неумолимо надвигалась темнота, вот уже и шесть часов. Значит, Тереса с отцом провели наверху уже больше четырех часов. Беспокойство охватывало меня все сильнее. Но ведь могло быть и так, успокаивала я себя: отец и Тереса поднялись по каменным ступенькам, а ведь их более шестисот, устали и пошли не на экскурсию, а на чашку чаю на турбазе. Потом, отдохнув, присоединились к какой-нибудь группе и пошли с ней по маршруту. Это могло занять еще часа полтора. Хотя в разгар туристского сезона проводники способны провернуть его и за двадцать пять минут. Но опять же, Тереса могла дать чаевые в размере доллара, маршрут соответственно про-

длится... Потом они опять могли отправиться на турбазу, поели, отдохнули... И все равно, в сумме набиралось не более трех с половиной часов. Четыре — это уже слишком!

В полседьмого состояние здоровья мамули значительно ухудшилось. Она хваталась то за печень, то за сердце, то неудержимо рвалась к каменным ступеням, и мы с Люциной с трудом удерживали ее от стремления немедленно лично отправиться спасать сестру и мужа. Видя, что личного участия в спасательной экспедиции ей принять не позволят, она душераздирающим голосом требовала немедленно организовать спасательную экспедицию, а также охоту на хищных зверей — аукнулся-таки Люцинин медведь! И многое другое еще требовала. И в тот момент, когда она, видя нашу инертность, собралась проклясть нас страшной клятвой, со ступеней спустился отец. Один.

— А Тересы разве еще нет? — спросил он с некоторым беспокойством.

— Где Тереса?! — страшным голосом возопила мамуля, набрасываясь на него.

Отец вроде бы немного смутился и огорчился.

— А я думал — она уже спустилась и я встречу ее здесь. Дело в том, что мы потеряли друг друга с самого начала, и я нигде не мог ее найти. Не понимаю, куда она подевалась...

— А проводника у вас не было?

— Какого проводника?

— Такого, что все маршруты знает, все тропинки и дороги.

— А, был такой, конечно. Да он и сейчас со мной.

— Где?!

— Как где? В кармане. Гляди-ка, нет... А ведь помню, специально с собой взял. А, вот, в другом кармане!

И отец с торжеством извлек из кармана с трудом запихнутый туда толстенький "Путеводитель по Клодскому воеводству и Столовым горам".

— Папа, мы спрашиваем не о путеводителе, а о живом проводнике, ну, таком человеке, который водит туристов по определенным маршрутам! Человек, а не книжка! Че-ло-век!

— Зачем мне человек? — даже рассердился отец. — У меня ведь был вот этот путеводитель. И еще компас!

В доказательство он извлек из третьего кармана компас и продемонстрировал нам. Взглянула я на дрожащую стрелку и почувствовала, как мне становится плохо.

— Значит, с экскурсией вы не пошли? — сдавленным голосом уточнила Люцина.

— Не пошли, Тереска хотела походить себе спокойно, все посмотреть. Мы переждали, пока туристы прошли, и двинулись за ними.

— А почему же тогда вы с ними не спустились? — зловещим шепотом поинтересовалась мамуля.

— Ну зачем ты еще нагнетаешь обстановку? — упрекнула я ее и заорала диким голосом:

— Папа! Почему вы не вернулись с группой?

— Потому что она сразу потерялась, и нам пришлось ходить самим. Но недолго. Попался такой большой камень, я обходил его с одной стороны, а Тереса — с другой, и больше я ее не ви-

дел. Стал искать ее, вернулся на то место, где мы были, четыре раза возвращался на одно и то же место, но ее там не было, а потом я вышел на дорогу к турбазе, а потом хотел пойти в другую сторону, но не получилось. Не знаю почему, компас работал очень хорошо, показывал куда надо. И я шел куда надо, а выходил опять к турбазе. И так каждый раз. Семь раз пробовал!

Больше выпытывать отца не имело смысла. Я взглянула на часы — без четверти семь. Взглянула вокруг — еще достаточно светло. Наверху наверняка еще светлее. В нашем распоряжении было не меньше часа.

— Ничего не поделаешь, — вздохнула я. — Придется-таки мне взбираться по этим ступеням. Пошли, папа.

За нами молча двинулась мамуля. Этого только не хватало!

— А ты куда? — крикнула на сестру Люцина. — Перестань валять дурака. Думаешь, ты им очень поможешь, если тоже обойдешь камень семь раз?

— Люцина! — кричала я в свою очередь. — Держи ее и не пускай! Если надо, привяжи к дереву! Нам только ее печени не хватало там, наверху!

Отец поддержал нас:

— Ну куда ты? Послушайте, объясните ей, что на экскурсию идти уже поздно.

И изо всех сил тащил супругу к матрасу. Та вырывалась у него из рук с душераздирающим криком:

— Не хочу еще и дочь потерять!

Я рассердилась — времени оставалось в обрез, а тут еще пришлось убеждать мамулю.

— Не потеряешь ты дочери, ничего со мной не станется! Только не мешай сейчас. Вот сядь тут и сиди. Да не тут, чуть на коровью лепешку не села! Вот вам ключи от машины, становится прохладно, возьмите теплые кофты, а лучше всего отправляйтесь с Люциной в ресторан. Только ключей не потеряйте! И матрас не забудьте.

Путь по ступенькам я проделала за рекордно короткое время. Отец не отставал, я слышала, как он сопел сзади. Жаль, не было времени сбегать к машине за фонариком, ведь возвращаться будем уже в темноте. Может, на турбазе дадут?

Добрались до турбазы. В столовой еще сидела экскурсия, последняя в этот день. Двое из ее проводников тут же отправились с нами на поиски. За полчаса мы прочесали весь лабиринт скал, время от времени издавая громкие крики. Проводники сначала кричали вежливо "Пани Тереса!", потом отбросили вежливость и орали, как и мы, просто "Тереса!". Мы освещали фонарями все встреченные по пути ямы и расщелины. Тересы нигде не было.

После тщательных поисков один из проводников сказал мне:

— Проше пани, эти горы я знаю как свой карман. Поверьте, нет здесь такого места, где та пани могла бы, например, свалившись, лежать раненой и без сознания. Если бы свалилась в расщелину, половина ее торчала бы, а ничего такого мы с вами не заметили, вы сами видели. Нет ее здесь, это я вам точно говорю.

Коллега поддержал его:

— Правду говорит Войтек. Человека нельзя не заметить, человека мы бы обязательно обнаружи-

ли. Другое дело — бумажник. Его сразу не найдешь.

— Да, — оживился Войтек, как видно, тоже вспомнив что-то из своей богатой практики. — Бумажник можно и три дня искать.

— И что, нашли? — невольно заинтересовалась я.

— А как же! — с профессиональной гордостью подтвердили оба проводника. — Мы все находим!

— Так куда же она делась? — упавшим голосом спросила я, растеряв весь оптимизм. Проклятое воображение живо нарисовало ужасную картину — Тереса, застрявшая в расщелине. — Ведь сюда она поднялась, это точно.

— Могла заблудиться, дело нехитрое, и выйти на другую сторону, там тоже есть спуск. Немного потруднее, не ступени, но тоже ничего особого. Этой весной вода промыла желоб, так по нему сойти ничего не стоит. И ногу сломать — плевое дело. Мы с корешем, пожалуй, туда смотаемся, там и в самом деле может что-то случиться. А если баба лежит со сломанной ногой, то ее криков здесь, наверху, не услышишь.

Экскурсия живо приняла к сердцу нашу беду, никто не жаловался на задержку, туристы прочно оккупировали столовую, решив сидеть до последнего и ждать результатов поисков. На поиски проводники отправились без меня, заявив, не без оснований, что я им буду только мешать. Мы с отцом сидели за столом и пили кофе, а туристы, сидевшие за нашим столом, наперебой утешали нас и вселяли надежду. Остальная экскурсия перешептывалась, сочувственно поглядывая на нас.

Вскоре проводники вернулись. По второму спуску они прошли до конца и убедились, что никто со сломанной ногой там не лежит, на крики никто не отвечает, и вообще очень внимательно все осмотрели. Это оказалось не очень сложно, там северная сторона, и солнце еще светило. Светило, правда, только в верхних районах поисков, в нижних было темно, но зато там путь легче и ноги переломать никак невозможно. Тересы там нет, это точно!

Куда же эта Тереса могла подеваться? И что теперь делать? Я молча глядела на проводников, в отчаянии размышляя, на что решиться. К нам подошла одна из туристок.

— Я слышала — вы ищете женщину? — робко сказала она. — Кажется, именно ее я тут встретила.

Я вскочила на ноги. Экскурсия затаила дыхание.

— Вы ее видели? Где?

Проводники тоже заинтересовались.

Оказалось, туристка сидела на камне недалеко от второго спуска. И видела, как они спустились. А до этого она их встретила на тропе. Ту самую пани с каким-то паном.

Не все в рассказе туристки было понятно, особенно смущал какой-то пан. Я попросила рассказать по порядку, сначала — кого и когда она встретила на тропе, а потом — кто и когда спускался вниз. Туристка постаралась сосредоточиться и рассказала, больше обращаясь к проводникам: там, где еле протиснешься и еще торчит из скалы такая железная труба, она встретила двух человек. Пришлось их пропустить, иначе не разойтись, да,

они шли ей навстречу. Проводники кивали головами, видимо, все эти топографические особенности местности знали досконально. Ну, и те люди пошли в сторону спуска, потом она видела, как они спустились, а она сидела на камне.

— Во сколько это было? — взволнованно спросила я.

— Да, наверное, около пяти, — не очень уверенно ответила туристка. — Может, немного меньше...

По времени события совпадали. Отец потерял Тересу, видимо, около полчетвертого. Какое-то время она ходила одна, а потом появился пан. Откуда взялся пан? Точно ли Тересу встретила эта женщина?

— Вы можете их описать? — спросила я ее. — Ну, тех двух, пани и пана.

— Не могу, — смутилась туристка. — Я и не смотрела на них.

— Как это? — удивился один из проводников. — В этом тесном проходе встретились нос к носу и не видели, с кем? Там же, чтобы разойтись, надо впритирку протискиваться. И вы на них не взглянули?

— Нет...

Напряженно прислушивающиеся экскурсанты неодобрительно зашумели. Туристка совсем смешалась. Похоже, общественное мнение заставило ее признаться в том, в чем не хотелось.

— Потому что я смотрела... — начала она запинаясь, — я не глядела на их лица, потому что... потому что смотрела на другое. Ведь я же не могла знать, что та пани потеряется!

— Так на что же вы смотрели? — сурово спросил проводник.

— На кольцо. У той пани было кольцо...

Не сразу оценила я всю значимость этого признания, но оценив, осознав, налетела на бедную женщину, как гарпия:

— Кольцо? Опишите его! Кольцо-то вы описать можете, раз на него смотрели?

— Конечно, могу, — оживилась туристка. — Я прекрасно его запомнила. Такое красивое! Очень мне понравилось, я еще подумала — откуда у нее такое кольцо, в продаже я таких не видела. Довольно большое, овальное, думаю, серебряное, из потемневшего серебра. Неравномерно потемнело, где больше, где меньше. И было в нем пять красных камней, неодинаковых, не знаю, что за камни. Нет, не прозрачные. Матовые. Да, блестящие, но матовые. Я могла хорошо рассмотреть, потому что та пани как раз ухватилась рукой с кольцом за ту самую железную трубу, а я постаралась запомнить, чтобы себе заказать такое же. Да, овальной формы. С одной стороны овал совсем овальный, а с другой немного вытянутый...

Кольцо Тересы! Никаких сомнений. То самое кольцо фирмы "Орно", из-за которого весь сыр-бор разгорелся. Добропорядочная фирма тщательно его отреставрировала, перед самым нашим отъездом оно было готово, Тереса надела его на палец и двинулась в Польшу... Серебряный овал и в нем пять красных камней. Правильно!

— Это она, наша Тереса! — вскричала я. — Второго такого кольца нет на свете! И я сразу могу сказать, что такого кольца вам не сделают. Камни в нем — кораллы, таких кораллов в фирме больше нет, но похожее могут сделать. Боже мой, на кой черт она туда поперлась? И с кем?!

Расследование набирало темп. Экскурсия выскочила из-за столиков и окружила нас тесным кольцом. Под натиском общественности женщина припомнила, что пан был молодой. Намного моложе своей спутницы. И тощий. Когда протискивались мимо, он прошел свободно, а та пани с трудом. И с горы он спускался легко, помогал ей, а она большую часть трассы проделала или на зад... нем месте, или задом наперед на четвереньках. Да, уверена, они спустились благополучно, потому что сверху видела их, когда половину трассы они преодолели, а ниже ведь опасности не было.

Женщина замолчала. Экскурсия напирала, дышала ей в шею, и женщина, поднатужившись, вспомнила еще одну деталь: на той пани было что-то красное.

Правильно, было. Красная блузка, выпущенная поверх черных брюк. Сомнений не осталось, это была Тереса. Что ее могло заставить, черт побери, спуститься с гор на другую сторону и исчезнуть, оставив нас всех в тоске и неизвестности? Что ей в голову втемяшилось?

Приободрившиеся проводники дуэтом уверяли меня, что с пропавшей пани ничего не случится, что утром она обязательно найдется. Но только завтра. Сегодня с той стороны гор уже никакой транспорт не ходит, идти пешком в темноте — глупо. И вообще, там уже государственная граница. Ничего страшного, переночует в деревне, а утром вернется.

— А проехать туда можно? — поинтересовалась я.

Мне объяснили — можно, хотя дорога неважная. Тем не менее я постаралась понять, как вые-

хать на эту неважную дорогу. Мне рассказали охотно, с подробностями.

Больше здесь делать нечего. Прихватив отца, я отправилась обратно. За нами, топоча и переговариваясь, двинулась взбудораженная тургруппа.

По дороге я пересказала отцу то, чего он недослышал, и с горечью допытывалась, почему он уступил Тересе, почему они не присоединились к группе с проводниками. Оказывается, отец решил уступать Тересе во всем, выполнять все ее желания, чтобы вознаградить за грубость, которую пришлось вынести несчастной от нас. Время от времени кто-нибудь из экскурсантов подходил ко мне, чтобы выразить сочувствие и предложить помощь. Они обещали везде, где окажутся, расспрашивать местное население о Тересе и сообщать мне полученную информацию. Сведения о Тересе я просила пересылать по тому адресу в Полянице, где мы собирались остановиться, и, на всякий случай, на адрес Лильки в Чешине. Смутно подумалось — Тереса ошалеет, если на каждом шагу незнакомые люди станут хватать ее за руку и разглядывать кольцо, пожалуй, она снимет и спрячет его. Тем не менее я была искренне признательна этим людям за желание помочь.

Люцина с мамулей, ясное дело, сидели у подножия каменной лестницы, и их трясло — и от холода, и от волнения. И хотя мне, наоборот, было жарко, их я погнала в ресторан. Велела ждать там, пока не съезжу на машине на ту сторону горы, хотя прекрасно понимала — после того как спустилась, Тереса уже давно могла пешком добраться до нас еще засветло. И не обязательно по

той дороге, по которой я собиралась ехать, а по тропинкам напрямик. Кстати, этот аргумент я высказала мамуле с Люциной, уговаривая их переместиться в забегаловку. Если, скажем, Тереса идет в обход горы и доберется до нас, искать нас она в темноте будет, конечно же, не у подножия горы, а в центре общественной и культурной жизни поселка – в ресторане.

– Пусть отец ждет в ресторане, а мы поедем с тобой, – упорствовала мамуля.

– Отец?! И опять потеряются?

Убедила. С собой я уговорила ехать одного из проводников. И даже не особенно пришлось уговаривать, ему и самому было интересно. Это был первый случай в его практике, когда туристам втемяшилось в голову спускаться с противоположной стороны. Туристам, честно говоря, много чего втемяшивалось в голову, но такое...

В полной темноте добрались мы до деревеньки на границе. Назвать дорогу неважной можно было лишь с большой натяжкой. Никудышная – это вернее. Сравнительно небольшие отрезки ровного грунта сменялись участками, покрытыми то щебенкой, то булыжником, то просто в сплошных выбоинах, но я как-то доехала.

В маленькой деревушке было темно и тихо. Я медленно проехала вдоль хат, но в свете фар не увидела ни одной живой души. Проводник предложил остановиться и покричать: может, та пани уже спит, а услышав наш крик, проснется и выйдет. Я остановила машину и выключила двигатель. Выйдя из машины, мы с проводником заорали изо всех сил:

– Тересаааaa!

Эффект был потрясающий — отозвались все собаки в округе. Нет, не только в этой деревушке, но и во всех близлежащих и, наверное, не только близ. Неимоверная какофония самого разнокалиберного собачьего лая заполнила все пространство вокруг нас на расстоянии никак не менее пяти километров. Разразившегося шума мне показалось мало, я усилила его, несколько раз подряд нажимая на гудок, собаки тоже наподдали, жуткое дело!

— Невозможно! — с удовлетворением произнес проводник. — Будь эта пани здесь в округе, она бы непременно проснулась. Мертвый бы проснулся! Может, хватит, собачки охрипнут.

Выехав из деревни, я остановилась за околицей.

— Подождем, — предложила я без особой надежды в голосе. — Может, услышала и теперь бежит сюда. Глупо получится, если мы у нее из-под носа уедем.

С полчаса мы подождали. Собаки постепенно успокоились. Пять километров за эти полчаса Тереса успела бы пробежать хорошим галопом, а если находилась дальше, то все равно бы нас не услышала. То есть услышать-то услышала, но не поняла, что этот шум подняла я.

Поехали обратно, внимательно глядя по сторонам — не вылезает ли из придорожной канавы знакомая фигура, махая руками. Никто не вылезал и не махал.

Мы вернулись к ресторану. Тересы там не было.

— И что будем теперь делать? — спросила Люцина.

Мамуля ни о чем не спрашивала. Она сидела молча, с трагическим выражением глядя куда-то вдаль. От нее, конечно, напрасно ждать разумного совета. Единственное, что она могла предложить — совершить нам всем коллективное самоубийство. Отец, естественно, целиком был занят тем, чтобы успокоить свою супругу, и ни о чем другом думать просто не мог.

Да, решать надо было нам с Люциной.

— Теперь я бы поела, — ответила я ей, — с утра ничего не ела. А что касается Тересы — не знаю. Теоретически стоило бы ждать ее в том же месте, где она нас оставила, но практически, боюсь, не получится. Потому хотя бы, что неизвестно, какое именно место выбрать. То ли подножие каменной лестницы, то ли камень, около которого они с отцом потерялись. Самым разумным мне представляется отвезти вас в Поляницу, самой же спокойно вернуться сюда и ждать рассвета у костра.

— Никакая сила не заставит меня сдвинуться с места, — трагическим голосом заявила мамуля.

— Еще как заставит! Тебя просто вышвырнут из ресторана, когда будут закрывать.

— Тогда я буду сидеть во дворе!

— Можно узнать, что ты там высидишь? — не отставала Люцина. — И к чему эти драматические позы, не строй из себя... не знаю что! С Тересой ведь ничего не случилось, это известно. Даже если опять заблудилась, днем выберется.

— Вот я и говорю — надо ждать ее здесь!

— Где? В машине? На опушке леса? Расположиться цыганским табором? Ты будешь в бубен бить, а Янек отправится воровать коней.

— Лучше коров, напоит жену молоком. Нет, мои дорогие, надо возвращаться в Поляницу, туда нам будут присылать сообщения, я дала адрес. Все знают, что мы остановимся в Полянице.

— Но я все равно спать не буду! — упорствовала мамуля.

— А кто тебя заставляет? Не хочешь — не спи. Но, по крайней мере, будешь лежать в постели, а то ведь завтра опять замучаешь нас своими болячками.

Мамуля в сердцах заявила — нет у нее ни дочери, ни сестры, вместо них две змеи ядовитые, и Бог нас накажет за такое к ней отношение. И еще у нас на совести Тереса, непонятно почему. Отмахиваясь от отца, как от надоедливой мухи, она и его совесть не оставила в покое. Оказывается, у отца на совести несчастный Тадеуш, муж Тересы, который сейчас в далекой Канаде в отчаянии рвет на себе волосы. Как Тадеуш в далекой Канаде мог узнать об исчезновении супруги, мамуля не сочла нужным разъяснять.

На следующий день мамуля растолкала нас в четыре часа утра, заявив, что изголодавшаяся и промерзшая Тереса ждет на опушке леса недалеко от каменных ступеней, и, если мы немедленно ее оттуда не заберем, с ней случится нечто еще более страшное. И таким ярким был созданный ею образ несчастной Тересы, что мы, полусонные, не поев, не попив, в пять утра оказались у подножия проклятой лестницы. Никакой Тересы там не было.

— Существуют только две возможности, — рассуждала Люцина, пытаясь согреться в лучах ут-

реннего солнца. — Или Тереса нечаянно перешла границу и пошла в Чехословакию, или ее опутал тот тип, с которым они спускались с горы. Другими словами, нашла себе хахаля и сейчас в каком-нибудь гнездышке воркует с ним, а мы тут с ума сходим и ждем ее, как стадо идиотов.

— Ну какое же стадо? — не согласилась я. — Всего четыре штуки.

Мамуля не поддержала такой несерьезный тон разговора, прервав его энергичным:

— Необходимо немедленно сообщить в милицию!

— Ты с ума сошла! — воскликнула Люцина. — Хорошенький подарочек будет сегодня нашей сестрице! Политические осложнения в случае нелегального перехода границы, а в случае хахаля — ненужный шум.

— Да что ты с этим хахалем привязалась! — рассердилась мамуля. В ранние утренние часы она, в отличие от нас, была свежа и бодра, как жаворонок, и проявляла неумеренную энергию и темперамент. — Тот молокосос мог вполне оказаться бандитом. Мог ее ограбить!

— Так ограбленная бы вернулась, — заметила я, а Люцина меня поддержала:

— Интересно, что он мог там награбить, с собой у нее было всего несколько долларов мелкой монетой да подстилка с кондитерской фабрики.

— Увидев, что грабить нечего, мог разозлиться и в сердцах убить ее! — не уступала мамуля.

— Вряд ли, совсем дураком надо быть, — вяло подавала я реплики, зевая во весь рот. — Интересно, во сколько они открывают свой ресторан? Хоть чаю бы напиться. За попытку ограбления

дают всего-навсего несколько лет, а за убийство вышку. Только последний дурак пойдет на убийство.

— А откуда ты знаешь, что он не последний дурак?

Этого я, естественно, не знала, да в данный момент не это было главным. Мамуля изо всех сил нагнетала атмосферу ужаса, паники и крайней напряженности. Окутанные этой атмосферой, мы отправились в забегаловку, наскоро выпили по чашке чаю и опять вернулись к подножию лестницы, уже немного привыкнув к кочевому образу жизни. Не зная, что делать, мы в полном бездействии сидели там в отчаянной надежде, что вот-вот появится Тереса. Часы проходили за часами, а ее не было. Люцина предложила заняться постройкой шалаша — и сооружение пригодится, и будет какое-то занятие.

Весть о пропавшей даме с кольцом разнеслась по округе с быстротой молнии, о нас уже все знали, мы стали знаменитостями. На нас приходили посмотреть сельские дети из самых дальних деревень. Экскурсии, поднимавшиеся по каменным ступенькам, не отводили от нас любопытных взглядов — как только шей не вывернули! Удивительно, что никто из туристов так и не свалился с каменной лестницы, а то нам тоже было бы на что посмотреть. Наконец, подъехал на велосипеде какой-то мальчик и остановился рядом с нами.

— Это ваша баба, которая потерялась? — спросил он.

— Наша, — не очень дружелюбно ответили мы. Вернее, ответила лично я. Люцина повернулась спиной, мамуля демонстративно разглядыва-

ла облака в небе. Мальчик принялся разглядывать нас. Прошло немало времени, пока он снова не заговорил:

— Я ее видел.

И опять замолчал. Потом добавил:

— Так мне велели ехать и вам сказать. Вчера вечером я ее видел.

Какой милый мальчик! Мамуля и Люцина сорвались с мест, кто-то из них наподдал ногой термос с молоком. Я тоже сорвалась с места и тоже наскочила на термос. От меня он покатился к отцу. Отец сидел в задумчивости, глядя куда-то в пространство. Удар термосом вывел его из задумчивости. Наверное, он не расслышал какого-нибудь требования супруги и теперь она выражает свое неудовольствие таким невежливым образом! Схватив термос, он кинулся к ней:

— Несу, несу! Сказала бы погромче, зачем сразу швыряться?

Навалившись на руль своего велосипеда, мальчик смотрел на нас уже с откровенным любопытством. Отец, подбежав к мамуле, стал откручивать термос.

— Так где же ты ее видел, сынок? — сладким голосом спросила Люцина.

Парень жестом подбородка очень неопределенно показал куда-то на горный массив.

— А тамочки. У Пастерки. На дороге.

Я отстранила Люцину, поскольку лучше знала местность. Правда, знакомилась я с ней в темноте, но как-никак знакомилась. Отец наконец открутил крышку термоса и, налив в нее молока, принялся совать мамуле в руки.

— На какой дороге? — попыталась я уточнить. — На той, что у скал, или на той, у леса?

— У леса, из деревни выходит.

Мамуля в ярости отбивалась от отца:

— Что тебе надо, что ты мне суешь?

— Ты ведь хотела молочка. Громче, не слышу. Где Тереса?

— Черт ее побрал! — громовым голосом заорала мамуля, и парень совсем перестал реагировать на наши расспросы. С трудом удалось отвлечь его от завлекательной сцены.

— На мотоцикле ехала, — рассеянно информировал парень, явно ожидая, что будет дальше, и не сводя глаз с мамули. — С одним таким. Кольцо, может, и было, да я его не разглядел. Ну как одета? Нормально. Красные туфли. Сама черная. Да не знаю я, как одета! Что-то желтое и зеленое. Через них я в песок съехал, как вывернули из-за поворота.

Моим родителям удалось наконец совместными усилиями вылить себе на ноги половину молока из термоса. Увлеченный интересным зрелищем, мальчишка выдавал информацию по кусочку. Как переключить его внимание на себя? Вот если бы я умела стоять на голове...

— В какую сторону они ехали? — в третий раз крикнула я.

— Чего? А так вроде бы к Соше. А потом куда, не знаю. Могли на Карлов, могли на Радково.

— А почему ты, сынок, думаешь, что это была та пани, которая потерялась? — задала умный вопрос Люцина.

– Да ниоткуда не знаю. Чего я там знаю! Мать велела вам сказать, ну я и приехал. Баба чужая, не из наших мест. Ее тут не видели, а там откуда мне знать...

Воспользовавшись антрактом в представлении, которое давали родители, я тоже поспешила задать вопрос:

– А того, что с ней ехал, ты знаешь? Кто он?

– Да не знаю, тоже чужой. И мотоцикл чужой, значит, не из наших мест. Совсем чужой.

– А номера ты случайно не заметил?

– Почему не заметил? Очень даже заметил. Первая буква была "В", а в конце тройка.

– А как он выглядел?

– Известно, как мотоцикл...

– Да я про того, что на мотоцикле ехал. Как он выглядел?

– А никак. Рожу очки закрывали, а на голове... этот... шар.

– Шлем?

– Ну да, шлем. И вроде бы не очень старый, сдается мне.

Мы поняли, что последнее замечание относится к мотоциклисту, а не к его шлему. Вдохновленная полученными свежими сведениями, я решила действовать. Мальчика я попросила показать место, где он видел пару чужаков. Мальчишка согласился охотно, наверное, надеялся, что эти чудики еще выкинут какую-нибудь штучку. Мы поспешили в машину, и я медленно двинулась за парнем на велосипеде.

В том, что он видел Тересу, сомнений не было. Описание внешности совпадало. Черная, конечно, у Тересы не было ни одного седого волоса.

Ее красные туфли издалека бросались в глаза. Вызывала недоумение только одежда. Ничего желто-зеленого на ней не было в тот момент, когда она потерялась. Мы ломали головы, пока Люцина не догадалась.

— Да о чем тут думать! — вскричала она. — Это же покрывало с кондитерской фабрики! К вечеру похолодало, на мотоцикле и вовсе холодно ехать, вот она и набросила на себя то, что оказалось под рукой. Помните, ведь оно как раз в желто-зеленые полосы.

— Смотрите, как она кстати его украла! — философски заметила я. — Не только пригодилось в трудную минуту, еще и служит опознавательным знаком. Раскраска броская, запоминающаяся...

Выходит, границы Тереса не переходила. Осталась одна версия — молодой любовник. Может, Тереса и в самом деле... увлеклась?

Не знаю почему, но версия с хахалем очень не нравилась мамуле. Сначала она изо всех сил пыталась ее опровергнуть, но нас было двое, и тогда мамуля просто обиделась и замкнулась в гордом молчании.

Естественно, эту версию мы тоже не принимали всерьез, но серьезной не было никакой. Исчезновение Тересы представлялось сплошной загадкой. Для того чтобы вести поиски, надо за что-то зацепиться, а тут — никакой зацепки. Поэтому я и ухватилась за слабую надежду выяснить хоть что-то, взглянув на место, где видели тетку. Наверняка по той проселочной дороге транспорта ездит немного и удастся отыскать следы мотоциклетных покрышек. Может быть, удастся даже определить, в какую сторону они ведут.

Надежды, увы, не оправдались. За недолгое время по дороге проехало немало телег на резиновом ходу, и они основательно затерли все следы мотоцикла. Зато, как я и надеялась, очень пригодилась оргия красок на Тересе.

Пасущая корову особа неопределенного пола и возраста сообщила: вчерась, когда она аккурат загоняла худобу во двор, какие-то на мотоцикле спугнули ее теленочка. Уж она их ругала, уж она их проклинала, громы небесные на их головы призывала. Кто сидел на мотоцикле? Да фулиганы, кто же еще! У одного голова, что пивной котел, а другой пестрый, как сорока. А как же, видела, куда повернули, аккурат кулаком им вслед грозила! К лесу свернули, куда же еще!

Может, в Радково ехали, может, еще куда, кто их там поймет...

— Хоть убейте, что делать — не знаю, — сказала я, остановив машину в лесу у брода через ручей, в очень живописной местности, Тересе бы понравилось. — Судя по карте, здесь нет никаких дорог, но на мотоцикле проехать могли. Проскочили, например, в Баторово, Тереса там где-нибудь переночевала, а сегодня утром вернулась в Поляницу.

— Ты так думаешь? — сомневалась Люцина.

— Да я и сама сомневаюсь, но могло ведь и так быть. Какого черта мы уехали из этой Поляницы в полпятого утра, Тереса давно могла вернуться туда!

— Ну так что, возвращаемся?

— Не знаю, на что решиться. И как развернуться? Нет, не развернуться здесь, придется обратный путь проделать задом. Пожалуй, самое ра-

зумное — поездить здесь по окрестностям, поспрашивать, может, что еще узнаем о Тересе. Может, еще какая версия возникнет.

У Люцины возникла сразу:

— Поехала возвращать украденное покрывало. Воспользовалась первой подвернувшейся оказией, мы ей помешать не могли, и она самостоятельно отправилась, чтобы вернуть в замок украденную вещь.

Мамуле новая версия понравилась, и она перестала дуться. А что, присоединилась она к мнению сестры, очень даже может быть! Тереса спать не могла, так ее мучила совесть, ясно — постаралась ускользнуть от нас и поехала возвращать украденное. И обе сестры так горячо принялись обсуждать новый вариант, что даже я засомневалась. Чем черт не шутит, от моих родных всего можно ожидать. И все-таки я решила поездить по окрестностям, раз уж мы здесь, поспрашивать, не видел ли кто женщины в красных туфлях и желто-зеленой льняной тряпке.

Труды наши потрясающим успехом не увенчались. Информации мы собрали что кот наплакал. Получили ее от мужика, не совсем трезвого, может, потому и разговорчивого. Мужик сообщил: видел он мотоцикл, ехал по дороге вроде бы на Баторово. Он, мужик, косил траву в придорожной канаве. И вчера косил, и сегодня косит... Косил, значит, вчера, и мотоцикл аккурат в тот момент проезжал, как он, мужик, из канавы вылазил, решив закончить работу. Ему, мужику, мотоцикл ни к чему, он и внимания бы на него не обратил, да тот на него бибикнул. Вот он и обратил внимание. Два человека ехало на мотоцикле.

Это все, что удалось узнать от косаря. С трудом отыскали дорогу в Баторово, пришлось несколько раз возвращаться, пока не доехали. Мы с Люциной обошли все хаты в деревне, расспрашивали, но ничего не узнали. Никто в Баторове не видел чужого мотоцикла. Мужик с косой, получается, был последним, кто их видел.

Усталые и донельзя удрученные, к вечеру мы вернулись в Поляницу. Тересы там не было, но взволнованная директорская домработница встретила нас тревожным сообщением.

— Был тут какой-то пан! — крикнула она, не давая нам выйти из машины, чуть не плача. — Ох, зачем я его впустила в дом! Ну как у хозяев что пропало, а я теперь отвечай!

И хотя мы очень устали, не бросились мыться и есть, а набросились на несчастную женщину и вытрясли-таки из нее информацию, которую она столь сумбурно пыталась нам сообщить. Информация и в самом деле оказалась сенсационной.

Сегодня утром ей нанес визит незнакомый пан. Среднего возраста, около сорока. Ни толстый, ни тонкий, ни лысый, ни бородатый; выглядел очень порядочным. Где-то около девяти пришел. Спросил, дома ли мы, у него есть сведения о нашей потерявшейся родственнице. Домработница не могла сказать, когда мы вернемся, пан решил подождать. Гость выглядел таким порядочным, что она впустила его в комнату. Разумеется, не в нашу, в гостиную. Поначалу она занимала его разговором, но время шло, а дел невпроворот, пришлось извиниться и оставить человека одного. Вернувшись, она не обнаружила его в гостиной.

Гость оказался в одной из наших комнат. Нет, ничего не делал, просто стоял посреди комнаты, бессмысленно уставившись в угол. Думал, наверное, о чем-то. Увидев ее, стал допытываться, куда мы поехали, может на экскурсию какую, взяли ли с собой вещи, чемодан или сумку, ведь по вещам можно прикинуть, когда мы собирались вернуться. Домработница ничего не могла ему сообщить, ведь мы, по настоянию мамули, уехали ни свет ни заря, она еще спала. А он все выпытывает, выпытывает... Потом сказал — оставит нам записку, что-то написал на листочке в блокноте, вырвал и положил на стол, под вазочку, а сам все расспрашивал. Так ничего не узнав, распрощался и вышел. А ее будто что кольнуло, кинулась к записке, а она вовсе не записка, чистый лист бумаги! Вот, можете сами посмотреть. Естественно, ей это показалось подозрительным, она выскочила следом за посетителем, но не догнала его. Увидела только — с той стороны, где он скрылся, из-за кустов выехала машина и умчалась. Какая машина? Не такая, как у пана директора, другая. Цвета? Красного, точнее, такого немного свекольного или вишневого...

Теперь мы набросились на записку. Это оказалась обыкновенная страничка в клетку, вырванная из маленького блокнота, совсем чистая. Мы вертели ее так и сяк, смотрели на свет, нюхали и ничего не вынюхали. Непонятная, подозрительная история! Зачем приходил этот человек?

— Подложить взрывное устройство? — предположила Люцина.

Мамуля совершенно неожиданно очень трезво отреагировала на ее предположение.

— Тратить на нас бомбу? Говорят, это очень дорогая вещь. Нужно быть ненормальным...

— Тогда зачем же он приходил?

— А я откуда знаю? Может, хотел что украсть. Вот уж, действительно, нашел у кого!

— А может, это тот самый король, который в Свебодзицах украл у Терески зубы? — неожиданно вмешался отец, который расслышал с пятое на десятое. — Ну что уставились? Я же слышал, как один из королей украл у Тересы зубы...

Двух гарпий, которые накинулись на отца, было вполне достаточно, я сочла излишним выводить его из заблуждения. А кроме того, в замечании отца было что-то такое, что заставило встрепенуться мой отупевший ум. Боже мой, ну конечно! Как же я сразу не сообразила? Не иначе, это проселочные дороги так отрицательно сказались на моих умственных способностях, иначе я просто не могла не сопоставить события, не обратить внимание на зловещий смысл просто самих собой напрашивающихся ассоциаций. Какое счастье, что у меня давно выработался автоматический рефлекс — машину обязательно запирать.

— А ну тихо! — прикрикнула я на стариков. — Оставьте в покое королевские зубы! Немедленно каждому проверить свои вещи! Все ли на своих местах, не пропало ли чего!

Старики замолчали на полуслове, со страхом глядя на меня, и кинулись исполнять приказ. Не рассуждая, редкий случай!

С заданием первым справился отец.

— Все в порядке! — отрапортовал он, осмотрев свою удочку, и с удовлетворением добавил: — Ничего не трогали, ничего не пропало.

— А ты успел все проверить? — напустилась на него Люцина. — У тебя что, кроме удочки, ничего нет? А рубашки, носки, подштанники?

— Кому нужны мои подштанники? — удивился отец. — Вот удочки — я понимаю.

Тем не менее отправился проверять остальные вещи. Мамуля с Люциной лихорадочно копались в своих.

— Туфли есть, жакет есть, шарфик есть, юбка есть, — бормотала Люцина.

— О! — крикнул вдруг отец, разглядывая рубашку. — Не хватает пуговицы!

— Думаешь, ее оторвал бандит? — язвительно поинтересовалась мамуля.

— При чем тут бандит! Сама оторвалась.

— Нет, твой отец таки сведет меня в могилу!

— Не третируй отца! — сказала я. — Он единственный из нас обратил внимание на то, на что мы все смотрим, как слепые курицы, и ничего не видим. А вот отец увидел. Правда, немного наоборот, но увидел. Ну и что у вас?

— Мой чемодан открывали, — доложила Люцина. Она поняла смысл моего приказа. — Ничего не пропало, но чемодан открывали.

— Уверена?

— На сто процентов. Вот гляди: тут кусочек отклеился, поэтому я всегда закрываю так, чтобы его прижать, а сейчас он торчит. А у меня уже рефлекс выработался, — обязательно прижму, даже если буду закрывать в невменяемом состоянии.

— Какая-то холера вытащила у меня иголку из нитки... нет, нитку из иголки! — возмущенно

пожаловалась мамуля. — Вот тут, в отворот халата у меня всегда воткнута иголка с ниткой...

— Так дай мне эту иголку с ниткой, — попросил отец, покоряясь судьбе. — Пуговица отыскалась, я ее пришью.

— Да я же польским языком говорю — нитку кто-то вытащил! Одну иголку, пожалуйста, могу дать.

Мы с Люциной переглянулись.

— Где был твой халат? В чемодане или на постели?

— В чемодане. На самом верху. И я специально держу иголку, чтобы не вдевать каждый раз, сама знаешь, приходится очки искать. И теперь нитки нет. Ради Бога, дайте ему какую-нибудь нитку, он меня доконает своей пуговицей!

Я открыла несессер. Теперь я уже точно знала, что надо проверить. В самом низу лежало лекарство, купленный перед отъездом рафахолин — флакон с таблетками в картонной упаковке. Упаковка была вскрыта...

Я выпрямилась и повернулась к присутствующим. Возможно, мне не совсем удалось скрыть овладевшую мной панику. Люцина шлепнулась на постель и, подпершись сзади руками, с любопытством глядела на меня. Мамуля судорожно прижала к груди свою сумку. Отец замер с ниткой в руке и иголкой в другой.

— Что ж, — торжественно произнесла я. — Ничего не поделаешь, надо смотреть правде в глаза. Похоже, мы влипли в очень неприятную историю...

Домработница довольно легко успокоилась, узнав, что у нас ничего не пропало. Мы же, на-

против, очень встревожились. Визит незнакомца подтвердил, что на Тересу и в самом деле охотились. По каким причинам – неизвестно, но дело с исчезновением Тересы оказалось серьезнее, чем представлялось вначале. Самое время все как следует обдумать, взвесить, обсудить, припомнить все, случившееся с нами, каким бы незначительным оно ни казалось.

Ужин и семейный совет мы начали одновременно. Вывод первый: неизвестный мужчина хитростью проник в директорский домик с целью отыскать подковку, найденную нами на лестнице королевской башни, и фотопленку тети Яди. По каким-то непонятным нам причинам оба предмета представляли для него большую ценность, причем неизвестно, какой был дороже. Но интересовали его оба, это факт.

Вывод второй: неизвестный прибыл на свекольной машине. А с первых минут пребывания Тересы на земле предков у нас постоянно путается под ногами вишневый "пежо". Принимая во внимание нечеткую разницу в оттенках красного цвета и тот факт, что машина неизвестного "не такая, как у пана директора", а у директора был "фиат", возможно, это одна и та же машина.

Пленку тети Яди пытались похитить еще в Колобжеге, таинственный и непонятный визит нанесли в Свебодзицах, а теперь вот украли Тересу.

На прелестной трассе, проходящей среди змей и ужей, я видела двух мужчин у домика лесника. Один разговаривал как человек, другой сразу скрыл лицо под большими мотоциклетными очками, сидел на мотоцикле и слушал наши рас-

спросы насчет дороги. Орали мы громко, ведь он включил двигатель, надо было его перекричать, так что наверняка уяснил, куда мы поедем, Теперь припоминаю — номера на мотоцикле были варшавские, и вроде бы там была тройка. Ну конечно же, большое "В"! Но типа на мотоцикле я бы не назвала молоденьким, оба они, у плетня, были мужчинами скорее средних лет.

А с Тересой спускался молодой! — напомнила Люцина.

— Ну и что? Тот, на мотоцикле, доехал до Кудовы и передал его молодому.

— А с чего ты взяла, что неизвестный искал пленку? Кошелек-подковку, согласна, свой кошелек каждому хочется получить обратно, а пленку?

— Потому что искал в тех местах, где она может быть спрятана. Раскрыл упаковку с моим рафахолином. Зачем?

— Может, у него тоже печень болит? — предположила мамуля, и в ее голосе прозвучало сочувствие.

— Вот-вот! — подхватила Люцина, непонятно, в шутку или всерьез. — Ты проверила, он не принял лекарство?

Ну и семейка, спятишь с ними!

Вздохнув, я вытащила флакон с таблетками, высыпала их и пересчитала. Было тридцать штук, как надо.

— Сами видите! Ничего у него не болело, не лекарство он искал. Да мы и сами могли бы уже догадаться — они давно охотятся за фотопленкой. Именно за ней. А кошелек потеряли уже в процессе поисков...

Мамуля усомнилась:

— Даже если ты и права, откуда они могли знать, что пленка у нас, а не у Яди? Если, как ты говоришь, они с самого начала охотятся за ней и следят за нами, должны искать пленку у Яди в Варшаве.

Я опять вздохнула:

— В том-то и дело! Когда тетя Ядя уезжала, мы перекрикивались с ней так, что эхо раздавалось в окрестных горах. О местонахождении пленки могли узнать все, кто находился в тот момент на вокзале, весь город.

И у меня в ушах опять зазвенели отчаянные "ииии" и "ууууу". Да, без сомнения, если за нами следили, то точно знали, у кого находится пленка.

— Вот значит что, — задумчиво произнесла Люцина. — Если они следят за нами, должны знать — пленка у нас, мы ее еще не проявили и пока не знаем, что на ней...

— Почему же тогда они не попытались выкрасть ее еще в Нисе? — спросила мамуля, и в ее голосе явно звучала претензия по адресу недогадливых преступников.

— А ты откуда знаешь, что не пытались? Может, и пытались, да у них не получилось. Помнишь, какой шум мы подняли из-за льняной тряпки? Могли и за окнами подслушивать, и за дверями топотать, мы бы все равно не услышали.

— Ты права. Могли. И что будем делать?

Я уже приняла решение:

— Надо обратиться в милицию. Дела зашли так далеко, что самим нам не справиться. Мы не знаем, из-за чего весь сыр-бор разгорелся, не знаем, что такое выкинула Тереса, но найти ее

надо во что бы то ни стало. Повторяю, самим нам не разобраться.

Реакция на мое предложение была однозначной и на редкость дружной. Все трое решительно воспротивились, все принялись кричать. Правда, аргументы у каждого были свои. Признаюсь, я такого не ожидала.

— Погодите, не все сразу! С чего вдруг взъерепенились? Может, я чего не понимаю? Или не знаю? Какие-нибудь фамильные тайны? Почему мы не можем искать Тересу легальным путем? Самое нормальное дело...

— И вовсе не нормальное! — крикнула мамуля. — Не желаю впутывать милицию в наши семейные дела, не желаю... не желаю, чтобы меня затаскали по ихним управлениям, отделениям, комиссариатам! Не желаю! Вот если бы на Тересу кто-то напал в горах, какие-то... не знаю грабители, бандиты — другое дело. Сейчас мы знаем — она жива и здорова, значит, сама отыщется, а потом будет предъявлять претензии, что мы напустили на нее милицию. Ведь она же приехала из Канады!

— Ну и что? Всех, кто из Канады, отлавливают и бросают в подземелье?

Люцина, редкий случай, поддержала старшую сестру:

— Я согласна, милицию нельзя впутывать в это дело. Тут что-то не так, Тереса с самого начала чего-то боялась, вспомните, как ее напугали визиты незнакомых...

— Один визит!

— А вот это еще под вопросом. Кажется мне, она впуталась в какую-то историю, наверняка

случайно, но впуталась, а мы напустим на нее милицию. А если действительно у нее что-то не в порядке? И оставшийся отпуск она проведет... ну, если не за решеткой, то в кабинетах следователей, на допросах. Тоже хорошего мало. И не исключено, что посадят. А у нее ревматизм...

Я рассердилась:

– Какая решетка, при чем тут решетка? Что за глупости! Будто милиция только тем и занимается, что сразу за решетку сажает!

– На решетке я не настаиваю, но запросто могут запретить ей покидать Варшаву. Представляешь, как она обрадуется? Нет, я ничего не утверждаю, но согласись, история подозрительная.

Отец высказался не столь эмоционально, но твердо:

– Я в это дело вмешиваться не желаю. Вы тут что-то говорили о хахале, я слышал. Тереса может делать что пожелает, но мне это не нравится. Ни в какую милицию я обращаться не стану, не желаю международного скандала. Дойдет до Тадеуша, а ему будет неприятно.

Я уже готова была рвать на себе волосы.

– Да что на вас такое накатило, спятили вы, что ли? При чем тут международный скандал? Как Тадеуш может узнать об этом?

– Очень просто, – возразили мне. – Дадут объявление в газетах, объявят всепольский розыск, а Тадеуш польские газеты читает.

В общем, опять проблемы. И неразрешимые, потому что каждая сторона стояла на своем. Проблемы усугубляла полнейшая неясность в отношении Тересы: что у нее было на совести и что с ней произошло. Замешана в какую-то подозри-

тельную аферу и ее исчезновение связано с этим? Влюбилась и сбежала с предметом своих чувств? Ее похитили совершенно посторонние злоумышленники и увезли в неизвестном направлении? Любая версия представлялась реальной, и в любом случае не хотелось вмешивать в дело милицию. И одновременно необходимо было как можно скорее разрешить загадку. Но вот каким образом это сделать — никто не мог посоветовать ничего разумного.

Мамуля ела творог и ворчала:

— Тереса моя младшая сестра, я не позволю ей делать глупости.

— Она уже совершеннолетняя, — автоматически возразила Люцина.

— Что с того? Совершеннолетняя, да глупая. Не позволю ей крутить любовь с первым попавшимся хлыщом! Пусть в Канаде крутит, там я за нее не несу ответственности. В Канаде я не вмешиваюсь, Тадеушу самому решать.

— Да неужели вы до сих пор не поняли, что никакая это не любовная история, а подозрительная афера! — простонала я.

— И в подозрительные аферы не позволю ей вмешиваться!

Вот и втолкуй им что-нибудь! Меня просто не желали слушать, каждый стоял на своем. Видя мое отчаяние, Люцина сделала попытку успокоить меня:

— Ну зачем так расстраиваться! Ведь и в самом деле история непонятная. Знаешь, как в том анекдоте с часами: то ли украл, то ли у него украли. О! Вот еще версия: не могло получиться так, что кто-то провозил контрабанду, подбросил ее в

чемодан Тересе, а теперь хочет получить свою собственность?

— И куда, по-твоему, эта контрабанда делась? Вылезла из чемодана и отправилась гулять? Ведь Тереса по приезде распаковала чемодан, все вещи перетряхнула, часть оставила в Варшаве, часть взяла с собой. И чемодан разбирала на наших глазах, помнишь? Ничего подозрительного там не было.

— Мы могли не заметить. Если маленькое... Спрятали за подкладку.

— А где Tересин чемодан? — заинтересовалась мамуля.

— Остался в Варшаве. Вернемся, контрабанду найдем и сразу выбросим.

— А если взорвется? — возразила Люцина.

— Так, по-твоему, лучше, чтобы взорвалось у меня в квартире? — возмутилась мамуля. — Выбросим с моста в Вислу.

— Перестаньте болтать глупости! — не выдержала я. — Если даже что и подбросили, оно скорее будет в ее сумке, а не в чемодане — ведь не в Варшаве ищут, а здесь! Раз ездят следом за нами, знают, что осталось в Варшаве, а что Тереса взяла с собой.

Отец уже давно пытался вставить слово, ему не давали. Но вот наконец он воспользовался краткой паузой в нашей дискуссии:

— Скажите мне в конце концов, почему Ядя украла пленку? Нет, не то... Я хочу знать, почему вы все время говорите о Ядиной пленке? Она ее у кого-то украла? Или, наоборот, кому-то подбросила? В чем дело?

Слова отца, как всегда, внесли ясность в сумбур, возникший в голове.

– Люцина, хватит молоть чепуху, и без того запутались, а ты еще контрабанду приплела!

Люцина так просто не сдавалась.

– Он такой толстый, – невинно заметила она.

– Кто? Контрабандист? – немедленно отозвалась мамуля.

– Нет, Тересин чемодан. В нем, поди, не только двойное, а даже тройное дно!

– Люцина! Уймись! Давайте говорить о деле. Отец прав, надо начать с пленки тети Яди, проявить ее и посмотреть, что там такое. Может, и сообразим, кто нас преследует.

– Правильно! Так чего ждешь? Немедленно отдавай проявить и отпечатать.

– Прямо сейчас? Ночью?

– Да нет, завтра. Но с самого утра!

– Так и сделаем, но отдадим не здесь. Теперь понятно, охотятся именно за ней, поэтому надо проявлять ее в безопасном месте. И в надежной фотомастерской.

– В Чешине, – предложила мамуля. – Там Лилька знает всех, посоветует, куда отдать.

– Правильно, едем в Чешин! – не унималась Люцина. – И надежную мастерскую там найдем, и, может, даже Тересу. Говорю вам, она поехала возвращать украденную подстилку! Свебодзице ведь под боком. А Тереса, кем бы ей ни приходился тип на мотоцикле, использовала его как транспортное средство. Велела отвезти себя куда хотела. А теперь объявится у Лильки.

Голова у меня опять пошла кругом. У этой Люцины никогда не поймешь — говорит ли она серьезно или наоборот, а в идеях у нее никогда нет недостатка. Мамуля, поужинав, вспомнила, что ей положено волноваться, вот только никак не могла выбрать объект: младшая сестра с грозившими ей неведомыми опасностями или средняя с ее глупыми идеями. Отец в своих переживаниях твердо придерживался одного объекта — судьбы несчастного Тадеуша. В общем, опять в три голоса каждый талдычил о своем.

Я тоже твердо стояла на своем — сообщить обо всем в милицию. Она меня еще никогда не подводила.

Много времени понадобилось нам для того, чтобы прийти к какому-никакому компромиссу. Мне разрешили сообщить в милицию о факте исчезновения нашей родственницы, но при условии, что все подозрительные обстоятельства я утаю. Вернее, утаю все обстоятельства! Скажем — у нас пропала родственница. И все. Мы же попробуем связаться с Лилькой, возможно, Тереса уже там со своей подстилкой.

— Вы ведете себя как банда преступников, — сказала я. — Утаить от милиции всю информацию! Тогда скорей на мне кактусы вырастут, чем они найдут Тересу!

Связаться с Лилькой не удалось. После восьми вечера Чешин вообще не давали, а днем ее вряд ли застанешь дома. Я хотела послать телеграмму, но никак не удавалось прийти к единому мнению по ее содержанию. Ничего иного не оста-

валось, как ехать туда. Я перестала сопротивляться, и ранним утром мы отправились в путь.

В милицию мы решили обратиться в городе Клодско — самом крупном по нашей трассе. В комендатуре меня принял сам заместитель коменданта и внимательно выслушал. Записал анкетные данные пропавшей, дату выезда из Варшавы, дату, точное время и обстоятельства, при которых пропавшую видели последний раз, и глазом не повел, услышав, что вышеупомянутая пропавшая была одета в льняное покрывало (это мне показалось приличней подстилки), но, услышав о молодом типе, бросил на меня быстрый взгляд.

— А у этой пропавшей не было, случайно, таких... гм... романтических наклонностей?

— Не было, — твердо ответила я.

— А деньги были?

— Немного. Несколько долларов и триста злотых.

— Драгоценности?

Я подробно описала нашумевшее кольцо. Заместитель коменданта еще порасспрашивал меня о настроении Тересы, о ее семейном положении, о ее родственниках здесь, в Польше, о планах на будущее, поинтересовался, не было ли тут каких семейных конфликтов. Судя по выражению лица, что-то ему пришлось не по вкусу, в чем-то он вроде бы сомневался, но тем не менее обещал начать розыск.

В машину я села не в наилучшем настроении, сказала своим, что о них всех думаю, и мы отправились в путь. Между Нисой и Прудником я обогнала рейсовый автобус. В самом этом факте не было ничего необычного, мне не раз приходи-

лось обгонять всевозможные автобусы, но этот повел себя как-то странно. Поначалу притормозил и посигналил, а потом пустился во всю прыть следом за мной. Я подумала — не иначе, проявляется синдром, неоднократно описанный в нашей печати: водитель-мужчина терпеть не может, чтобы его обгоняла водитель-баба. Плевать мне на их синдромы! Пожав плечами, я нажала на газ и легко сбежала от него. Дорога шла немного в гору, что для автобуса имеет значение, а для моего "фольксвагена" без разницы. Но потом надо было съезжать с горки, пришлось притормозить, ибо шел встречный транспорт, а передо мной тащилась повозка. Автобус, сигналя изо всех сил и сверкая огнями фар, стал меня нагонять. С ума сошел, не иначе! И я опять умчалась от него.

Обстановка складывалась нервная. Одним глазом я смотрела вперед, другим — в зеркальце заднего обзора. Автобус сверху несся за мной на всех парах с таким громом и грохотом, что гул пошел по всей округе, сигналил не переставая и мигал фарами средь бела дня! Я впала в панику. Раз мне попался такой честолюбивый шофер, черт с ним, пусть обгоняет. Сейчас я уже мечтала только об одном — пропустить его вперед, но как это сделать? Наверняка у него тормозной путь длинней, чем у меня. Я мчалась вперед, выжимая из несчастного "фольксвагена" все силы и мечтая лишь об автобусной остановке.

Горка кончилась, шоссе пошло по горизонтальной плоскости, но зато впереди показался поворот и деревня. Не люблю я брать крутые повороты в населенных пунктах на скорости сто тридцать километров в час, не нравится мне это, и я

хочешь не хочешь стала осторожно нажимать на тормоз и включать стоп-сигнал, ожидая каждую секунду, что эта разогнавшаяся махина наподдаст мне под зад.

Но вот разъяренное чудовище оказалось прямо за мной, и тогда наконец в зеркальце я заметила, что шофер делает мне какие-то знаки. Вроде кулаком грозит. А рядом с ним какие-то люди еще и руками махали. Я испугалась — а вдруг сзади у меня какой-то непорядок? Ну, не знаю — труп из багажника высунулся, снаряд на веревке тащится, да мало ли что? И я приняла отчаянное решение — остановиться!

Решение я осуществила уже проехав деревню, потому что мне все время дорога казалась недостаточно широкой, монстр мог не поместиться. Вот тут может проскочить свободно, и я наконец, съехав на обочину, остановилась. Автобус остановился за мной. Я не успела помчаться дальше — из автобуса высыпали люди и окружили мою машину. Шофер был в первых рядах. Потому, наверное, что сам открывал дверь во вверенном ему транспорте.

— Ну пани и гонит! — недовольно сказал он. — Я сигналю и сигналю, а вы ни в одном глазу, прямо рейд Монте-Карло! А тут одна пассажирка обязательно хотела догнать вас.

— Тереса! — воскликнула мамуля, совершенно не подозревая, какой опасности только что избежала.

Через толпу к нам пробилась незнакомая молодая женщина, очень взволнованная и такая красивая, что без труда могла склонить даже сто шоферов к чему угодно.

— Это я, я, попросила пана шофера догнать вас! Я видела ту пани, которая пропала. Она уже нашлась?

После бешеной гонки я еще не могла говорить и только отрицательно покачала головой, стараясь унять колотившееся сердце. Водитель уступил место молодой особе, которая сунула голову в окошко моей автомашины, собираясь рассказать, что именно она видела. Выйти из машины мы не могли, так тесно обступили ее пассажиры автобуса и напирали изо всех сил, ведь каждому хотелось услышать рассказ очаровательной девушки. Та не заставила себя просить и взволнованно заторопилась выложить свою информацию:

— Я ее видела, проше пани, совсем недавно! Когда вы искали ее на горе, я была в той группе туристов, запомнила ваш рассказ и машину вашу запомнила, все запомнила! И адрес записала, потом хотела написать вам в Поляницу по тому адресу, который вы нам всем оставили, а тут увидела, как вы едете по шоссе, и пан шофер согласился вас догнать.

И она бросила на шофера благодарный взгляд, от которого тот расплылся в глупо-счастливой улыбке. А девушка продолжала:

— Она невысокая, не толстая и не худая, такая средняя, правда? Черноволосая и коротко остриженная, правда? В черных брюках, красной блузке, красных туфлях. И то самое кольцо. Сходится?

— Сходится, — подтвердила я. — Еще у нее должна быть сумка, черная с красной отделкой.

— Сумки я не видела.

— А подстилка? — встряла Люцина.

— Как вы сказали? — удивилась девушка.

— Люцина, оставь подстилку в покое, умоляю тебя! А то опять все запутаешь. Наверное, было жарко... Так где же вы ее видели и когда?

— Сегодня утром! В кемпинге на Отмуховском озере. Я ночевала там, а эта пани выходила из одного домика как раз в тот момент, как я бежала на автобус. Я чуть на нее не наскочила. Извинилась и дальше побежала, а когда чуть не наскочила, та пани рукой закрылась, и я увидела кольцо, но бежала на автобус, и только потом сообразила — ведь это та самая пани! Я даже остановилась и обернулась, она все еще там стояла, но я не могла вернуться, опоздала бы на автобус! Они редко ходят, а мне в Нисе надо пересадку делать... Знаете, я читаю много детективов, я люблю детективы, и поэтому как-то так сразу возникли ассоциации — ведь это же та пани, которую ищут! Какое счастье, что мы увидели вашу машину!

— Это Тереса, без всяких сомнений! — решила Люцина. — Трудно предположить, что тут поблизости обретается еще одна баба, так похожая на Тересу, одетая точь-в-точь как она, да еще с таким же кольцом на пальце! Точно, Тереса!

Я не могла не согласиться с ней. И все-таки... Что Тересе понадобилось в кемпинге у озера? И в каком именно? Ведь на озере прорва кемпингов.

По моей просьбе девушка по возможности подробно описала дорогу, которая ведет от того кемпинга к автобусной остановке. Если поехать по ней в обратном направлении, появляется реальный шанс попасть на нужный кемпинг.

Шофер присел на травку, отдыхая на обочине. По его словам, он порядочно выбился из гра-

фика, и теперь надо малость переждать, чтобы снова войти в него. Пассажиры наперебой давали нам советы и старались вселить надежду на благополучный исход поисков. Мы поблагодарили всех этих добрых людей, я развернула машину и поехала обратно, в направлении к Нисе.

Кемпинги, густо облепившие Отмуховское озеро, мы прочесали тщательно, ни одного не пропуская. И ни в одной дирекции, ни в одном бюро обслуживания не обнаружили никаких следов Тересы. Уже поздним вечером, усталые и расстроенные, мы решили в одном из них остаться на ночь. Крайний домик на площадке оказался случайно свободным, и мы смогли снять его на ночь. Домик располагался у самой воды, по другую сторону озера, и очень далеко от автостоянки, но другого не было, пришлось брать, что дают.

Вытряхивая песок из туфель у крыльца, Люцина ворчала:

— Не понимаю все-таки, что этой Тересе в башку втемяшилось, зачем черти понесли ее в какой-то кемпинг. Да и была ли она там — тоже вопрос. А это здесь зачем? Еще покалечимся.

И она отодвинула в сторону доску, неизвестно зачем положенную на песок у крыльца. Может, на случай дождя?

— Наверняка была, — ответила я. — Я тут внимательно разглядывала всех встреченных на кемпинге, нет ли похожей бабы. Ни одной! А согласись, у нас была возможность ознакомиться чуть ли не со всеми обитателями кемпингов, слухом земля полнится, такая сенсация! Можно ска-

зать, все как один добровольно явились на очную ставку.

– Точно! Пялились на нас, как на мартышек в зоопарке...

– А тебе жалко? Мы ведь тоже пялились.

– Хватит болтать! Идите ужинать! – позвала нас мамуля. С меня на сегодняшний день розысков достаточно, я мечтаю лечь наконец в постель. И согреться. От воды холодом тянет.

За ужином я продолжила начатый разговор:

– Не знаю, обратили ли вы внимание, что на все озеро было всего две брюнетки. Обе моложе меня и обе с длинными волосами. А у нашей Тересы нетипичная прическа, сразу бросается в глаза. Есть у меня идея, но я подумаю над ней завтра, спать жутко хочется.

Мамуля высказала свое недовольство:

– Несуразно как-то получается. Если Тересу похитили, то она должна где-то сидеть взаперти, связанная по рукам и ногам. А тут получается, что она ходит себе на свободе. Может, все-таки не она?

– Или сбежала? – предположила Люцина.

Над идеей я и в самом деле стала думать с утра, только гораздо раньше, чем предполагала. Глубокой ночью меня разбудил чей-то крик. Крик ужасный, от таких кровь стынет в жилах. Спали мы с раскрытыми окнами, так что прозвучал он очень громко. Я вскочила, не соображая ничего со сна. До меня дошло, что кто-то, несомненно женского пола, изо всех сил орет жутким голосом и только букву "а".

"Ааааа!!"

Уже начинало светать, но ночь еще не кончилась.

Жуткой "Ааааа!" в момент поставило на ноги весь кемпинг. Да и не только наш. Отмуховское озеро немаленькое, а по воде звук беспрепятственно несется в пленер до самого горизонта. Из домиков выскакивали заспанные неодетые люди. Замелькали огни фонариков, поднялся шум.

Крик, поначалу доносившийся издалека, сменился шумом, который явно приближался к нам. Мамуля с Люциной выскочили на крыльцо, я за ними. В предрассветной мгле было видно, как кто-то выбежал из-за домиков и мчался в нашем направлении, за ним следовала погоня. Мелькнула мысль — с размаху налетят на наше хлипкое строение, оно завалится и придавит отца. Отец, может быть единственный человек на всю округу, ничего не слышал и спал беззаботным сном.

Мамуля неизвестно зачем спустилась с крыльца на песок, в этот момент на нее наскочил убегавший человек и со стоном свалился у наших ног. Погоня приближалась с шумом и гамом. Мамуля стояла неподвижно несокрушимой каменной стеной. Убегавший с проклятиями вскочил и кинулся куда-то в темноту, но тут набежала погоня и, как я и боялась, врезалась со всего маху в наш домик, аж земля загудела. Домик выдержал, но отец проснулся. На крыльцо он выскочил с фонариком в тот момент, как кто-то из погони набросился на мамулю и заорал, сжимая ее в объятиях:

— Есть! Поймал! Тут он!

— Пусти меня, негодяй! — возмущенно крикнула мамуля, вырываясь у него из рук.

ГДЕ МОЯ ЖЕНА?

Я ТЕБЕ СЕЙЧАС ПОКАЖУ, СТАРЫЙ ХРЫЧ!

Отец, ни секунды не медля, поспешил на помощь супруге и для начала крепко заехал фонариком ей в ухо. Похоже, это так взбодрило мамулю, что она без труда стряхнула с себя обоих нападающих, незнакомого усмирила сильным ударом локтя в желудок, а супруга – под ложечку, в раздражении обозвав его старым хрычом.

От озера донесся звук лодочного мотора. Погоня на разные голоса кричала, что преступник сбежал на моторке. Отец сцепился с напавшим на мамулю человеком, и они, сопя и пыхтя, копошились в песке у крыльца. Возвращающаяся погоня осветила их фонариком, и выяснилось – на мамулю напал упитанный пан старше среднего возраста. Поняв ошибку, он извинился, но чувствовал себя обиженным. Отец явно не расслышал его извинений и возмущенно восклицал:

– Вы напали на мою жену! На мою жену!!!

– Так я же извинился! – в раздражении кричал незнакомый мужчина. – В темноте каждый может ошибиться! Он ведь сюда помчался, прямо к вашему дому! А эта пани меня оскорбила! Ни с того ни с сего "хрыч", да еще и старый!

– Старым хрычом я обозвала собственного супруга, – холодно, с достоинством заявила мамуля и покинула поле боя.

Мы с Люциной сидели на ступеньках крыльца, держась от хохота за животы. Мамуля перелезла через нас и с высоты крыльца сказала обиженно:

– Прекратите дурацкий смех! Лучше скажите Янеку, чтобы кончал представление.

– Скажи сама.

— Я с ним не разговариваю. Обиделась, он меня чуть не убил!

С трудом уговорили мы отца отказаться от страшной мести упитанному пану. Теперь можно было и порасспросить о причинах происшествия. Кончив наконец смеяться, я накинула на себя халат, сунула ноги в тапки и, прихватив фонарик, отправилась разузнавать.

В кемпинге никто не спал, везде виднелись группки людей, живо обсуждавших событие. В центре, на площадке собралась небольшая толпа. Я пробилась сквозь толпу — пригодился навык, выработанный в молодые годы в городском транспорте, — и зажмурилась, боясь увидеть окровавленный труп. Трупа никакого не было, вместо него в дверях маленького домика сидела на стуле какая-то женщина в цветастой пижаме, жадно пила воду, подаваемую ей сразу со всех сторон и рассказывала. Голос ее прерывался от рыданий:

— Рванулся на меня! Накинулся! Трещал, хрустел, шаркал и шелестел, а потом неожиданно накинулся!

В толпе послышались крики ужаса и сочувственные возгласы. Так и изнасиловать недолго! До бедной женщины наконец эти возгласы дошли, и она, всхлипывая и поглощая в неимоверных количествах воду, запротестовала:

— Нет, ничего подобного! Он не хотел изнасиловать! Он хотел что-то украсть! А у меня слабые нервы и больное сердце!

— Так чего же он тогда на вас накинулся, если не хотел... того? — недоверчиво поинтересовалась одна из дам, подающих воду жертве нападения.

— Так он споткнулся! Угодил в таз, я белье замочила для стирки.

— Ничего удивительного, что пани плачет, — философски заметил за мной мужской голос. — Ожидала одно, а кончилось все стиркой...

Пострадавшая, хоть и рыдала, но отреагировала немедленно:

— Грубиян! Смеяться над женщиной! Муж должен приехать сегодня, а вчера его не было. Тот и воспользовался. Хотел обокрасть. Я две ночи одна!

Последняя фраза была выкрикнута с каким-то особенным выражением. Вместо трагизма в ней звучало... трудно сказать, что звучало. Казалось, женщина специально хотела, чтобы все слышали: именно две ночи она провела в домике одна. Я пригляделась и в одной из подающих воду женщин узнала комендантшу кемпинга. Вчерашняя вечерняя идея, довольно расплывчатая, приобрела более четкие очертания.

— А вы держите в домике ценности? — допытывалась комендантша. — Деньги и ценности надо сдавать на хранение в наш сейф. Ведь мы же всех предупреждаем!

— Ах, нет! То есть да. То есть нет, но он мог думать, что...

Я уже знала, что именно он мог думать, и, очень довольная полученной информацией, вернулась в наш домик. А там царило большое оживление. Поскольку мамуля с отцом не разговаривала, громким голосом, так, чтобы он расслышал, она ругмя ругала всех, от кого ей сегодня досталось. Все они хороши! И тот, что убегал, тоже. Нашел,

где падать, именно у нашего крыльца, всю дорогу бежал, а тут вдруг упал!

— А зачем же ты ему подставила ножку, если не хотела, чтобы он тут падал? — как всегда, подлила масла в огонь Люцина.

— Я подставила ножку? Я?! — возмутилась мамуля. — Делать мне нечего, только подставлять ножки каким-то хулиганам!

— А зачем же ты отошла от крыльца и стала столбом?

— Отошла, чтобы встать на доску, не стоять же на мокром песке!

Люцина, хихикая, пояснила:

— Сошла, встала на доску, а ее другой конец приподнялся. Вот он за него и зацепился. И свалился. И даже застонал, может, что поранил. А ты говоришь — не подставляла.

— Ноги не подставляла, — стояла на своем мамуля.

— И очень плохо сделала, — вмешалась я. — Надо было не только подставить ногу, но и броситься на него, чтобы не сбежал. А так что? Сбежал голубчик.

— Нет, вы только послушайте! — возмутилась мамуля. — Стану я бросаться на всякого бандита. Разбежалась, как же! У нас в доме есть свой бандит, вот он пускай на того и бросается!

И она кинула выразительный взгляд на отца. Тот был не согласен с ее мнением, но своего громко не выражал. Мамуля демонстративно прикладывала к уху намоченный в холодной воде носовой платок.

Только до Люцины дошел смысл сказанного мною.

— Как ты сказала? Зачем надо было на него бросаться? И вообще, что же произошло?

— Лучше всего было бы наброситься на него всем вместе и задержать негодяя, — пояснила я. — Это был тот самый, который украл Тересу. Или его сообщник. Я знаю, где Тереса провела последнюю ночь и почему нам об этом не пожелали сказать. Преступник тоже знал и заявился в надежде ее еще застать. Утром я выясню все досконально, сейчас тут слишком много народу столпилось.

Естественно, такая информация моих не удовлетворила, пришлось разъяснить. Мамуля все равно не позволила бы нам снова лечь спать, она считала, что утро уже наступило.

— У Тересы не было возможности поселиться нормально в гостинице, ведь с собой у нее было только триста злотых. И иностранный паспорт. Знаете, сколько дерут с иностранцев?

— Доллары у нее тоже были.

— Всего несколько. Вот она и переночевала тут в домике у женщины, муж которой пока не приехал. Должен был приехать вчера, поэтому оставаться на вторую ночь Тереса не могла. Это как раз та женщина, что ночью орала. Муж почему-то не приехал, зато пришел преступник. Разыскивать Тересу. Утром я порасспрошу эту женщину, узнаю поподробней, как было дело.

— А почему же она нам ничего не сказала? — удивилась мамуля. — Ведь мы всех расспрашивали о Тересе.

— Расспрашивали в основном администрацию кемпингов и вообще публично, а эта женщина не хотела, чтобы узнали, что она пустила кого-то пе-

реночевать. За деньги! Утром я с ней поговорю, один на один. А если я ошибаюсь, узнаю у комендантов кемпингов, в каких домиках, рассчитанных на два человека, проживает по одной женщине, и переговорю с ними. Не думаю, что их будет очень уж много. Но кажется мне, что именно у этой бабы ночевала наша Тереса.

— А ты можешь сказать, что вообще происходит с нашей Тересой? Почему она шляется по кемпингам, а не возвращается домой?

Вместо меня ответила Люцина:

— Похоже, Тереса сбежала от своих похитителей. А в том, что ее похитили, я не сомневаюсь. И вот теперь они разыскивают ее. Как и мы. И опаздывают на один день. Как и мы.

Я была согласна с Люциной: Тересу похитили, она сбежала от своих похитителей, но последующие ее действия совершенно непонятны. Зачем она приехала на Отмуховское озеро, вместо того чтобы вернуться в Поляницу? И кому, зачем понадобилось ее похищать?

— И все-таки, — сказала я, — у бандитов разведка поставлена лучше, чем у нас. Они знают, где ее искать! Может, бедная Тереса мечется, пытаясь укрыться от них, и тщетно ищет нас. Ох, напрасно уехали мы из Поляницы, задурили вы мне голову покрывалом! Напрасно я вас послушалась. А теперь не уверена, что удастся ее отыскать.

Мамуля почувствовала прилив сил, вскочила со стула и воскликнула, отбросив мокрый платок:

— Едем в Поляницу! Тереса там. Едем немедленно!

— Сейчас, ночью, я никуда не поеду!

— И все-таки напрасно ты сообщила в милицию, — упрекнула меня Люцина. — Какая-то подозрительная афера, сама видишь. Не дай Бог, милиция докопается...

Мамуля рассердилась:

— Какая такая подозрительная афера, до чего докопается милиция? Думай, что говоришь — Тереса и подозрительная афера!

— Но ты же сама видишь, все очень непонятно и подозрительно. Я не говорю, что Тереса — шеф банды, может, она нечаянно запуталась...

— Тем более необходимо ее отыскать! Едем в Поляницу! И вообще, напрасно мы уехали оттуда, надо было сидеть у каменной лестницы и ждать ее, а не мотаться по всему свету. Она вернулась туда и ждет нас!

— Не ждет, а спит себе. Если Тереса добралась до Поляницы, значит, она в безопасности, а сейчас спокойно спит. В отличие от нас. Завтра мы ее там найдем. То есть сегодня.

— Хорошо, но едем с самого утра!

— Сначала разузнаю подробности того, что случилось здесь, — напомнила я. — На всякий случай надо знать, мало ли что... И даже когда мы Тересу найдем, я вовсе не уверена, что тем самым будет положен конец подозрительной афере...

Я оказалась права. Правда, поначалу не все шло гладко. Дама все начисто отрицала, на мои расспросы не отвечала, только всхлипывала да хваталась за сердце, но в конце концов удалось ее убедить. А если говорить правду, помог небольшой шантаж. “Тот факт, что кто-то переночевал в

вашем домике, уже известен, — заявила я, — так что как хотите. Или докажите, что это была Тереса, или у вашего мужа возникнут подозрения относительно пола этого человека...”

Нервы у дамы не выдержали, и она призналась.

Тереса остановила даму, когда та шла от административного корпуса к своему домику. Видимо, она слышала разговор дамы с комендантшей, знала, что муж дамы прибудет только на следующий день. Уже стемнело. Тереса поступила умно: для разговора с дамой выбрала хорошо освещенное место, а не темную аллею, так что дама не испугалась и спокойно выслушала то, что ей говорила эта незнакомая женщина. Незнакомая женщина, по ее словам, оказалась в глупейшем положении. Оказывается, ее обокрали, доехать до дому денег хватит, а вот заплатить за ночлег — нет. Наверное, Тереса говорила убедительно, по словам дамы, была очень взволнована, тут бедняге притворяться не пришлось, и дама поверила. Она согласилась пустить Тересу на ночь в свой домик, но так, чтобы никто не видел, ведь это запрещалось правилами внутреннего распорядка кемпинга. С Тересой дама даже подружилась, пыталась ее успокоить, приписывая ее волнение краже и связанным с этим неприятностям. И еще у дамы создалось впечатление, что Тереса оказалась в какой-то плохой компании, от которой сбежала, а те пытаются ее найти. Для того, наверное, чтобы отобрать последнее. Тот вор, что заявился ночью, наверняка хотел вытрясти из Тересы последние доллары, думал, она их в домике спрятала. Тереса, значит, спокойно провела ночь в ее домике, по-

кинула его не с самого утра, а немного позже, потому что ей надо было кое-что из своих вещей простирнуть и потом ждать, пока высохнет. Да, сумка у нее была, черная такая с красным узором, была и зубная щетка, и такая тряпка льняная, а может, полотенце. Тереса говорила, что отправляется в Поляницу.

— Итак, теперь украденная тряпка выполняла функции полотенца, — закончила я отчет о своих переговорах с дамой. Мои слушали, боясь перевести дыхание. — А сейчас быстренько в Поляницу, нельзя терять ни минуты, план разработаем по дороге, а об остальном подумаем тогда, когда найдем Тересу. Главное — она жива и здорова.

— Не мешало бы узнать, что она сделала с той лодкой, — заметил отец, как всегда, неожиданно, невпопад и очень умно.

Я уже собралась повернуть ключ в замке зажигания, но замерла, услышав слова отца. Мать и Люцина тоже молча смотрели на него, не зная, как отреагировать. Отец счел нужным в создавшейся ситуации прояснить свою мысль:

— Я же слышал, все говорили — Тереса сбежала на моторке. По озеру. И я не понимаю, зачем ездить и искать ее, если она от нас убегает. Может, наше общество ее не устраивает?

Нет, переварить столь глубокую мысль было не просто. Тем более, что рациональное зерно в ней было очень хорошо скрыто в шелухе невероятных вымыслов. Обе сестрицы уцепились за шелуху и остервенело набросились на отца, я же попыталась выудить рациональное зерно.

— Папа! На моторке сбежала не Тереса, а бандит! — перекрикивая баб, заорала я. — Но ты

прав, надо обязательно разузнать о моторке что только можно.

— А я что говорил! — обрадовался поддержке отец. — Нельзя так с бухты-барахты бросить все и опять мчаться неизвестно куда, как на пожар. Хотите, я обойду все озеро. У меня есть компас. А в озере наверняка водится рыбка...

— И ты ее станешь ловить на компас? — ехидно поинтересовалась супруга.

Отец серьезно ответил:

— Зачем на компас? На червя. Я уже накопал.

У Люцины была другая придирка:

— Интересно, зачем компас, когда есть озеро. Воды не видишь, что ли?

Мамуля была за немедленное возвращение:

— Не понимаю, зачем нам здесь оставаться. Что нам за дело до лодки какого-то бандита? А в Полянице нас ждет Тереса.

— И пусть ждет, ничего плохого с ней не случится. Полдня прождет спокойно, директорская домработница накормит ее, она отдохнет немного, а здесь мы за это время можем получить важную информацию. Хорошая идея, обязательно надо разузнать, — высказалась Люцина.

— Конечно, — подхватила я. — Чем больше будем знать, тем лучше. Ведь пока о подозрительной афере нам совершенно ничего не известно, а вдруг здешняя информация прольет на нее хоть какой-то свет? Для начала попытаемся выяснить, у кого здесь есть моторки и где их держат. Поедем вокруг озера и станем спрашивать. Где нельзя будет подъехать, пройдемся пешком. Нет, отсюда я не уеду, не попытавшись разузнать все, что можно.

На трех лодочных станциях нам торжественно заявили, что ночью на озере не могло быть никакой ихней моторки. И вообще моторки тут всего две. Одна в ремонте, а вторая заперта на висячий замок, ключ от которого упал в озеро, и сейчас на правлении будет рассматриваться вопрос о том, чтобы замок спилить. Спасатели своей моторки никому ни за какие сокровища не одолжат, а этой ночью... Так и быть, скажем! Этой ночью... Эту ночь под моторкой спасателей провела здешняя буфетчица, к ней как раз пришел на побывку жених. Увольнительную на одну ночь дали. Да, крики они слышали, как же! Сидели на лодке и издали пытались понять, что там в кемпинге происходит. Ага, тут у кого-то из местных жителей есть своя моторная лодка. Там они живут, вон там, где река из озера вытекает. Иногда приезжие туристы заявляются со своими моторками, но в данный момент здесь таких нет. Звук мотора ночью они тоже слышали, а как же!

Вот и получается — моторку все слышали, но никто ее не видел. И не знает, откуда она взялась.

Расспросы я вела осторожно, деликатно, старалась беседовать с людьми один на один, чтобы получить по возможности достоверную информацию, и, надеюсь, мне говорили правду. Итак, мы направились к тому месту на озере, где из него вытекает река. По луговой дороге, а потом и вовсе без дороги мне удалось проехать почти до конца залива. Дальше машина не пройдет. Отец вылез и, верный своему обещанию, охотно отправился на разведку пешком. Ни одна из нас не обратила внимания на тот факт, что он прихватил с собой удочку.

Прошло часа полтора. Мы с Люциной вдоволь нагулялись по лугу и вернулись к машине, где в тени дерева восседала мамуля в кресле, сделанном из надувного матраса.

— Не иначе, мы все втроем спятили, — махнув рукой, сказала Люцина. — Это же надо было додуматься — посылать Янека! Теперь его можно ждать до скончания века.

Мамуля, которая до сих пор спокойно наслаждалась солнцем, воздухом, прекрасной панорамой и вязала свой свитер, естественно, вскинулась, как боевой конь при звуках трубы.

— И в самом деле! Он же наверняка ловит рыбу! Надо немедленно идти его искать.

Я упрекнула тетку:

— Люцина, опять мутишь воду! Как мы узнаем, где он ловит?

— В озере! — ответила Люцина. — Или в реке. Речка должна быть тут близко. Да чего ты волнуешься, всего-то километров восемь будет, не больше! Так я пошла. Поищу Янека и заодно порасспрашиваю про моторную лодку.

И она удалилась в том же направлении, в котором исчез отец. Мамуля вроде немного успокоилась и вернулась к своему свитеру. А я принялась волноваться.

Прошло еще два часа. Нет, не могу больше!

— Сиди тут и не смей отходить от машины! — сказала я мамуле, которая тоже потеряла спокойствие. — Потонули они оба, что ли! Пойду их искать.

Беспокойство охватывало меня все сильнее. Тереса давно могла вернуться в Поляницу и, не дождавшись нас, двинуться в неизвестном на-

правлении на розыски. А вдруг бандиты, которые так упорно преследовали ее, обнаружили Тересу в Полянице? От них всего можно ждать...

Я шла по берегу залива, километр за километром, а ни Люцины, ни отца не видать. Местность, дотоле сухая, становилась все более болотистой, тростник, густой и высокий, ограничивал видимость. Я прибавила шагу, меня подгоняла тревога. Эти-то куда подевались?!

Люцину я сначала услышала, а уже потом увидела. Она стояла в зарослях тростника на небольшой кочке, отделенной от меня нешироким ручейком.

— Оглохла ты, что ли! — недовольно приветствовала меня тетка. — Кричу и кричу, а ты не слышишь! Помоги мне выбраться отсюда!

— А как ты туда залезла?

— Было что-то вроде мостков, да проломилось подо мной.

В ручейке текла не вода, а скорее жидкая грязь. От мостков осталось две доски. Вспомнив времена, когда мне приходилось по балкам не шире десяти сантиметров проходить над жидким бетоном, я без особого труда перебралась к Люцине.

— Доски скользкие и прогибаются, не знаю, выдержат ли тебя. Какого черта ты вообще сюда полезла? Понятия не имею, как тебя отсюда вызволить. По доскам тебе не пройти, разве что на четвереньках.

— А самое плохое — отца твоего я так и не нашла, — пожаловалась Люцина. — Нигде не было, я довольно далеко прошла, и, возвращаясь, решила заглянуть сюда, может, на этих кочках

пристроился. Не могла же я знать, что мостки проломятся! Давай попробуем.

Первая попытка провести Люцину обратно закончилась тем, что я едва не свалилась сама в жидкую грязь. Вторая была не лучше. Надо как-то по-другому взяться за дело.

— Давай пройдем твою кочку до конца, может, есть какой другой мостик.

— С той стороны вода, — ответила Люцина, махнув рукой на восток. — А с другой стороны я не проверяла. Как раз собиралась, да увидела тебя.

С той тоже была вода. Похоже, мы оказались на болотистом, заросшем тростником берегу речки, отделенном от материка паршивым ручейком, который-то и ручейком нельзя назвать, так, грязная лужа. Пройти через эту лужу можно было по тем жалким мосткам, которые проломились под Люциной. А хуже всего было то, что, выйдя на противоположную сторону кочки, мы увидели отца.

Отец стоял на другой кочке, поменьше. Держась одной рукой за рахитичное деревцо, он другой отчаянно размахивал, сжимая в ней свои ботинки, и кричал слабым голосом:

— Эй! Алло! Эй! Вы слышите меня? Перебросьте какую-нибудь доску, я не могу пройти! Тут грязно!

Мы с Люциной оторопели и не сразу откликнулись на призывы. Вид у отца был жалкий: закатанные до колен брюки, грязные босые ноги, дрожащие руки, пиджак накинут на плечи. От его движений ходуном ходили не только рахитичное деревцо, но и вся кочка. Как-то подозрительно она хлюпала под ним, прогибалась...

— Все правильно, — обретя способность говорить, констатировала Люцина. — Мы здесь, отец там. А твоя мать сидит на лугу и не может отойти от машины, ведь ключи ты наверняка прихватила с собой. Запереть ее не сможет, а незапертую ни в жизнь не покинет.

— И тем не менее, согласись, она в самом лучшем положении, — отозвалась я. — У нее есть еда, питье, матрас и свобода передвижения. Теперь, наверное, придется ждать, что Тереса нас найдет и вызволит.

Поскольку отец все махал и звал на помощь, громогласным криком в два голоса мы известили его, что слышим и спасем, а вообще, что он там делает? Отец пояснил — искал место, откуда можно забросить удочку в чистую воду, но его какая-то пакость укусила за подмышку, когда он забрасывал, поэтому немного промахнулся, и крючок зацепился за что-то вот у этого деревца. Очень хороший крючок, не мог он его оставить, перешел на кочку по какой-то колоде, которая сразу утонула, так что вернуться обратно он никак не может.

Проклятие какое, что ли, тяготеет над нами?

— Не знаю, что и придумать, — сказала Люцина. — Идиотское положение! Ты видишь выход?

Выход я видела, но жутко трудоемкий. Вздохнув, я ответила:

— Придется как следует потрудиться. Пошли, понадобится твоя помощь.

Сколько сил потребовалось для отдирания одной из Люцининых досок, чтобы переправить по ней отца — я описать просто не в силах. С доской мы помчались к отцу. Тот терпеливо ждал

у рахитичного деревца. Я сняла туфли и вынуждена была войти в воду, предупредив Люцину, что произойдет, если меня укусит хоть одна пиявка. Слава Богу, такое испытание нам не было суждено. Отец переправился без особого труда, правда, чуть не утопил и эту доску. Тогда мы до конца дней своих не вернулись бы на материк.

Общими услиями уложили мы спасительную доску на прежнее место и теперь вдвоем с отцом, с превеликим трудом, переправили Люцину. При этом в грязный ручей свалился пиджак отца, который у него был наброшен на плечи. С помощью палок, тростника, удочки нам наконец удалось его выудить.

— Почему ты не надел пиджак нормально? — злилась я.

— Не мог, болела рука. Куда меня эта пакость укусила.

Сказать, что по завершении всех этих операций мы были грязными, как на редкость неряшливые свиньи — значит, ничего не сказать. Выяснилось — отца укусила оса, он сразу стал распухать. Мамуля оказалась на высоте, и по сравнению с тем скандалом, который она закатила нам на лугу, уже не столь страшной представлялась перспектива утонуть в болоте. Естественно, в таком виде сесть в машину мы не могли, надо было хотя бы смыть с себя грязь. Да, правильно я подумала — торчать нам тут до конца века.

В результате до Поляницы мы добрались только к концу дня. Директорская домработница с радостью встретила нас, хотя и была несколько удивлена тем, что мы вернулись раньше, чем предполагали. Она сама только что вернулась, ее

не было целый день, и она, к сожалению, не знает, что здесь происходило. Вчера ее тоже не было. Дело в том, что пришла телеграмма от сестры, которая тяжело заболела, ей пришлось спешно выехать. Здоровье сестры улучшилось, и сегодня можно было вернуться в директорский домик. Домработница боялась надолго покидать его, хотя вместо себя и оставила "одну такую, деревенскую", правда, в дом ее не пустила, а попросила посторожить во дворе.

— Я не забыла о вашей просьбе, — очень довольная собой, сказала домработница, — и велела ей говорить всем, кто станет о вас спрашивать, что вы поехали в Чешин. И она всем говорила. Кажется, вас тут многие спрашивали.

— Моя сестра тоже? — обрадовалась мамуля.

— Не скажу, меня ведь не было. Может, и ваша сестра. Она говорит — много людей спрашивало. А вы почему вернулись?

— Нам ничего не просили передать?

— Не знаю, меня же не было, а она ничего не передала.

Мы немедленно потребовали встречи с "одной такой деревенской". Ею оказалась девица неопределенного возраста от четырнадцати до двадцати лет, не очень понятливая. Она охотно прибежала из деревни, чтобы дать нам полный отчет о полутора днях дежурства в директорских владениях. К миссии своей она отнеслась очень ответственно и все запомнила. Визит милиционера, который спрашивал нас, она описала с волнением и даже ужасом, явно удивленная, что известие мы восприняли без этих эмоций. Зато излишек их проявился при описании девицей ви-

зита бабы. Оказывается, баба приходила два раза, один вчера, а один сегодня. И очень злилась. Сначала злилась потому, что нас нет, а потом потому, что мы уехали в Щецин.

— Куда? — одновременно воскликнули мы с мамулей.

— А в Щецин, — безмятежно ответила девица и продолжала рассказ.

Выяснилось, что упомянутая баба выглядела очень странно. На голове не платок, как положено, а прямо-таки тряпка, да еще большие черные очки. В брюки одета и красные туфли...

В ответ на это послышался единодушный протяжный стон. Отец тоже стонал, так как рассказывала "одна такая" пронзительным визгливым голосом и отец все расслышал. Мы стали задавать вопросы, чтобы убедиться — это была Тереса. И убедились.

— И ты, дитя мое, сказала ей, что мы поехали... куда? — голосом хорошо воспитанной каракатицы спросила Люцина.

— Дак я же говорю — в Щецин!

— Ты сказала — в Щецин, а не в Чешин?

— Говорю же — в Щецин.

— А надо было говорить — в Чешин!

— Какая разница? — удивилась девица. Географию родного края она знала слабо, это факт. И подумать только, из-за нее мы не встретились с Тересой!

Трудно было пережить такой удар. Немало прошло времени, пока мы оказались в состоянии воспринимать дальнейшую информацию. А она была. Оказывается, два раза нас спрашивал какой-то молодой и два раза — старый. А еще раз

баба, большая и толстая, в крупные горохи. Сама в брюках, а блузка в крупные горохи. Какие? Ясно, зеленые! И еще был такой молодой, но не тот, что перед этим приходил два раза. И все очень переживали, что нас нет, а больше всех — баба с тряпкой вместо платка, та прямо из себя выходила.

— И тоже на разные лады бубнила — Щецин, Чешин, или как их там, — неодобрительно поведала девица, явно недовольная нашей дикцией.

— Одна надежда — Тереса догадалась, что речь идет не о Щецине, а о Чешине, — попыталась успокоить нас Люцина, когда, закончив нервотрепный разговор с девицей и смыв с себя остатки болотной грязи, мы сели за ужин.

— Что из того, в Чешине нас тоже нет, — отозвалась я печально. И поучающе добавила: — Вот, всегда так получается, когда с ходу меняем заранее разработанные планы.

Мамуля, менее всех пострадавшая за сегодняшний день и потому полная нерастраченных сил, поддерживала атмосферу скандала:

— Если бы мы вчера были тут, встретили бы Тересу! Так нет, захотелось им, видите ли, мотаться по окрестностям! В болото полезли, надо же такое придумать! А все из-за Янека, из-за его проклятой рыбы! Так мы с вами будем искать мою несчастную сестру до конца дней своих!

Огорченный отец робко оправдывался:

— Тебе же надо питаться рыбой, ты же на диете, вот я и хотел...

— ...вот ты и наловил рыбки! Нет, конечно, теперь едем в Чешин и все! Тереса наверняка там!

— А если поверила в Щецин и двинулась туда? — возразила Люцина.

— Так едем в Щецин!

Тут уже подключилась я:

— Как ты себе воображаешь искать ее в Щецине? Сядем на центральной площади и станем ждать, авось пройдет? Или на железнодорожном вокзале? Или в морском порту? Как найдешь человека в большом городе? Да нет, Тереса не такая дура, в Щецин она не отправилась.

— А может, все-таки немного дура? — поддразнивала по своему обыкновению Люцина.

Из того, что мы узнали здесь, стало совершенно ясно: Тереса так же отчаянно искала нас, как и мы ее. И вот опять скрылась, а что самое неприятное — совершенно неизвестно, в каком направлении. Мало того, ее разыскивают какие-то два хмыря — один старый, другой молодой. Домработницы не было дома, стало быть, невозможно выяснить, был ли старый тем подозрительным типом, которого она тогда так неосмотрительно пустила в дом. Расспрашивали мы девицу о машинах, да толку чуть. Она только и могла сказать — "много их тут тарахтело".

Подумав, мы решили — логичнее всего искать Тересу в Чешине. Наверняка она поняла, что Щецин всплыл по ошибке, и догадается отправиться за нами в Чешин. Вернее — перед нами. Короче, нам следует ехать вслед за ней в Чешин.

Поэтому на следующий день утром мы отправились по знакомой дороге в Чешин. По пути я решила заглянуть в комендатуру милиции в Клодско, узнать, нет ли каких новостей. Обе сестры выступили против дружным фронтом: теперь нет смысла, мы и так, дескать, все знаем. Я их не слушала, остановила машину перед зданием ко-

мендатуры милиции и разыскала знакомого заместителя коменданта. Тот как-то странно посмотрел на меня и поторопился заявить, что у него нет ни минуты свободного времени, а посему сплавил меня капралу, которому поручено наше дело. Капрал, наоборот, вовсе не глядел на меня, старательно избегая встретиться взглядом, но зато сообщил конкретную информацию.

— Разыскиваемая гражданка жива и здорова, — сухо сообщил он. — Занимается туризмом, и нет никакой необходимости ее разыскивать. Она совершеннолетняя, правонарушений не допускала, нет оснований для ее задержания. Нарушений умственной деятельности не замечено, с памятью все в порядке. Придет время — вернется сама, если захочет, а не захочет — не вернется.

Немного непонятной показалась мне эта информация, хотя и была изложена четко и содержала самые что ни на есть конкретные данные. С милицией я всегда была в самых хороших отношениях, всегда находила понимание и помощь, но в данном случае от меня явно хотели отделаться. Мне не сообщили местопребывания Тересы, капрал в ответ на мои настойчивые расспросы повторял одно и то же, а выражение его лица из каменного понемногу становилось раздраженным и сердитым. Мне бы в жизни не понять, что за всем этим кроется, что такое отмочила Тереса, если бы не случай, который часто приходит на помощь таким, как я, недотепам.

Перед тем как покинуть здание комендатуры, я решила воспользоваться наверняка имеющимися здесь удобствами. Здание капитальное, удобства должны быть приличные. Поэтому, рас-

ставшись с суровым капралом, я не сразу пошла вон, а попыталась, по возможности без расспросов, отыскать дамский туалет. Покидая его, я приоткрыла было дверь, но вдруг услышала разговор двух мужских голосов у самой двери и не стала выходить в коридор. Разговаривал мой капрал с кем-то из коллег.

— Ну и люди у нас! — в раздражении говорил капрал. — Если уж у кого заведется родственник в Америке — на клочки готовы его разорвать! Бедная женщина с трудом убежала от них, не выдержала. Так сразу шум на все воеводство — розыск! Наверняка хочет спокойно поездить по стране, посмотреть, что ей нравится, пожить, как ей хочется. А эти... На цепь готовы посадить и держать при себе, пока не оберут до нитки!

Коллега всецело разделял его возмущение и прибавил свои соображения:

— А может, они ее у других родичей отобрали и теперь стерегут, чтобы тем ничего не обломилось. Бывает — чуть не подерутся между собой из-за валютного родственника.

— И не говори, жадность такая, сами себя не помнят! Пусть поищут, поездят, ни за что не скажу им, где она.

— А ты знаешь?

— Знаю, ездит себе, раз туда, раз сюда. Нервничает женщина, ее можно понять. А в остальном с ней все в порядке, пусть отдохнет от этих пиявок, я им не помощник.

Понятно, я подождала, пока они не уйдут, потом покинула помещение. Пришлось немного задержаться, теперь жаловался коллега капрала. У него были свои проблемы: сбежал единственный

трезвый свидетель автопроисшествия, а без него обстоятельств дела не прояснить. Капрал высказал свое мнение о таких свидетелях, а кстати и вообще обо всех свидетелях как таковых. Мнение было отрицательное.

— Пиявицы алчные, — сказала я, садясь в машину. — Кровопийцы!

— Что ты говоришь! — удивилась мамуля. — Так они тебя там приняли, в этой твоей хваленой милиции?

— Нет, не они кровопийцы, а мы. Может, оставим наконец в покое несчастную женщину, которая не могла больше вынести нашего преследования и сбежала куда глаза глядят?

— Тебе плохо? — встревожилась Люцина. — Может, жар?

— Милиция убеждена — мы вцепились в валютную родственницу и разыскиваем лишь для того, чтобы продолжать доить несчастную. Они прекрасно знают, где она и что делает, но нам не скажут. Тереса совершеннолетняя и в здравом уме. С ней все в порядке, она жива и здорова и имеет полное право делать все, что ей заблагорассудится. И нечего держать ее на цепи!

Нелегко было пережить столь неожиданный оборот дела, но Люцина так просто не сдавалась.

— Неужели там не было никого, с кем ты могла бы нормально поговорить? — допытывалась она.

— Не было. Коменданта вообще нет, его заместитель при виде меня сразу же скрылся, а капрал получил четкие инструкции — изо всех сил ограждать несчастных от ненасытной алчности их польских родичей. Вот если бы я могла в подроб-

ностях рассказать им все, описать все подозрительные события... Но сама понимаю — это невозможно, ведь мы и сами не знаем, в чем дело, и действительно подключать сейчас компетентные органы было бы опрометчиво. Тут требуется согласие Тересы. В Варшаве я бы нашла среди компетентных таких знакомых, которым можно все рассказать, а тут нет, тут знакомых не имеется.

До глубины души возмущенная необоснованными подозрениями в жадности, Люцина принялась интенсивно размышлять, и мы еще не доехали до Пончкова, а у нее уже появилась идея. Подключить к делу одного человека. Люцина не очень близко была с ним знакома, но знала, что работает он то ли в МВД, то ли в контрразведке, то ли еще в чем-то в этом роде, занимает большую должность и располагает неограниченными возможностями. Его должен хорошо знать Збышек, Лилькин муж. В свое время этот, на должности, то ли играл в волейбол, то ли был судьей в волейбольных соревнованиях, в которых Збышек тоже участвовал. А может, оба играют и до сих пор, но Збышек, хоть и хорошо знаком с этим человеком, может и не знать, кем он является. А она, Люцина, знает, потому что пятнадцать лет назад тот, можно сказать, на ее глазах начинал свою головокружительную карьеру. Короче, надо с ним связаться и попросить помочь. Раз я говорю, что дело можно иметь только со знакомыми...

— Сначала надо убедиться, что они со Збышеком играли в одной команде, а не в соперничающих, — предостерегла я. — А то ведь такое знакомство может боком выйти!

— Значит, теперь наша главная задача — понравиться этому человеку, — сказала Люцина, развивая идею. — Надо добиться его расположения.

— А чем можно добиться? — подключилась мамуля.

У Люцины уже был готов план:

— Думаю — хорошим угощением. Насколько я помню, он всегда любил хорошо поесть, а после еды приходил в благодушное настроение.

— Так надо знать его вкусы!

— Насколько я помню, — продолжала Люцина, — он больше всего любил блюда из субпродуктов.

— Из чего?

— Господи, ну разную там печенку, языки, почки и все такое.

Разговоров о субпродуктах нам хватило до самого Чешина. Беседа, подслушанная мною в комендатуре милиции, ясно свидетельствовала о том, что Тереса находится на свободе, она жива и здорова, о ней можно пока не очень беспокоиться, и в то же время лишала всякой надежды на официальную помощь властей. Совершенно неопровержимым фактом являлось преследование Тересы членами какой-то преступной шайки, своими силами нам с ними не справиться. Значит, помощь властей необходима, хотя бы неофициальная. В данной ситуации компетентная помощь в лице любителя субпродуктов представлялась нам единственным выходом. Приобретение субпродуктов вызывало озабоченность, но я утешала своих — это еще ничего, а вот если бы он признавал только лангусты, омары и отбивные из вырезки...

Одновременно с нами к Лилькиному дому подъехала и сама Лилька, которая только что воз-

вратилась с работы. Мы вместе вошли в дом. Никаких признаков Тересы в доме не было обнаружено.

— Господи, неужто и в самом деле двинула в Щецин? — ужаснулась Люцина.

Лилька, единственная из нас, не переживала события последних дней, сохранила способность рассуждать здраво и решительно отвергла подобную возможность:

— Каждый дурак сообразит — речь шла о Чешине, а не о Щецине.

— Значит, из Поляницы она идет пешком, ведь у нее нет денег на дорогу, — высказала предположение мамуля.

— Ну ты скажешь! — не поверила я. — Уж зайцем могла бы поехать, на это особого ума не надо.

— На почтовую марку денег у нее хватило бы, — заметила Лилька. — Могла бы прислать открытку.

— Ладно, давайте решать, что нам теперь делать, — прервала бесполезную дискуссию Люцина. — Ну и задала нам жару моя сестра!

Я предложила действовать продуманно, не торопясь и начать с обеда. А потом, пожалуй, напишу письмо Мареку. Больше нельзя медлить. Если Тереса и в самом деле направилась в Щецин, лишь он сумеет своими каналами организовать ее поиски там, тактично и без ненужных расспросов. А если даже ее и привлекут за бродяжничество, ничего с ней не станется...

После обеда мы развили продуманную деятельность. Я села писать письмо, Люцина отправилась на переговоры со Збышеком, который проводил тренировку в одном из спортклубов, а

отец вырвался из-под опеки жены и отправился поудить рыбку. Мамуля напомнила о необходимости проявить пленку тети Яди.

Написав письмо, я с мамулей и Лилькой села в машину, чтобы ехать на почту. Копаясь в кармане на дверце машины в поисках пленки, я предупредила мамулю:

— Кошелек-подковку не хватай руками. Не исключено, придется отдать на экспертизу, вдруг найдут какие отпечатки. Ага, вот пленка. Лилька, а ты ручаешься за это фотоателье?

— Мы с ним учились в одном классе, — ответила Лилька. — То есть с хозяином ателье. Он уже тогда был очень порядочным человеком.

Порядочный Лилькин одноклассник обязался к утру проявить пленку и даже отпечатать фотографии. По одной штуке с каждого кадра. Письмо Мареку я отправила экспресс-почтой. Люцина отлично справилась с заданием. Под ее натиском ошарашенный Збышек перестал выдвигать глупые отговорки и согласился пригласить того человека из МВД или контрразведки к себе на званый обед. Более того, Люцина потребовала, чтобы Збышек немедленно, в ее присутствии позвонил тому человеку, и не только стояла, как неумолимый палач, над головой звонившего Збышека, но и старалась подслушать, что отвечает его абонент по ту сторону провода. Абонент был несколько удивлен, но тем не менее приглашение принял, правда, на обед мог прийти не раньше, чем через три дня. Пришлось удовлетвориться и этим, в конце концов, человек живет в другом городе, в Катовицах, и нельзя же требовать, чтобы ради неожиданно всплывшего званого обеда он бросил все ранее

запланированные дела и сломя голову мчался в Чешин. Естественно, истинную причину приглашения ему не выявили — не телефонный разговор.

Как оголодавшие гиены, набросились мы утром на фотографии и проявленную пленку.

Фотографий было семьдесят две штуки. Фотоаппарат тети Яди был настроен на слайды, так что на каждый кадр приходилось по два снимка. Сделав из пленки негатив и отпечатав с него фотографии, мы тем самым лишили тетю Ядю всякой возможности изготовить слайды, но, в конце концов, Тереса была важнее. Разложив фотографии в том порядке, как они были сняты на пленке, мы принялись их рассматривать.

На первых четырех и в самом деле фигурировал необыкновенной красоты белый ангорский кот. На остальных были зафиксированы разные этапы нашего путешествия.

Выдирая друг у друга из рук филателистическую лупу отца, которую он всегда возил с собой, мы жадно рассматривали малейшие детали запечатленных картин. К сожалению, шесть фотографий не получились, но и остальных хватило, чтобы окончательно заморочить нам головы. Отец тоже рассматривал фотографии, но молча.

Я предложила особое внимание обращать на фон, ведь тетя Ядя могла там случайно что-то запечатлеть.

— Вот тут на фоне сняты те люди, которые наблюдали за вами в бинокль, — сказала Люцина. — А на переднем плане моя сестра сидит на корточках.

— Может, стоит увеличить? — предложила Лилька. — Главное ведь как раз то, что происходит на фоне, а пока лиц не разобрать.

Мы лихорадочно принялись изучать и другие фоны. В Мальборке фоном служили крепостные стены, в Оливе — надпись аршинными буквами: ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА "БАЛТИКА". Эти фоны подозрительными нам не показались. А вот фон в Сопоте...

На него обратила внимание Лилька.

— Глядите! — закричала она. — На переднем плане ваша автомашина, а на заднем две подозрительные фигуры не в фокусе. Отложить для увеличения?

Я отобрала у нее снимок и лупу.

— Не надо. Две расплывчатые фигуры — это Тереса и я. Зато за моей машиной виднеется фрагмент "пежо". А ну поищем, нет ли его еще где!

— Есть! — нашла Люцина. — Думаю, это Владиславов. "Пежо" целиком и в нем что-то непонятное.

Выхватив у нее фотографию, я чертыхнулась.

— Эта тетя Ядя не имеет ни малейшего представления о принципах расследования. Несколько раз встречается вражеский "пежо", вот тут он во весь рост, но ни разу не снят так, чтобы на фотографии вышел номер. А непонятное — это клетчатая сумка внутри.

У меня немедленно выхватили и фото, и лупу, и все пришли к выводу — на заднем сиденье "пежо" и в самом деле снята гигантских размеров клетчатая сумка, на ручке которой болтается в рамочке визитная карточка владельца, как поло-

жено на загранрейсах. Разумеется, фамилии не разобрать.

На следующей фотографии "пежо" фигурировал в таком ракурсе, что в принципе номер можно было бы рассмотреть, если бы не слишком большое расстояние. И в этом случае, как и в случае с визитной карточкой, лупа была бессильна. Расшифровать написанное могли бы только специалисты.

Увлеченные машиной, мы не обращали внимания на людей. Обратила Лилька. Она внимательно рассматривала заснятых тетей Ядей людей и сделала открытие.

— Тут множество совершенно незнакомых мне лиц, но некоторые из них повторяются. Может, вам знакомы? Например, вот этот тип в желтой рубашке.

Пришлось переключиться на людей. Тетя Ядя в своей неудержимой страсти фотографировать все и вся снимала не только нас на разных фонах, но и просто живописные группы людей, а иногда и просто толпу на каком-нибудь достойном внимания фоне. Фотография, на которую обратила внимание Лилька, была сделана, как мы установили, немного поругавшись, в Мельне. В толпе и в самом деле виднелся парень в желтой рубашке. А вот он и на других фотографиях, в других местах. Я пригляделась внимательней и издала боевой клич:

— Гей! Вот и баба в горошек!

Опять выдрали у меня из рук лупу и фотографию с бабой. И в самом деле, если очень постараться, между стоящими машинами можно было различить толстую женщину в брюках и блузке

в крупные зеленые горохи. О такой бабе рассказывала нам "одна такая" из Поляницы, так что баба на фотографии не могла оказаться случайным персонажем. Тайна понемногу рассеивалась. Враждебная шайка, состоящая из лиц разного пола, явно охотилась за Тересой, преследовала ее по всей Польше. По неизвестным пока причинам.

— Ну и чего мы добились? — раздраженно вопросила Люцина. — Ну, просмотрели фотографии, и что из того? Зачем они за пленкой охотились?

— Теперь знаем кое-кого из них в лицо.

— Не столько в лицо, сколько по одежде. Но что мы конкретно можем им сделать? Зачем они хотели украсть пленку?

— Думаю, по двум причинам, — задумчиво сказала я, еще не очень уверенная в собственной концепции. — Вернее, одно из двух. Или думали, что мы располагаем их четкими фотографиями. Или боятся, что наши любительские фото попадут в руки специалистов, а те и портреты их получат, и номер машины. А может, еще что. Тересы нет, и боюсь, своими силами мы ее не разыщем.

— Тогда чего мы ждем? Отдадим фотографии специалистам.

— Каким? У тебя где-то припрятаны эксперты? Или ты решилась наконец все рассказать милиции именно тогда, когда все так безнадежно запуталось?

— Нет, в милицию ни в коем случае! — возмутилась мамуля. — Но что-то делать надо. Придумайте же что-нибудь! Надо выручать Тереску. Бедняга неизвестно где пребывает, все это слишком затянулось, долго она не выдержит.

В мрачном раздумье уставились мы на груду фотографий, скрывающих тайну. Да, нам действительно очень был нужен человек, способный ее разгадать.

— Что ж, — тяжело вздохнула Лилька. — Другого выхода нет. Придется устраивать званый обед. Сами мы ничего не сделаем, официальным путем нельзя, значит — только через желудок!

Мы получили почтовую открытку от незнакомого нам человека. Даму с тем самым кольцом он видел в Рачибоже на берегу реки Одры. Она мыла ноги на диком пляже. Черная сумка стояла рядом.

Сообщение нас удивило, и все равно я решила съездить туда, прихватив отца. Всякую информацию надо было проверить. Немного нарушало это наши планы, ибо в тот день намечался званый обед с участием очень важного любителя субпродуктов.

Высокое компетентное лицо прибывало днем раньше, чем было намечено. Будучи человеком вежливым и хорошо воспитанным, он позвонил, сообщил, что неотложные дела на работе заставляют его нарушить обещание, поэтому он может приехать к нам в Чешин или на день раньше, или когда-нибудь в далеком будущем, ему очень неприятно, он просит извинить, но дела чрезвычайной важности... и так далее. Так получилось, что рядом со Збышеком, когда тот поднял трубку телефона, оказалась, к счастью, а может, и к несчастью, Люцина, по ее настоянию был принят более ранний вариант, предложенный гостем.

Итак, следовало заняться званым обедом, помочь Лильке с ним. В Рачибож со мной отправили отца, чтобы не мешался в доме. Ни мамуля, ни Люцина не горели желанием отправиться со мной; не говоря уже о званом обеде, очень уж сомнительным представлялось сообщение незнакомого автора. С чего вдруг Тереса очутилась в Рачибоже? Чтобы вымыть грязные ноги именно на этом отрезке Одры? Я уже не говорю о том, насколько сомнительным представлялась перспектива отыскать в городе Тересу, руководствуясь столь скупыми указаниями. Но ехать надо было, я обещала не задерживаться и поехала.

Мы с отцом добросовестно обегали все дикие рачиборские пляжи, и, когда уже собрались возвращаться, у меня лопнул тросик сцепления. Я знала, что он вот-вот оборвется, поэтому возила с собой запасной, но наличие запчастей вовсе не равнозначно умению заменить ими вышедшие из строя. Поскольку тросик оборвался на второй скорости, я смогла добраться до автомастерской с помощью двухсот злотых мелкой монетой, которую раздавала по дороге добровольцам-толкачам. Точнее, раздавал отец, который неспешной рысцой следовал за моей машиной с добровольными помощниками через весь город. В мастерской пришлось пережидать "мерседес", успевший до меня прочно занять единственный канал.

Ожидание затягивалось, и, чтобы его скрасить, я о том о сем болтала с персоналом мастерской. Естественно, завела разговор и на интересующую меня тему, без особой надежды спросив, не видел ли кто из них случайно вишневого

"пежо". Персонал в лице неимоверно замурзанного парня, представьте, видел!

— Был тут вишневый "пежо", а как же! — орал он, стараясь перекричать шум двигателя "мерседеса", в котором регулировал работу зажигания. Дня два назад были у меня! Масло я им менял! Еще у них пассажирка из машины сбежала!

Очень, очень интересно! Парень на "мерседесе" съехал с канала и поставил на него мою машину, спустился в канал и приступил к монтажу тросика. Присев на корточки рядом с машиной, я тоже была вынуждена чуть ли не наполовину забраться под нее, чтобы выслушать захватывающе интересный рассказ.

Оказалось, на "пежо" приехали три человека, мужчина и две женщины. Приспичило им, холера, масло сменить, пани сама видит, что тут делается, работы невпроворот, не продохнуть! Сначала мужик, а потом одна из баб пошли ругаться с завом. Нет, не сразу оба. Пошел мужик, а баба потом прибежала ему на подмогу. А в это время вторая баба, которая до этого спала на заднем сиденье, проснулась, вышла из машины и куда-то делась. Те двое вернулись, глядь — бабы нет! Крик подняли, с ума сойти! Вроде та баба их сестра двоюродная, малость чокнутая, теперь неизвестно, где ее искать и что она выкинет. Бегали, искали, мы тоже бегали. Нет, тут не нашли, а в городе — не знаю. За это не скажу. За масло могу, масло сменили. Сам менял, и в самом деле, было совсем черное, давно надо было сменить.

— А как выглядела чокнутая сестрица?

— Откуда мне знать? Я на людей не гляжу, мне с машинами бы управиться. Я ее толком и не

видел. Только как из машины вылезала, заметил, что босиком, это заметил.

— Как это босиком? Совсем без обуви?

— Совсем. Пошла было, да спохватилась, хоть и чокнутая, скумекала — что-то не так, вернулась и прихватила из машины туфли. Но не обула, а так в руке и понесла.

— А вы не заметили, какие это были туфли?

— Как не заметить, красные. Мамаша моя любит песенку напевать: "Черны боты для работы, красные — для танца", так я сразу вспомнил, как ее красные туфли увидел. Бывает, проше пани, привяжется мелодия, никак от нее не избавишься. Так я от этой два дня не мог отвязаться, все в голове вертелась.

Сколько я еще ни расспрашивала, больше ничего из парня не вытянула. Относительно Терессы не вытянула, а тросик он сделал, правда, времени тоже ушло немало. В Чешин мы вернулись уже поздним вечером и на званом обеде присутствовать не могли. Настроение в доме царило подавленное. Почему-то о результатах наших широко задуманных планов ни Люцина, ни мамуля не желали даже намекнуть. Збышек тоже не желал.

Рассказали нам о другом. Сразу после моего отъезда позвонил совершенно незнакомый человек и сказал, что располагает сведениями о Терессе, но уезжает в Чехословакию, сейчас находится в Зебжидовицах, ждет поезд до границы, может в крайнем случае, так и быть, один поезд пропустить, подождет следующего, но больше ждать никак не может. Следующий будет через два часа.

Мамуля с Люциной впали в панику — меня нет, тут обед на носу, но там — вести о Тересе! Лилька благородно заявила — поезжайте, обед я беру на себя. Ну, они и поехали. Вернулись уже прямо к обеду. И оказалось, ездили напрасно. Незнакомый мужчина оказался тем самым, который разыскивал нас в Полянице. Сообщил он следующее: видел Тересу, даже ехал с ней в одном автобусе и все приглядывался, чтобы окончательно убедиться — та самая, пропавшая пани. Убедиться никак не мог, решился прямо спросить ее об этом, а она вдруг всполошилась и выскочила из автобуса на первой же остановке. Произошло это за одну остановку перед кемпингом на Отмуховском озере, выскочила в последний момент, ее чуть не прищемило дверью. Он за ней не стал выскакивать, не знал, нужно ли.

Ценная информация, но немного устаревшая, как минимум с опозданием в четыре дня, вряд ли она нам пригодится. Незнакомый мужчина очень огорчился, что не помог нам в поисках, пожелал успеха и поехал в свою Чехословакию.

Оставшись одна, Лилька рьяно принялась за приготовления к званому обеду. Понимая всю возложенную на нее ответственность, она бросилась на поиски субпродуктов. Их в данный момент нигде не оказалось, были только цыплята и свиные ножки. Стоя над ними, Лилька ломала голову, на что же решиться, и тут к ней подошла приятельница. Узнав о Лилькиных проблемах, она посоветовала приготовить вымечко.

— Что? — удивилась Лилька.

— Вымечко. Тоже из субпродуктов, блюдо получится — пальчики оближешь, я расскажу, как приготовить.

Наверное, Лилька смотрела на приятельницу с вымечком как баран на новые ворота, потому что та рассердилась:

— Ну что уставилась? Никогда не слышала про коровье вымя? Как раз завезли в лавку на углу.

— Коровье? — глупо спросила Лилька.

— А чье же еще? Слушай: сначала отваришь, потом порежешь на кусочки, обваляешь в сухарях и яйце и как следует обжаришь, чтобы подрумянилось. Говорю тебе — пальчики оближешь! Такие шницельки получатся...

По ее совету немного сбитая с толку Лилька купила вымя и принесла домой. Там как следует осмотрела, и оно ей понравилось: свежее, нежное, мяконькое. Отварив его немного в соленой воде, обжарила в соответствии с полученными указаниями. Шницельки и в самом деле получились на вид очень аппетитные, а главное, обед удалось приготовить к назначенному часу.

Поскольку приглашенный высокий гость для Збышека представлял в какой-то степени вышестоящую организацию, Збышек на всякий случай решил от операции самоустраниться, поэтому держался на расстоянии, свалив ее целиком и полностью на Люцину, сам же, извинившись, отправился поливать цветочки в их маленьком садике к немалому удивлению Лильки. Преисполненная сознанием ответственности за возложенную

на нее миссию, Люцина всеми силами старалась понравиться гостю, ужом увивалась вокруг него, но о деле пока не разговаривала, логично рассудив, что разговор следует начать после вкусного обеда, когда гость созреет. Да и я, возможно, подъеду, станем его охмурять вдвоем. Что-то долго не возвращаемся мы с отцом из Рачибожа...

Збышек полил несколько раз цветочки и вынужден был вернуться в дом. Он еще ел суп, когда остальным Лилька подала шницельки. Обед проходил в теплой, дружеской атмосфере, все шло замечательно, гость оказался человеком приятным и разговорчивым. Непринужденная беседа велась на всякие нейтральные темы.

Мамуля жареного не ела, ей Лилька приготовила рыбу. Люцина попросила ей тоже дать рыбы. Шницельки Лилька подала лишь гостю и себе поставила тарелочку, искоса наблюдая за реакцией гостя на деликатес. Гость первым отрезал кусочек, положил в рот и стал жевать.

— Понимаешь, гляжу я — а он все жует и жует! — с ужасом рассказывала мне Лилька. — Жует и жует, и никак не прожует! Потом незаметно вынул кусок шницелька изо рта и деликатно положил его на краешек тарелки. В чем дело? Сама поскорей отрезала кусочек и в рот! Отрезать-то отрезала, а вот прожевать... Знаешь, ну прямо кусок резины от автомобильной камеры! Скорее всего, от грузовика!

Збышек кончил есть суп и тоже принялся за шницельки. Лилька теперь стала наблюдать за мужем — что тот будет делать? Этот ведь может не деликатничать и высказать жене претензии. Збы-

шек сделал попытку прожевать кусочек вымечка, но быстро перестал работать челюстями и взглянул на супругу — не просто укоризненно, но с каким-то прямо-таки мистическим ужасом.

— Что это? — спросил он, и Лилька подумала: если сейчас он с ней не разведется, то в дальнейшем этого можно уже не опасаться.

Гость мужественно расправился со шницельками. Он просто отказался от попыток их разжевать и глотал, не жуя. Лилька последовала его примеру. Збышек взбунтовался и оставил деликатес на тарелке. Мамуля с Люциной встревоженные, ничего не понимающие, наблюдали за ними, и их стали одолевать сомнения в том, что обед настроит гостя благодушно.

Невзирая на сомнения, после обеда обе сделали попытку осуществить задуманную концепцию, но она закончилась полнейшим фиаско. Нашу историю компетентное лицо выслушало с интересом и даже с сочувствием, но при первом же намеке на частное расследование чрезвычайно удивилось и даже рассердилось. Гость решительно и категорически отмежевался от каких-либо компетентных ведомств, удивился, что ему приписывают не только связь с ними, но и большие возможности в определенной области и посоветовал с нашими проблемами немедля обратиться к действительно компетентным органам. И вообще как-то сник после такого разговора и постарался поскорее покинуть гостеприимный Лилькин дом.

— Люцина уверяет, что виной всему проклятое вымечко, — жаловалась вконец расстроенная Лилька. — Я тоже так думаю. Збышек зол как сто

БЛЮДО — ПАЛЬЧИКИ ОБЛИЖЕШЬ.

тысяч чертей. Говорит — если бы знал, для чего пригласили его начальство, в жизни бы не приглашал. Теперь, говорит, могу распрощаться с надеждой на повышение. Я тоже так думаю. А этой кретинке, своей приятельнице, уж я завтра выскажу все, что о ней думаю!

И действительно, на следующий день с самого утра, еще до работы, напустилась на приятельницу. Та ничего не понимала.

— Наверняка ты что-то перепутала. А ну рассказывай, как ты готовила шницеля!

— Так, как ты сказала. Сначала отварила вымя в подсоленной воде...

— И сколько времени ты его варила?

— Ну, точно не скажу, несколько минут, оно же мягкое...

Приятельница схватилась за голову.

— Дура, вымя надо было варить как минимум часа два-три. Иначе никакая собака его не откусит. Ты же подала на стол сырое вымечко!

Мамуля с Люциной мужественно перенесли неудачу и уже с утра стали разрабатывать планы, как исправить вчерашнюю ошибку. И решили продолжить охмурение высокого гостя, причем поручить это мне. Я охмурять отказалась категорически. Вот как получилось, что из-за дурацкого вымечка мы оказались в совершенно безвыходном положении...

Люцина безвыходных положений не признавала и стала искать выход. Новая идея Люцины заключалась в следующем: дать в газеты зашифрованное объявление. Поскольку идея мне не по-

нравилась, я не стала даже расспрашивать, какое именно объявление и как оно будет зашифровано, поэтому мамуля с Люциной решили действовать в обход меня. Они потребовали у Збышека отвезти их в Вислу, где в местной газете временно подвизался один из знакомых журналистов. По знакомству он наверняка их объявление пристроит.

Дом опустел, Лилька поливала в садике цветы, и так получилось, что, когда позвонил Марек, я была в доме одна и сама подняла трубку. Узнав меня по голосу, он торопливо проговорил:

— Вслух моего имени не называй! Никто не должен знать, что я приехал. Каких только глупостей вы не наделали! Не соскучишься с такой семейкой. Можешь встретиться со мной так, чтобы никто из них не знал?

Господи Боже, какое счастье, Марек уже здесь! В глубине души я очень беспокоилась о Тересе, но вынуждена была свою тревогу всячески скрывать, чтобы и без того расстроенная мамуля совсем не потеряла голову. Я понимала, что обязательно следует предпринять какие-то решительные меры для розыска Тересы, но одна не могла ни на что решиться. Теперь я не одна, рядом человек, на которого можно положиться. Тот факт, что он объявился с Чешине тайком и просит не сообщать об этом моим родным, ничуть меня не удивил. С одной стороны, я знала методы его работы, с другой — свою родню. По телефону мы обменялись всего парой слов, но я поняла — ему что-то известно. Скорее, скорее с ним увидеться! Договорились встретиться через полчаса в парке, расположенном вдоль реки Ользы, у водопада.

– А Лильку можно взять с собой? – робко поинтересовалась я.

Марек немного подумал.

– Лильку можно, но больше никого. И не пользуйся машиной.

Я еще предупредила Марека, что где-то там, у реки, он может наткнуться на отца, который с утра отправился поудить. Захватив фотографии, кинопленку, портмоне-подковку и электрический фонарик, ибо уже смеркалось, я оторвала Лильку от поливки, и мы отправились в парк. До водопада не торопясь можно было дойти минут за двадцать, если ничто не помешает. Я лично никаких помех не ожидала. И очень ошиблась.

Прежде всего, подойдя к реке, мы встретили отца. Он поймал четыре плотвицы и шел домой. Лилька вручила ему ключ от квартиры и объяснила, как им пользоваться. На это потребовалось время, ибо один ключ открывал два замка, причем один – нормально, а второй – в обратном направлении. Отец никак не мог с этим примириться. С трудом удалось его убедить испробовать действие ключа на практике, и отец, очень недовольный, наконец-то отправился домой. Мы еще долго на него оглядывались – не повернул ли он украдкой опять к реке.

Потом нас остановила пожилая женщина и спросила, не попадалась ли нам ее собачка. Черно-белый спаниель. Самочка. Вырвалась и убежала. А сейчас она как раз в таком положении, что сбегутся все псы с округи. А ее собачка породистая, ей нельзя водиться с первым встречным. По дороге мы с Лилькой видели порядочную свору

собак и имели глупость в том признаться, пришлось возвратиться и довести старушку до этого места. Правда, мы с Лилькой считали, что уже поздно спасать спаниелиху от мезальянса, но хозяйка очень волновалась, пришлось пойти с ней.

— Скорее, скорее! — торопила меня Лилька, когда мы наконец могли покинуть собачью свадьбу. — Темнеет, мы не найдем Марека в темноте.

— Не беспокойся, он видит в темноте, — ответила я, но прибавила ходу.

И в самом деле темнело быстро, а в парке, густо разросшемся на речном откосе, было уже совсем темно. Мы не хотели пользоваться фонариком и чуть ли не на ощупь спускались к реке. Впрочем, аллейка была довольно широкой. Справа внизу матово отсвечивала Ольза, слева круто поднимались поросшие деревьями и кустарником склоны. И ни одной живой души вокруг, хотя вечер был теплым, а летом в парке всегда гуляло много горожан.

— Почему так пусто? — удивилась я.

— Сегодня же четверг! — удивилась Лилька в свою очередь вопросу. — А по четвергам всегда показывают сериал "Кобра". Забыла? Все сидят у телевизоров. Постой-ка, это что за шум?

Мы остановились и стали прислушиваться. Поблизости, на крутом склоне повыше нас, и в самом деле раздавался какой-то непонятный шум, сопровождаемый треском ветвей, будто кто-то съезжал вниз сквозь густые заросли. Мы двинулись было дальше — мало ли кому понадобится спуститься, его дело, — но нас остановил глухой удар, сопровождаемый сдавленным криком. Что

там происходит? Шум нарастал, по-прежнему непонятный, но очень тревожный. Дерутся там, что ли? Стало совсем темно, кругом ни души.

— Может, это Марек? — тревожным шепотом спросила Лилька. — Пытается в темноте спуститься сверху, а ведь тут очень крутой откос.

— Скажешь тоже! — возмущенно шепнула я в ответ. — Да он сто раз спустится так, что его никто не услышит, даже если Марек будет связан по рукам и ногам! Какой-нибудь дурак забрался наверх по пьяной лавочке, а теперь катится вниз. Отодвинемся, не ровен час — прямо на нас свалится.

— Так он покатится и дальше, прямо в реку! — забеспокоилась Лилька. — Может, наоборот, встать преградой у него на пути? Из человеколюбия?

— Плевать мне на него, пусть хоть в реку! Мне уже надоело. Знаешь, всю дорогу вокруг нас то и дело путаются какие-то подозрительные типы. И преимущественно в темноте.

И я решительно пошла дальше, потянув за собой человеколюбивую Лильку. И как раз в этот момент тот, что шумел и трещал в кустах, с шумом вывалился на аллейку прямо перед нами. Инстинктивно я посветила на него фонариком, забыв о необходимости соблюдать конспирацию.

Луч фонарика выхватил из темноты совершенно невероятную картину: у дорожки, в самой середине раскидистого куста лещины, зареванная, растрепанная, измазанная в грязи, с приставшей хвоей и клочьями травы, вся растерзанная и жутко несчастная сидела тетя Ядя!

Наверное, Лилька, как и я, подумала, что ей привиделось. Нечистый дух принял облик нашей родственницы...

— Сгинь, пропади нечистая сила! — дрожащим голосом произнесла Лилька. — Да расточатся врази Его...

— Кто тут? — слабым голосом воскликнула тетя Ядя. — Люди! Ау! Помогите мне! На помощь! Где я?

— Должна быть в Варшаве! — ответила я на вопрос, тоже потрясенная увиденным. — А ты, оказывается, здесь! В Цыганской роще! Ночью! Катишься по склону! Что все это значит?

— Кто тут? — простонала тетя Ядя, заслоняя глаза от света фонарика и барахтаясь в своей лещине в тщетных попытках вылезти из нее. Спохватившись, я перестала ослеплять несчастную и осветила себя и Лильку. Облегченно вздохнув, тетя Ядя принялась действовать обеими руками. Мы бросились ей на помощь, извлекли из куста, поставили на ноги и немного почистили и тетю, и ее сумку, которая во время головоломного спуска не потерялась лишь потому, что висела на плече, намертво зацепившись ремешком за пуговицу жакета. Молния держалась крепко, есть надежда, что по дороге ничего не вывалилось.

— Я получила письмо от твоего отца и сразу выехала, — нервно рассказывала тетя Ядя, понемногу приходя в себя. — Сама понимаешь, встревожилась я страшно. Боже милостивый, что вы тут навытворяли? Почему Тереса сбежала аж в Щецин? И зачем ей понадобилось красть лодку, не могла поехать нормально, на поезде? Почему

она ходит в покрывале и что за хахаль ее преследует? Откуда он взялся?! Конечно, я знаю, что снимала на пленку, могу рассказать, но зачем все это?

Не время и не место было переводить письмо отца на нормальный язык, и я оставила это на потом. Почистив тетю Ядю, по возможности вытряхнув из ее одежды и обуви набившуюся землю, листья и хвою, мы пришли к выводу, что она еще дешево отделалась. Никаких серьезных телесных повреждений, никаких переломов, одни синяки да ссадины.

Вежливая Лилька деликатно поинтересовалась у своей пожилой родственницы:

— Будь добра, скажи наконец, какого черта ты шляешься в потемках по Цыганской роще, вместо того чтобы сразу по приезде отправиться ко мне?

Пожилая родственница бесхитростно пояснила:

— Я просто забыла твой адрес. Он у меня записан в записной книжке, а ее я забыла дома. Где работаешь — тоже не помню.

— Фамилию хоть помнишь?

— Конечно, — обиделась тетя Ядя. — Что я, склеротичка, что ли? Я и спрашивала о Вишневских, а мне показали совсем на другой конец города, я ведь немного помню, где живешь, думаю — не то...

— Тебе показали дорогу к моей свекрови, — поняла Лилька.

— Очень может быть, но я туда не пошла. Дай, думаю, найду фабрику, там мне все скажут, а

не скажут, так от фабрики я и сама дойду. Стала спрашивать, как пройти на фабрику, меня и направили сюда. В эту сторону. Я и пошла. Сначала шла вроде правильно, потом гляжу — места совсем незнакомые. Народу много, я спрашивала многих, и все говорили — правильно иду. А тут стемнело, и сама не знаю, как очутилась вот в этом лесу. Заблудилась, наверное. Решила выйти к реке и от нее уже добираться, сориентируюсь, думаю. Стала в темноте пробираться сквозь заросли к реке, и еще наверху споткнулась обо что-то, а потом уже не могла остановиться, покатилась по склону. Скажите, ради Бога, где я и зачем все меня обманывали, посылали не в ту сторону? Ведь ясно же — никакой фабрики здесь не может быть!

— Есть здесь фабрика, — грустно сказала Лилька. — Ты, наверное, не уточняла, какая именно фабрика тебе нужна, и правильно шла к трикотажной фабрике.

— Откуда же я могла знать, что здесь целых две фабрики?

— Придется проводить тебя домой, — вздохнула я. — Доведем и вернемся сюда обратно, тут нас ждет... одно дело. Дома отец, он только что вернулся, может, заснул, так что звони погромче.

Тетя Ядя, очевидно, уже немного пришла в себя, поскольку возразила:

— Да нет, вовсе не надо меня доводить до самого дома, скажите только адрес. Больше я не заблужусь.

— Правильно, адрес запиши, но все равно мы проводим тебя.

— Нет, нет, не надо, вам же придется потом обратно сюда возвращаться.

— Ну, хорошо, только из парка выведем.

На наше счастье, у самого парка встретили мы Лилькиного знакомого, который жил через дом от нее, и с рук на руки передали ему тетю Ядю. Знакомый клятвенно заверил, что доведет ее до самых дверей Лилькиного дома. И даже понес сумку тети Яди.

Мы с Лилькой галопом помчались обратно к водопаду, она на бегу выкрикивала мне:

— Теперь я понимаю, что именно ты имела в виду, говоря, что родители доведут тебя до белой горячки. Как такое могло взбрести в голову тете Яде? Ты слышала, что она наговорила?

Я выкрикивала в ответ:

— А ты же слышала? Она ведь получила письмо от отца. У папочки же есть манера делать свои собственные выводы из всего, что удается расслышать. Очень оригинальные выводы! Я догадываюсь, в чем тут дело. Помнишь, когда мы рассматривали фотографии, отпечатанные с пленки тети Яди, зашла речь о том, что неплохо бы ее спросить, из каких соображений она там кое-что наснимала и где именно? Ну и отец ее вызвал...

— Надо же, расслышал...

— А он всегда слышит, когда не надо. Но знаешь, в его оригинальных выводах, какими бы глупыми они ни казались, всегда есть рациональное зерно, до которого ни одной из нас не додуматься...

Из-за всех этих задержек мы примчались к водопаду с опозданием на целый час. Уже совсем стемнело, ни в парке, ни у реки нам не встретилось ни одной живой души. С трудом переводя дыхание, мы затормозили у водопада.

— И что дальше? — тяжело дыша, спросила Лилька. — Ведь он же нас не увидит, а мы его и подавно. Давай попробуем встать так, чтобы нас было видно на фоне воды. Или, может, посигналить фонариком?

— Ничего не надо. Я не шутила, когда сказала, что он видит и в темноте, как днем. Подождем минутку, сейчас он появится.

— Я уже появился, — послышался за нами голос Марека.

Перед нами стоял типичный удильщик, возвращающийся с удачной рыбной ловли. И наверняка он уже приглядел местечко, где мы сможем без помех поговорить, где нас никто не увидит и не услышит. Так оно и оказалось.

— Надеюсь, ты наловил не слишком много, — сказала я, когда мы шли к этому местечку. — А то неизвестно, что скажу своим. Не могли же мы с Лилькой наловить их во время прогулки, а рыбные магазины давно закрыты. Да и не бывает в них свежей рыбы.

— Не слишком много, — успокоил меня Марек. — Всего несколько штук. Два линя и парочка неплохих окуней.

Лилька не дала мне ответить.

— Очень хорошо! Как раз на ужин. А откуда мы их взяли — это уж моя забота. Скажу, отдал Курничек. Есть у нас такой знакомый рыболов, весь город его знает. Обожает удить рыбу, а есть не ест, его отец подавился когда-то рыбной костью и помер. Вот этот Курничек и раздает весь свой улов кому ни попадя. Скажем, встретили его. Он никогда не помнит, кому отдал. Хороший человек.

Я махнула рукой на рыбу. До нее ли, когда столько важных проблем надо обсудить! Первая – откуда Марек узнал о наших похождениях, ведь он явился сам, я его не вызывала. Правда, зная своего любимого, я не надеялась, что он выложит все как есть, а от дедуцирования по поводу похищения Тересы у меня уже мозги набекрень.

Мы с удобствами разместились в выбранном Мареком месте. Видимость отсюда была прекрасная, нас же подслушать не было никакой возможности. А если кто случайно забредет, увидит обычную картинку: рыбак ковыряется в своем снаряжении, а две девицы светят ему фонариком. Мы с Лилькой издали вполне могли сойти за двух девиц.

Я сделала подробный доклад обо всем, что с нами приключилось за последнее время, подробно описала все, что предпринимали мы, подробно описала места, где видели Тересу, а потом передала ему для ознакомления вещественные доказательства. Не буду, пожалуй, передавать его оценку наших действий. Думаю, присутствие Лильки удержало его от более резких слов. С глазу на глаз со мной уж он бы сказал, что думает...

– Обратиться к человеку с просьбой начать частное расследование! – кипятился Марек. – Как такое могло прийти в голову? Ну, я понимаю, твои родственницы, но ты?

Я защищалась как умела.

– Но нам же больше ничего не оставалось! Разве такая уж плохая идея? Да и не о расследовании мы просили, а просто узнать кое-что по его каналам. Сами мы ведь ничего узнать не можем.

Лилька поддержала меня:

— Идея правильная, а он очень порядочный человек и, если бы захотел нам помочь, наверняка многое бы распутал. Если бы согласился.

— Да не мог он согласиться!

— Почему не мог? — вскинулась я. — Очень даже мог. Просто не захотел!

— Вот как, не захотел... А почему не захотел, знаешь?

— Знаю, — вместо меня ответила Лилька. — Из-за вымечка.

— Из-за чего?!

— Из-за моего вымени. Не удалось оно у меня, согласна, но ведь я не виновата!

Первый раз в жизни довелось мне увидеть озадаченного Марека. Он смотрел на нас с Лилькой не просто с удивлением, нет, он был именно озадачен, а может, даже и поражен. Немного подумав, неуверенно спросил:

— Это что, какая-то метафора?

— Никакая не метафора, обычное коровье вымя. Мы узнали, что это человек любит поесть, а из еды предпочитает блюда из так называемых субпродуктов. Ну, и Лилька приготовила вымечко. Подумаешь, даже если и не очень вкусно получилось, так сразу и обижаться? Даже разговаривать с нами не пожелал...

В подробностях описали мы с Лилькой званый обед и потом очень долго ждали, пока Марек не перестанет смеяться. Он уже не сердился на нас и спокойно растолковал истинную причину отказа влиятельного гостя от сотрудничества с нами.

— Даже если бы вы приготовили ему не примитивное вымя, а каких-нибудь фазанов, икру, устриц и "фрутти ди маре", съесть он пожалуй бы и съел...

— Такое любой бы съел, — встряла Лилька.

— Только не я! — поправила я ее. — "Фрутти ди маре" извиваются и вообще у них усы... Не выношу этих даров моря!

— ...но разговаривать с вами все равно бы не стал, — продолжал Марек, не давая сбить себя с мысли. И зарубите раз и навсегда на своем носу: никакая милиция, никакое МВД, никакие контрразведки ни на какие частные расследования не пойдут! И частных экспертиз не делают! Захотелось им, видите ли, чтобы разведка по блату сделала для них кое-что! Надо же до такого додуматься!

Прошло немало времени, прежде чем мы смогли приступить к деловому разговору. Делая вид, что разбирает крючки, Марек осмотрел фотографии и салфетку. Монеты по одному злотому его не заинтересовали.

— Значит, не знаешь, что это за карта? — с укором повторил он.

— Откуда мне знать? — обиделась я. — Да и как следует не разглядывала, боялась стереть отпечатки.

— Отпечатки чего?

— Чего-нибудь, мало ли. И не придирайся. Наше дело — отыскать Тересу.

— Наше дело — понять, что происходит, — возразил Марек. — Понять, почему Тереса до сих

пор не вернулась и не хочет обращаться в милицию.

Интересно, откуда он знает, что Тереса не желает обратиться в милицию за помощью? Откуда он знает, что у Тересы могут быть свои причины опасаться преследователей? Откуда он все это знает? Ведь я не говорила.

— А ну повтори, что ты сказал! Тереса не желает обращаться в милицию за помощью? С чего ты взял? Мы пока знаем лишь то, что милиция не желает оказать помощь нам!

Марек пояснил:

— Когда сотрудник милиции разыскал Тересу, она предъявила ему свой паспорт и заявила, что ни в какой помощи не нуждается, путешествует по родному краю для собственного удовольствия, никаких неприятностей у нее нет. Ее никто не преследует, ничто не угрожает. Ох, не нравится мне это...

Я не сомневалась — и мамуле, и Люцине это еще больше не понравится, поэтому сразу же попросила Лильку не проговориться им о том, что мы сейчас узнали от Марека. Лилька кивнула, она и сама это поняла, и мы принялись раздумывать, что означает такое заявление Тересы.

— Так и не знаем, кто ее преследует, ясно лишь — типы подозрительные, — рассуждала я вслух. — Тереса что-то говорила о мафии, о преступниках, но как-то неопределенно. Лично я немедленно обратилась бы в милицию, но Тереса уже восемнадцать лет проживает в Канаде, а у них там о нашей милиции представление однозначное: у нас сажают за решетку всех, замешанных в

деле, не смотрят, преступник ты или жертва, сидят все, пока они не разберутся. Вот и не хочется ей провести остаток отпуска за решеткой.

— Глупости говоришь! — рассердился Марек.

— Это не я, это Тереса так думает. А если серьезно, то ведь мы не знаем, чего она боится. Или ты знаешь?

— Нет. Пока не знаю.

— Люцина высказала предположение, что Тересе подбросили какую-то контрабанду, чтобы она нелегально провезла ее через границу. Может, и Тереса так думает? Знаешь, мне кажется, такое возможно.

Лилька кивала головой, подтверждая мои слова, и теперь подтвердила словами:

— Иоанна права. Я знаю Тересу, такое вполне возможно. Не знаю, что делать. Хорошо бы эту контрабанду обнаружить. Главное сейчас — найти Тересу.

Знакомая песенка! О чем бы мы ни говорили в последнее время, как бы ни спорили, рефреном звучала фраза, выражавшая общую мысль: надо найти Тересу! Марек — единственный человек, который может это сделать. Не знаю как, но в него я верила безгранично.

— Сказал бы нам, что тебе известно! — обратилась я к любимому человеку. — Мы тут совсем запутались, ничего не знаем, ничего не умеем. Чем объясняется твой приезд? И почему в такой тайне?

— Приехал я просто потому, что получил твое письмо, — ответил любимый мужчина. — А известно мне лишь то, что некие подозрительные

личности пытались склонить сотрудника важного ведомства к нарушению служебной инструкции...

— Я тебя серьезно спрашиваю!

Марек сложил свои крючки и леску.

— Фотографии возвращаю, возьму только пленку и подковку. Если серьезно — пока не знаю, в чем дело, ясно лишь, что реально существует преступная группа, а следовательно, и какая-то афера. Я намерен разобраться в этом и не желаю, чтобы кто-либо знал о моем намерении.

— И как ты собираешься действовать?

— Двинусь по следам Тересы. Не смейте покидать Чешин, оставайтесь тут до победного! Если Лилька вас больше не выдержит, переселитесь в гостиницу "Олень". Никому ни слова обо мне! Поняли? Абсолютно никому!

Вот и все, что Марек счел нужным сообщить нам с Лилькой. Мы взяли его рыбу и послушно вернулись домой.

У калитки столкнулись с мамулей и Люциной, их только что привез Збышек. Все вместе мы прошли через садик к дому. Збышек явно был в плохом настроении, мамуля возмущена, а Люцина хихикала.

— Ну и скандал закатила в милиции твоя мать! — сообщила она мне потихоньку. — Надумала наконец искать Тересу официальным путем и вцепилась в сотрудников местного комиссариата милиции — как это не могут найти иностранную подданную! Два ни в чем не повинных дежурных вытаращили на нее глаза, не могут понять, в чем дело, а она знай обзывает их! И повторять не хочется, как обзывала! А потом гордо заявила, что

отказывается давать показания. Не знаю, чем дело кончилось, стыдно мне стало за сестру, и я сбежала оттуда.

Мамуля с достоинством произнесла:

— Они обещали отыскать Тересу немедленно! И не отказывалась я давать показания, просто не желаю говорить с ними об амурных делах Тересы. Какое им дело до того, кем увлекалась Тереса до войны?

— Почему до войны? — удивилась Лилька.

— А потому что за то, что происходило после войны, я не отвечаю, после войны у Тересы уже был муж, так что это его дело, — пояснила мамуля.

— Появилась тетя Ядя! — сообщила я. — Мы ее встретили в Цыганской роще. Вернее, не встретили, просто она съезжала на заднице по откосу прямо в Ользу.

Мамуля удивилась:

— Что ты говоришь? Вздумала купаться вечером? Уже прохладно.

— Нет, приехала по вызову отца и заблудилась.

— Умоляю вас, потише! — попросила Лилька. — У нижней соседки пунктик на почве шума, услышит — топают по лестнице, сразу выскочит, а ее муж приходится братом моей завкадрами, уже одиннадцатый час, потише, пожалуйста.

Мы послушно замолчали и стали подниматься на цыпочках, чтобы не портить Лильке карьеру. Первый пролет лестницы преодолели на цыпочках и собирались так же пройти и второй, но не вышло. То, что мы увидели, начисто лишило

нас способности вообще передвигаться, мы замерли, вцепившись в перила, чтобы не упасть.

У двери Лилькиной квартиры стояли тетя Ядя и Тереса!!!

Мамуля инстинктивно перекрестилась, Люцина протерла глаза, Збышек раскрыл рот, но не мог издать ни звука.

— Янек дома, это я точно знаю, — жалобным голосом говорила тетя Ядя. — Наверное, спит, но ведь когда-нибудь проснется! Надо только позвонить погромче.

— Тихо — раздраженно прошептала Тереса и приложила ухо к двери. — Вроде бы проснулся.

Мы прекрасно видели всю разыгравшуюся перед нами сцену. Заспанный отец открыл дверь, и в этот самый момент Тереса нагнулась за сумкой, стоявшей у ее ног. Тетя Ядя нагнулась за своей. Отец посмотрел в пространство перед собой, никого не увидел, на его лице отразилось смятение, и он поспешил захлопнуть дверь. Тереса, сделавшая уже шаг вперед, не успела сдержаться и с такой силой врубилась в нее, что гул пошел по дому.

Возможно, это помогло нам прийти в себя и вернуть утраченные способности двигаться и издавать звуки. Боюсь, разыгравшаяся на лестничной площадке сцена встречи с обретенной родственницей навсегда перечеркнула Лилькины надежды на повышение по службе...

Не оправдались расчеты на то, что с появлением Тересы автоматически выяснятся все загадки. И дело не в том, что Тереса не пожелала ни-

чего прояснить. Нет, она пожелала, но ее пояснения нас только еще больше запутали.

На все наши робкие расспросы, почему она так долго не возвращалась и чем столько времени занималась на свежем воздухе, Тереса фыркнула, как разъяренная кошка – того и гляди, набросится на нас с когтями! Не набросилась, но раздраженно зашипела:

– На свежем воздухе я наработалась как лошадь! Жаль, нет у нас загородного участка, Тадеуш мог бы на мне пахать, теперь я справлюсь с самой тяжелой работой! И ничегошеньки не понимаю!

– Мы слышали, какой-то юный хлыщ катал тебя на мотоцикле, – строго начала старшая сестра. – Так тебе захотелось проселочных дорог, что наши проселки тебя уже не устраивали? Возжаждала совсем уж проселочных?

– А мочить мозоли можно только в Одре под Рачибором? И больше нигде? – выпытывала Люцина.

– Наконец-то мы узнаем, где она раздобыла моторку! – кричал отец тете Яде, которая отмахивалась от него, как от надоедливой мухи, потому что ее интересовало совсем другое:

– Раз уж ты ездила на мотоцикле, почему не могла попросить этого хулигана отвезти тебя прямо в Поляницу?

Казалось, Тересу вот-вот хватит кондрашка.

– Да замолчите же! Дайте мне сказать! Если не успокоитесь, ничего не скажу! Пойду спать и все!

– Начни с начала, – попросила я. – Не обращай на них внимания и расскажи нам с Лиль-

кой. Видишь, мы молчим и внимательно слушаем. Итак, почему ты спустилась с гор с другой стороны, да еще с незнакомым человеком?

— А у меня там не было знакомых! — вспыхнула Тереса. — А эти горы... эти горы у вас неправильные, просто бред какой-то! Я раз семнадцать возвращалась на одно и то же место. Расспрашивала народ, мне указывали дорогу, оказывается, каждый раз я шла не в ту сторону, мне снова указывали правильный путь, и я снова попадала туда, откуда пришла. Хлыщ попался мне последним, сказал, что когда-то работал здесь проводником и может вывести меня куда надо. Ну и вывел!

Мы сидели за ужином. Очень пригодилась рыба, наловленная Мареком. Тереса успела помыться, переодеться, настроение ее немного улучшилось. Пока она мылась, все нервно околачивались под дверями ванной, возбужденно переговариваясь и время от времени колотя в двери ванной, чтобы убедиться — Тереса там, никуда не делась. Пока Тереса мылась, Збышек сбегал за ключом к матери, чтобы Лилька могла отправиться к свекрови переночевать в любое время, не тревожа пожилую женщину. Лилька решила до конца выслушать рассказ Тересы, а были все основания полагать, что он затянется.

Итак, мы сидели за столом и Тереса рассказывала. Пошла она, значит, с незнакомым юным хлыщом, а тот вдруг заявляет, что он тоже заблудился. Проводником он был, оказывается, давно и немного подзабыл местность. Но это не страшно, он знает, где они сейчас, можно спуститься с другой стороны гор, а там он одолжит у знакомого мотоцикл и отвезет Тересу куда надо.

Они спустились (тут Люцина попробовала было отпустить парочку ехидных замечаний насчет того, как ловко Тереса спускалась с гор, а проводник поддерживал ее за з..., но мы хором запретили Люцине сбивать Тересу с толку), проводник пошел за мотоциклом, долго не возвращался, а Тереса воспользовалась передышкой и у колодца в деревне вымыла ноги. Немного странным показалось ей сообщение хлыща о том, что проводником он работал несколько лет назад, ибо на вид был он совсем молоденький и проводником мог работать совсем уже в школьном возрасте, и она решила, что он, видимо, имел в виду харцерские походы в горы. Впрочем, она очень устала, очень злилась на себя, на отца, на неправильные горы, на весь свет, поэтому не особенно вникала в хитросплетения жизненного пути молодого человека.

Тот наконец появился на мотоцикле, Тереса села на сиденье сзади него и позволила везти себя, куда тому заблагорассудится. Молодой хлыщ был вежлив и услужлив. Узнав, что наша штаб-квартира располагается в Полянице, предложил отвезти Тересу прямо туда. Коротким путем, напрямки. Уже даже не проселочными дорогами, а без дорог, по лесным и полевым тропинкам. Он уверил Тересу, что мы обязательно направимся туда, на всякий случай парень сообщил в деревне о том, что Тереса была здесь и отправляется в Поляницу — на случай, если ее будут искать. Тереса не была уверена, что это наилучший выход, но поддалась на уговоры, тем более что места там сказочные, а проехать по бездорожью и пешеход-

ным тропам было очень заманчиво. Вряд ли еще когда подвернется такая оказия!

Въехали они в лес, там юнец и в самом деле свернул с дороги, пробирался тропинками, выехал на какую-то другую дорогу, проезжал по лугам и опушкам, поднимался на холмы и спускался в долины, вброд преодолел несколько ручейков и глубоких оврагов, сворачивал вправо и влево, проезжал деревни и вновь углублялся в лес. Постепенно в душу Тересы закрадывалось подозрение, что он заблудился. Так и оказалось. Увидев на какой-то полянке заброшенный сарай, парень подъехал к нему, остановил мотоцикл и смущенно признался: он снова заблудился, спутал тропинки, давно по ним не ездил, но теперь все в порядке. Этот сарай служит ориентиром, теперь он знает, куда выехал и куда ехать дальше. Этот сарай принадлежит его брату, от тут держит кой-какой инструмент, а также немного продуктов и даже туристическую плитку, ибо работает на делянке поблизости и часто здесь ночует. Поскольку дело шло к вечеру, сильно похолодало, пусть она, Тереса, что-нибудь на себя накинет, там найдется одежда, и не мешало бы ей передохнуть, напиться кофе и перекусить. Ему тоже.

Тереса к тому времени уже кое-что заподозрила — дорога что-то слишком затянулась, да и петляли они по лесу слишком уж долго. Но она действительно сильно замерзла, подстилка грела плохо, на мотоцикле ее растрясло невозможно и очень хотелось передохнуть. Впрочем, парень попрежнему оставался вежливым и услужливым.

— И я, дура старая, добровольно согласилась войти в этот сарай! — раздраженно повествовала Тереса. — Если бы он меня силой заталкивал, тогда другое дело! Так ведь нет — вежливо предложил и я, идиотка, сама туда вошла!

Мы за столом уже давно перестали комментировать рассказ Тересы, давно не задавали вопросов, словечком не перебивали. Слушали затаив дыхание. Вот Тереса дошла до драматического момента. Чувствовалось, что она вся дрожит при одном воспоминании о той страшной минуте. Молодой человек вежливо завел Тересу в сарай, сам вышел и сделал нечто ужасное и непонятное — запер дверь снаружи! Онемев и окаменев от ужаса, Тереса услышала бряцанье скобы, скрежет ключа в замке и удаляющиеся шаги. Потом взревел мотор мотоцикла. Ни вскрикнуть, ни как-то иначе прореагировать Тереса не успела, молодой негодяй скрылся.

А Тереса рассказывала:

— Я думала — меня кондрашка хватит на месте, тем более что я сразу же начала задыхаться. — И бедняга схватилась рукой за горло, даже лицо ее немного посинело. — Хорошо еще, что удалось раскрыть оба окошечка! Стекол в них не было, но изнутри оба были закрыты на щеколду. Как я намучилась, распахивая их!

Мы не дыша слушали Тересин рассказ и очень ее понимали. Дело в том, что Тереса страдала клаустрофобией. Стоило ей оказаться в запертом помещении, как с ней начинали твориться жуткие вещи: она начинала задыхаться, лицо синело, глаза вылезали из орбит. Как-то в ванной

намертво защелкнулся замок, так мы извлекли несчастную Тересу просто полумертвой! А то, что ей пришлось вынести как-то однажды в застрявшем лифте, так лучше и не вспоминать!

— А когда окошки раскупорила, прошло? — сочувственно спросили мы.

— Немного полегчало, да разве можно эти дыры назвать окнами? Совсем узкие, просто щели в стенах!

— И ты не могла через них выбраться?

— Я ведь не змея! — обиделась Тереса. — Голову еле просунула.

Люцина не преминула наставительно заметить:

— Если голова проходит, то пролезет и все тело, весь человек.

— А у меня весь человек никак не пролезал! Уж я на все лады пыталась. И отвяжись, не перебивай! Если бы они были хоть немного пониже, может, как-нибудь и вылезла бы, а так с трудом дотянулась до них лицом.

Тут свое слово сказала тетя Ядя:

— Если лицом дотянулась, могла кричать в эти окна. То есть в эти щели!

— Кричать-то я могла, только смысл какой? Место безлюдное, лес дремучий, ночь и ни одной живой души в округе. И к тому же я боялась.

— Чего боялась?

— Что меня кто-нибудь услышит.

— Так ведь как раз это и требовалось!

— Кому как. Мне не требовалось.

Лилька прервала бесполезную дискуссию:

— Поскольку ты до сих пор не сидишь в сарае, значит, как-то выбралась оттуда. Как?

— А так, что наишачились на всю оставшуюся жизнь! Сарай, хоть и заброшенный, сделан был капитально, из толстых досок, совсем новый. Неплохо строят тут у вас в Народной Польше, не понимаю, чего все жалуются на строителей? Но стоял-то сарай, слава Богу, на голой земле, а садового инвентаря в нем было навалом.

— Какого инвентаря?

— А всякого. Я в нем не очень разбираюсь, у нас в Канаде участка нет. Несколько штук таких, что с одного конца лопата, а с другого вроде как клюв.

— Кирка? — предположила тетя Ядя. — Кайла?

— Может, и кирка, кто ее там разберет. Кроме того, четыре железяки плоские, какие-то ни на что не похожие штуковины и много ломов. Все пропало!

Мы, естественно, очень заинтересовались всеми этими клювами и железяками, а также разрушительной деятельностью Тересы, и забросали ее вопросами. Почему пропало? Тереса пояснила: в одном углу сарая грунт немного осел, образовалась яма. Может, вода подмыла, а может, какой зверь рылся. Вот Тереса и решила продолжить дело, начатое водой или зверем, используя для подкопа все, что под руку попадало — ломы, мотыги, кирки и лопаты. Садовый инвентарь в руках яростно копающей Тересы один за другим выходил из строя, она отбрасывала поломанный инструмент и хваталась за новый. Впрочем, возможно,

все эти железяки и ни на что не похожие штуковины предназначались не для рытья туннеля, а совсем для других работ.

— Господи, как же тебе досталось! — то и дело сочувственно восклицала тетя Ядя. — Да еще ведь темно там было! Посветить хоть было чем или так на ощупь и рыла?

— Был у меня фонарик и даже запасные батарейки, в Кудове купила. Светила время от времени.

— Ну и как? Прорыла? — жадно допытывалась мамуля.

— Прорыла, а как же! И даже пролезла, хотя и с трудом. Ну точь-в-точь корова, когда в коровнике дверь низкая — позвоночник не проходит. В общем, пролезла, а потом вытащила сумку. С сумкой вместе не поместилась бы в подкопе, так я привязала к ней веревку — веревок там много валялось — и потом за эту веревку вытащила. Я все продумала!

Мы хором похвалили Тересу, которая не только сумела прорыть туннель, но и сделала все с умом. Ужин на столе оставался нетронутым, до него ли, когда слышишь такое! Тереса продолжала свою одиссею:

— Долго я там ковырялась, уж не знаю, сколько часов!

По тону рассказчицы явно чувствовалось, что земляные работы пришлись ей не по нраву.

— Думала, солнце уже взошло, оказалось, еще нет. Это я заметила, когда вылезла. И еще сразу же услышала — едет мотоцикл. Значит, возвращается этот подонок! Вы и представить себе не можете, до чего я испугалась!

— Надо было взять один из ломиков и огреть подонка! — воинственно воскликнула мамуля.

— Может, и огрела бы, да под рукой ломика не оказалось, все остались в сарае. Пришлось бежать.

Тереса прервала свой рассказ, чтобы принять успокоительную таблетку и запить ее чаем.

— Рассказывай же! — торопила ее Люцина. — И ты сбежала?

Тереса отрицательно покачала головой.

— Как? Не сбежала? А что сделала? Позволила поймать себя второй раз? — возмутилась Люцина.

Тетя Ядя поспешила на помощь подруге:

— Наверняка не позволила! Притаилась в ночной тьме и огрела его чем попало!

— Самого заперла в сарае! — предположила Лилька.

Тереса никак не могла проглотить таблетку и только головой мотала, отвергая наши версии. Наконец проглотила и набросилась на нас.

— Ничего умнее не придумали? Чем огреть? И зачем запирать, ведь тут же вылезет через мою дыру. Выходит, я для него старалась! Нет, я сделала умнее. Я подслушала их разговор!

Откуда вдруг появилось множественное число? Мы сразу замолчали, озадаченные, а Тереса с торжеством продолжала:

— Только я вылезла, подъезжает мотоцикл. Светил фарой, я испугалась, что заметит меня, и спряталась в кусты. На мотоцикле приехали двое. Тот самый подонок и еще один. Сразу в сарай полезли. Что там внутри говорили — не слышала, а когда вышли — услышала. Я не сбежала, потому что тишина стояла гробовая, меня бы сразу услы-

шали. Ведь ночь, в темноте споткнусь или напорюсь на что, они и узнают, где я. Потому и сидела ни жива ни мертва, как мышь под метлой.

— Правильно сделала, — похвалила я.

— Так о чем они говорили? — торопила сестру Люцина.

— Второй ругал первого. "Осел безмозглый, — говорил, — кретин и идиот, — говорил, — не мог сразу отобрать у нее сумку? Или хотя бы пошарить в ней? — говорил. — Вот и имей дело с такими олухами!" Подонок выдвинул предложение поискать меня в лесу, но второй только еще больше разъярился и сказал, что впотьмах ничего они не найдут. С утра надо будет проследить за окрестными дорогами, особенно теми, что ведут к Полянице. Вот почему я и не пошла в Поляницу.

— А зачем им твоя сумка? Что-то непонятно...

— Мне самой непонятно. Выходит, им нужна и я, и моя сумка. Младший из бандитов оправдывался — не прикончил меня сразу лишь потому, что не был уверен, надо ли. Второй знай поносил его на чем свет стоит, а оба вместе больше всего переживали из-за того, что я взятки не возьму.

— Чего не возьмешь? — не поняли мы.

— Взятки!

— И в самом деле не возьмешь? — пожелала убедиться Люцина.

Тереса с раздражением ответила:

— Если бы мне предложили на выбор — или сидеть в сарае, или взять взятку — я бы, пожалуй, взяла. И даже не поинтересовалась, за что мне ее дают.

— И в самом деле, за что? — хором вскричали мы.

— В том-то и дело — не знаю! И еще одна загадочная фраза: "Это у нее наверняка с собой, вряд ли где оставит, но проверить надо".

— Видите! — с торжеством вскричала Люцина. — И проверяли! Все правильно! Обыскивали наши вещи в Полянице!

— Скорее всего, искали пленку и подковку, — предположила я. — И шиш нашли!

— Только Янеку пуговицу оторвали, — вздохнула мамуля.

— А что, он с ними дрался? — поинтересовалась Тереса.

— Дрался, — подтвердила я. — Правда, в другое время, и в другом месте, и с другими людьми, но дрался! Главное — отыгрался за пуговицу.

— На мне отыгрался! — призналась мамуля.

Люцина прикрикнула на нас:

— Тихо! Не перебивайте! Тереса, что было дальше? В кустах ты уже не сидишь, значит, что-то сделала.

— Конечно, сделала. Как только они уехали, вылезла я из кустов и тоже удалилась. На всякий случай, в противоположную сторону. И сразу же заблудилась. Решила подождать, пока рассветет, и даже не очень замерзла, потому как от страха меня в жар бросило. Рассвело, но я и при свете дня никак не могла выбраться из лесу. Исходила его вдоль и поперек, пока не вылезла на какую-то дорогу. По ней дошла до Дембовины.

— А это что?

— Деревня такая. Я прочла на дорожном указателе.

— А где это?

— Откуда мне знать! Главное, в деревне оказалась рабочая столовая, я там поела. Очень неплохой завтрак, вернее, обед, время уже было обеденное: кислое молоко с картошкой и блинчики. Через деревню ходит автобус, я могла доехать хоть до Клодска, да побоялась. Ведь шайка меня разыскивала.

— А ты откуда знала?

Тереса понизила голос до драматического шепота:

— Помните вишневый "пежо", забитый клетчатыми чемоданами и сумками? Ну тот самый, что всю дорогу нас преследовал? Так вот, пришел клодский автобус, а за ним сразу этот самый "пежо" подъехал. В нем сидели мужчина и женщина. Смотрели, кто в автобус садится. Я за коровник спряталась, меня они не увидели, да автобус ушел. Машина тоже уехала, тут подошел автобус в другую сторону, я поспешила сесть в него и уехать, боялась там оставаться.

— Надо же! Ведь ты так могла и до самого Белостока доехать!

— Могла, — согласилась Тереса, — но доехала только до Каменьца. Тоже подумала — куда это я еду? И поскорей вышла. Там мне объяснили, что я могу доехать до Клодска, только через Пончков, а мне какая разница? Я села и поехала, мне даже расписание продали. И всего-то за один доллар!

— Смотрите, валюту потратила! — возмутилась Люцина.

Тереса оправдывалась:

— А что было делать? За деньги не хотели продать, у меня еще злотые оставались. Только за доллар согласились. А мне очень нужно было расписание, надо же знать, где я и как добраться туда, куда хочу. В автобусе я стала изучать расписание, и получилось — перечиталась. Тут уж я совсем не знала, что делать, думала, думала и вышла на остановке в чистом поле. Смотрю — впереди озеро, значит, Отмуховское, выходит, я могла на автобусе спокойно доехать до Отмухова, а так пришлось идти пешком. И опять наступил вечер.

Люцина заметила:

— Наверное, именно тогда видел ее мальчик, который приехал к нам в Зебжидовицах.

— Вот именно, из-за того, что выходишь где попало, мы даже пообедать не успели, — упрекнула мамуля младшую сестру.

Тетя Ядя опять поспешила на помощь подруге, переведя разговор:

— И что? Не было автобусов ни до Клодска, ни до Поляницы?

— Были, целых два, но мест не было. Все заняли экскурсии. Что делать? Устала я жутко, выглядела как страшилище, хотелось вымыться и отдохнуть. Попыталась поговорить с администрацией кемпинга, но у них не было мест, хотя я сама видела, как уезжали машины с постояльцами. И тут мне повезло — я нечаянно подслушала разговор с комендантшей кемпинга одной из женщин, которая сняла домик на двоих с мужем, но муж должен был приехать только на следующий день.

— Об этом можешь не рассказывать, — перебила я тетку. — Мы сами знаем. Скажи лучше, почему ты не прислала нам хоть открытку? Понимала ведь, как беспокоимся.

— Почтового адреса не знала. Если бы добралась до Поляницы, нашла бы дом, я его запомнила, а вот адреса не знала. Помню только, что улица носит название какого-то овоща, то ли Репка, то ли Бурячок, но боялась ошибиться, как мы тогда с той вошкой...

— О Господи, улица Брюссельская! — простонала Люцина.

— Вот видите! На Репку могли обидеться. Тем более, что номера дома я не знала, не знала и фамилии директора.

— Ну ладно, рассказывай дальше, — потребовала я. — В кемпинге ты провела только одну ночь, мы были там на следующий день, и тебя там уже не оказалось. Куда ты делась?

Тереса опять разозлился:

— Это я хотела бы знать, куда вы делись! Добралась я наконец до Поляницы, сами знаете, какого труда мне это стоило, прихожу — а там пустой дом, только в саду какая-то идиотка сообщает мне, что вы отправились в Щецин! Извольте радоваться! Не знаю, как я с ума не сошла, а вы уж точно все посходили, какая нелегкая дернула вас туда податься?

Естественно, мы хором запротестовали:

— Вовсе не в Щецин, а в Чешин! Мы-то не спятили, поехали куда надо, а вот, чтобы в такое поверить, действительно надо последние мозги растерять!

— При чем тут мозги! — отбивалась Тереса. — Она же ясно сказала — в Щецин! И как назло, директорской домработницы тоже не было, пришлось мне опять голову ломать, где бы переночевать. А тут еще милиция стала ко мне цепляться. Как увидят меня — сразу требуют предъявить документы. И в Отмухове, и даже в Полянице. С чего бы вдруг? Подозрительно выгляжу, что ли? И вопросы задавали какие-то идиотские: что я здесь делаю и не разыскивает ли меня кто, может, я потерялась?

— Ну и почему ты не сказала им ничего?

— Я сказала: никто меня не разыскивает! Делаю, что мне нравится, путешествую по родному краю.

— А почему не призналась, что тебя кто-то разыскивает?

Тереса надулась как мышь на крупу:

— Ну, во-первых, не хотела, чтобы милиция знала о моем нелегальном ночлеге у той женщины в кемпинге. И переночевала там нелегально, и женщине дала доллар. Так, ни за что, просто сувенир, а милиция могла привлечь, да и ее тоже. Так что лучше не говорить, правильно? А насчет того, что меня разыскивают, тут и вовсе незачем вмешивать милицию. Ведь история непонятная, чрезвычайно подозрительная, а главное, связана с иностранцами. Они же приехали из Канады, мафия какая-то, а я вовсе не желаю сидеть за чужие преступления.

— Так ты не знаешь, почему они тебя преследуют?

— Понятия не имею. Может, мафия, может, контрабандисты, может, шпионы. Одно ясно —

Идиотка
какая-то.

преступники! Вот мне и не хочется, чтобы милиция думала, что я с ними заодно. Ну, и в-третьих, я собиралась сначала все обсудить с вами. Думала, вы вот-вот вернетесь из этого своего Щецина, или появится домработница, узнаю от нее, зачем вы туда ринулись и где вас разыскивать. Заявлять в милицию, как же, разбежалась! К тому же мной интересовалась не только милиция, но и простые люди, пялились на меня, будто я теленок с двумя головами, вслед оглядывались, даже за руки хватали. Уж не знаю, чем я так привлекала их внимание.

Бросив взгляд на родичей, я поняла — они тоже считают, что, пожалуй, не стоит информировать Тересу о шагах, предпринятых нами к ее розыску. Похоже, реклама ей не по сердцу. Только бесхитростный отец сделал было попытку растолковать ей, в чем дело.

— Все эти люди знали, что ты... — начал он, но мамуля не дала ему договорить:

— А каким ветром тебя занесло в Рачибож? И в самом деле вода в Одре так хорошо действует на мозоли?

— Каким ветром! — опять взъярилась напереживавшаяся Тереса. — Директорский домик в Полянице оказался для меня недоступным, пришлось попроситься на ночлег в какую-то развалюху на окраине города. Денег у меня уже совсем не осталось, одни доллары, и те кончались. За развалюху расплатилась долларами и решила ехать в Чешин, может, Лилька одолжит мне немного...

— ...долларов? — испугалась Лилька.

— Да нет, денег. А вы в своем Щецине хоть утопитесь, раз уж выкинули такой номер!

— Да не были мы в Щецине!

— Но я-то была уверена — вы там! Чтобы меня не узнали бандиты, попыталась изменить свой внешний вид — переоделась, как могла, на голову повязала подстилку — тогда уж ни за что не узнают! — и купила черные очки. Дешевые, наверное пластмассовые, такая гадость, ничего через них не видно. Зато и меня не видно. Ну, думаю, теперь никто не обратит внимания...

— Как раз наоборот, — елейным голосом заметила Люцина.

— Почему? — удивилась Тереса. Сестра только загадочно улыбнулась, и Тереса, не дождавшись ответа, продолжала рассказ:

— И все-таки меня узнали! И схватили! И под самым Чешином! Ваши автобусы так по-кретински ездят — в любой город, только не туда, куда мне надо! Денег уже не было, я решила "голосовать". Водитель какого-то грузовика взялся подбросить меня аж до Ястшембя. Всего за десять злотых, а ведь билет стоит не меньше пятидесяти!

Мы слушали о бедствиях Тересы и прикидывали — как раз в то время, когда она ехала на грузовике, мы застряли в болоте. Хорошо, что ничего не знали о Тересиных мучениях, иначе бы совсем пали духом.

А намучилась Тереса и в самом деле по-страшному. Услужливый водитель грузовика вез много груза в кузове, который должен был доставить в ряд деревушек по пути. Вот он и сворачивал в каждую, оставлял ящик или два и беззаботно мчался в следующие по рытвинам и ухабам, возможно, даже не замечая их. Пассажирка мота-

лась в кабине, ухватиться было не за что, головой чуть не пробила крышу кабины, так подскакивала на колдобинах и буераках! Тереса не выдержала и, когда шофер притормозил бешено мчащийся грузовик перед очередной деревней, сказала, что выйдет и немного прогуляется, передохнет, пока он будет сдавать свой груз. Шофер охотно поддержал ее решение, тем более что груз предстояло завезти то ли в госсельхоз, то ли на тракторно-машинную станцию, а там может быть инспекция, еще увидят, что он везет неположенного пассажира. "Выйдите здесь и погуляйте, – сказал шофер. – А на обратном пути я вас прихвачу". Он въехал в какие-то ворота и скрылся за строениями. Тереса немного отошла от дороги и уселась в тени деревьев. Кругом царила тишина, людей вообще не было видно, она еще подумала – наверное, все в поле. Вернее было бы сказать – царило спокойствие, потому что тишины как раз и не было. На машинном дворе, куда въехал грузовик, ревел какой-то мотор, заглушая все звуки.

Промчись за спиной стадо буйволов, Тереса бы не услышала. Тем более не расслышала крадущихся шагов, шелеста раздвигаемых ветвей. Не подозревая об опасности, она сидела спокойно, время от времени поглядывая на ворота, за которыми скрылся грузовик. И вскочила на ноги только тогда, когда ей на голову набросили какую-то ткань – мягкую, толстую и косматую. Космы попали в рот, и она даже не могла крикнуть. Скрутили ей ноги и руки...

Мы сидели потрясенные, возмущенные, не в силах вымолвить слова. Лишь Лилька выкрикнула:

— Какой мердяй!

— Как ты выражаешься! — автоматически прореагировала мамуля. — Где поднахваталась таких словечек? Блатные, наверное?

— Не знаю! Мерзавец, подлец, негодяй, подонок!

Тереса всецело согласилась с ее оценкой, остальные были недовольны:

— Не отвлекайся! Остановилась на самом интересном месте!

— Для кого интересное, для меня не очень. Схватили меня и понесли...

— На руках? — удивилась мамуля.

— Нет, в зубах! — разозлилась Тереса. — А я у них из пасти свисала.

— Представляю, как тебе было неудобно! — посочувствовала мамуля.

— Сама повиси — убедишься! — нагрубила Люцина старшей сестре. — Что ты все прерываешь, слова сказать не даешь?

— Совсем никакой жалости! — обиделась на Люцину тетя Ядя. — Тереса, тебя и в самом деле эти изверги тащили в зубах?

Тереса вышла из себя:

— Езус-Мария! Совсем ошалели! Не знаете, как обычно несут связанного человека?

— И ты не вырывалась?

— Вырывалась, конечно, но не очень-то повырываешься связанной! Я чуть не задохнулась, и в рот, и в нос набивались клоки какой-то шерсти. Долго несли меня...

— Не завидую им, пришлось беднягам потрудиться, — бросила в сторону замечание Люцина.

— Уймите ее! — крикнула Тереса. — Милосердная самаритянка, чтоб тебе! Нашла кому сочувствовать — мердяям! Которые убить меня хотели!

— Откуда знаешь, что убить?

— Не короновать же! Да я собственными ушами слышала. Когда несли меня, переговаривались, и один сказал: "Покончить с ней и в ноги!" Я еще не забыла польский.

— Почему тогда не покончили?

— А ты их спроси! Может, по недосмотру...

— Тереса, брось с ней пикироваться, давай говорить серьезно, — предложила я. — Сама же ты рассказала — вместо того чтобы раскроить тебе башку... то есть я хотела сказать — вместо того чтобы убить тебя на месте, они завернули в теплую и мягкую ткань и на руках отнесли... Куда отнесли? И ведь отнесли, не прикончили на месте. Что-то не сходится...

— Откуда мне знать куда? Может, место им не понравилось, рядом тот самый госсельхоз или машино-тракторная станция, вот они и решили оттащить куда подальше.

— И что было потом?

— Несли меня и несли, несли и несли, я уже задыхаться начала, наконец положили на землю. Что-то меня укололо, теперь знаю что. Мне сделали укол. В руку, дура! Не строй глупые рожи! И о чем-то еще переговаривались, шепотом, нервно так шептались, но я ничего не разобрала. Потом вроде бы меня втащили в машину, а больше я ничего не помню.

— А потом ты босиком вышла из машины в Рачибоже, во дворе авторемонтной мастерской.

Тереса удивилась:

— А ты откуда знаешь? Так оно и было. Наверное, я именно там проснулась, голова тяжелая, ничего не соображаю. Такое ощущение, что вот куда-то приехала, машина остановилась, надо выходить. Ну я и вышла. И действительно босиком. Наверное, туфли свалились, когда меня несли. Спасибо им, подобрали и вместе со мной сунули в машину. Я увидела — вышла босиком, вернулась к машине, а туфли стоят там себе в уголочке на полу.

Хотела я объяснить истинные причины заботы о Тересиных туфлях, да вовремя язык прикусила. Преступники не хотели оставлять у дороги вещественные доказательства, ибо весть о красных туфлях пропавшей женщины разошлась далеко по округе.

— А к реке зачем ты пошла? — спросила Люцина.

— Ноги вымыть. Грязные были ужасно, да еще я влипла во что-то черное и густое. А как я могу обуть туфли на такие грязные ноги? Вот мне и казалось в тот момент — самое главное, вымыть ноги. И я пошла к реке. И только у воды пришла в себя, стало легче. Вымыла ноги, обулась, сполоснула лицо. Никто меня не преследовал, но самочувствие было ужасное. Мутило, голова кружилась, ноги и руки дрожали, по всему телу мурашки бегали. Но голова немного прояснилась. Где я? — думаю. И тут увидела нечто ужасное...

И сейчас еще при одном воспоминании Тереса вздрогнула и замолчала. Мы поспешили ей на помощь, каждая предлагала свою версию.

— Утопленника! — в ужасе вскричала тетя Ядя.

— Лох-Несское чудовище! — предположила Люцина.

— Дохлую рыбу! — содрогнувшись, произнесла мамуля.

— Заткнитесь! — рявкнула на нас Тереса. — Нечто ужасное я увидела на себе!

— Тебя татуировали? — обрадовалась Люцина.

— Ты запаршивела? — встревожилась мамуля.

— Если немедленно не замолчите, я больше ни слова ни скажу! — вне себя заорала Тереса.

Все сразу замолчали, а Тереса, чуть не плача, произнесла:

— Я заметила, что пухну на глазах! На теле выступала какая-то сыпь! Наверняка вкололи мне что-то такое, что вызывает аллергию.

— Надо же! — заломила руки сердобольная тетя Ядя. — Ведь ты же могла умереть!

— Конечно, могла!

— Но поскольку не умерла, говори, что было дальше, — безжалостно потребовала Люцина.

— Ни-че-го! Я хочу сказать — теперь меня ничто больше не волновало, скорее, скорее найти врача! Выскочила я из воды и бросилась в город. На почте узнала, что нахожусь в Рачибоже, там же мне дали телефонную книгу, и в ней я нашла врача. У вас тут что, так положено, раз врач по кожным болезням, то обязательно еще и по венерическим? Ну и страна! В телефонной книге я нашла несколько кожников, но все они были одновременно еще и по венерическим болезням. Ни одного просто кожника! А я пухла уже по-страш-

ному, подумала — все равно меня в этом Рачибоже никто не знает, пойду к кожно-венерическому.

При виде распухшей и запаршивевшей Тересы кожно-венерический врач не стал расспрашивать, кто она и откуда взялась, а немедленно принялся оказывать помощь пациентке. Главная трудность заключалась в том, что неизвестно было, какое именно лекарство вкололи Тересе. Аллергия у людей бывает на разные медикаментозные средства, а лечить можно, лишь зная, чем вызвана аллергия. Вот врач и оставил Тересу у себя на целых три с половиной дня, проверяя на ней результат воздействия то одного, то другого препарата, осторожно подбирая противоядие. Порядочным человеком оказался этот врач, не побоялся трудностей, хотя Тереса и предупредила, что заплатить ей нечем. Дети с бабушкой уехали в деревню, квартира врача была свободна, он с женой, тоже врачом, но терапевтом, приютили Тересу у себя на время лечения и нянчились с ней, как с дитем. Сыпь и отек ликвидировали бесследно, а за время лечения Тереса отоспалась и отдохнула. Она требовала от них адрес, чтобы выслать деньги за лечение, так они смертельно обиделись на нее. Сами дали ей на автобус! Пятьдесят злотых...

— Так почему же ты от этих врачей не позвонила нам в Чешин? — допытывались мы.

— Первый день я вообще была не в состоянии что-либо делать, потом, когда сыпь начала понемногу проходить и отек спадать, сделала несколько попыток дозвониться до вас, но не получилось. Лилькин телефон не отвечал днем, а вече-

ром от них звонить нельзя, такая там телефонная станция.

— Так позвонила бы днем мне на работу! — сказала Лилька.

— Номера рабочего телефона я не знала.

— Не огорчайся, — утешила я Тересу, — все равно бы ты не дозвонилась, ведь Лилька в отпуске.

— И в самом деле! — сообразила та.

Тереса продолжала:

— Значит, я не дозвонилась, а потом вылечилась, все прошло бесследно, ну я и поехала сюда. Сейчас чувствую себя не только здоровой, но и отдохнувшей. У этих докторов я жила как у Христа за пазухой, отъелась, отоспалась, никто меня не нервировал, как вот здесь...

Время было позднее, но спать никому не хотелось. Кроме отца. Правда, он заверял, что тоже с интересом слушает рассказ о похождениях Тересы, а сам отодвинулся в тень пальмы и потихоньку дремал, пробуждаясь время от времени.

Не знаю, что больше нас потрясло — Тересины похождения или факт, что после всех этих перипетий она так и не поняла, в какой афере замешана. Что ж, попытаемся разобраться вместе.

Я высыпала на стол фотографии. Хорошо, что Марек забрал только пленку, теперь можно было показать Тересе снимки. Правда, Люцина потребовала предъявить Тересе и подковку, а ее забрал Марек. Пришлось заявить — нельзя, Тереса непременно сотрет отпечатки пальцев злоумышленников. Раз мы с Лилькой обещали Мареку ни словом не упоминать о его подключении к расследованию, надо молчать.

— Ну и как? — тормошила младшую сестру Люцина. — Ты кого-нибудь узнала на снимках? Если, конечно, в состоянии...

— А как же, — не осталась в долгу младшая сестра. — Вот две мои сестры, а вот племянница...

— Я про чужих спрашиваю, дуреха!

— От такой слышу. Вот этот, в желтой рубашке, вроде похож на того хлыща, который возил меня на мотоцикле, но головой не поручусь. Он на фото в темных очках, и в натуре тоже был в темных очках. А садясь за руль мотоцикла, надевал мотоциклетные очки. А вот эта баба в крупные горохи... Жаль, нечеткий снимок. Правда, лица ее я все равно не видела толком, только издали и в профиль, но прическа вроде ее. Слушайте, да ведь это парик!

Мы кинулись выдирать фото у Тересы из рук.

— Точно, парик! — сказала я. — Номера ты не запомнила?

— Парика?

— Да нет, их машины.

— Помню только, что была буква "В", а на конце две тройки. Только это номер мотоцикла, номера машины не запомнила.

— А почему ты не узнала в мастерской? — спросила меня Лилька.

— Они не обратили на номер внимания. А квитанции не выписывали, за смену масла квитанции не надо. Помнят только, что номер варшавский.

Тут внезапно пробудился отец, встряхнулся и высунул голову из-под пальмы.

— Я одного не понимаю, — сказал он совсем бодрым голосом, словно и не спал. — Как ты могла предъявлять милиции паспорт, если у тебя украли сумку? Где ты его носила? За лифчик прятала?

Тереса непонимающе глядела на отца. Мы все сразу как-то смолкли, наверное, нас озадачил лифчик. Я опомнилась первая и, пока другие не помешали, поспешила ответить отцу:

— Никакой сумки у нее не украли! Тереса, а содержимое сумки ты проверяла? Ничего не пропало?

— Проверяла, а как же! Пропало расписание, то самое, за которое я доллар заплатила. И еще пытались стащить кольцо с пальца, да наверное, я сразу начала распухать, стащить не смогли. А на пальце остались следы, он до сих пор у меня болит.

— Что ж, — задумчиво произнесла Люцина. — Кое-какие выводы мы можем сделать. Шеф банды — мошенник ювелир. Понял, что его подделка раскрыта, и теперь преследует тебя по всей Польше, чтобы стереть следы своего преступления. Счастье еще, что тебе не отрезали палец!

— Страшно подумать, каким опасностям ты подвергалась, дорогая! — жалостливо проговорила добрая тетя Ядя.

Мамуля жаждала крови.

— Их только трое! — хищно прошипела она. — Нас намного больше. Теперь мы станем гонять их по всей Польше! Завтра же и начнем.

— Ни в коем случае! — вскинулась Тереса. — Только не завтра. На завтра я запланировала коечто простирнуть, да и гардероб надо привести в

порядок. К тому же из тебя тот еще мститель. Вот сейчас ты полна сил и свежа, как персидская фиалка, а завтра опять примешься стонать – "ах, живот болит". От нервов как пить дать разболится. Нет, какая уж от тебя помощь!

Мамуля обиделась страшно. Такое оскорбление, да еще от кого? От младшей сестры!

Мамуля уже открыла рот, чтобы как следует ответить на подобные инсинуации. Сейчас поссорятся, срочно надо перевести разговор на другую тему! И я спросила:

– Тереса, а в Канаде ты никого из них не видела? Или в самолете?

Тереса какое-то время непонимающе глядела на меня, видимо, не сразу переключилась с мамулиного живота на новую проблему, потом вскочила со стула с душераздирающим криком:

– Ааааа! Голоса!

– Какие голоса? Что с тобой? – испугалась тетя Ядя.

Люцина оживилась:

– Тебе чудятся голоса? Слышите, среди нас Орлеанская дева! А что они тебе говорят?

– Что моя средняя сестра законченная идиотка! – разозлилась Тереса. – И вообще, с вами нельзя говорить серьезно.

– Тогда поговори со мной! – предложил из-под пальмы отец, которого разбудил Тересин крик. – Со мной можно говорить серьезно.

– Что же это такое делается! – произнесла мамуля каким-то странным голосом, а Люцина демонически захохотала в углу дивана. Тереса с отвращением взглянула на сестер и обратилась к нам с Лилькой:

— Вам скажу, а не этим мегерам. То-то мне их голоса показались знакомы — и бабы в горошек, и типа в машине. Еще когда меня тащили. Все думала — где же я их слышала? А теперь вспомнила. Это их я слышала по ту сторону двери ванной в Сопоте!

Мы вспомнили Тересин рассказ о ее неудачной попытке вымыться в темной ванной пансионата и стали восстанавливать в памяти, о чем именно вела разговор эта парочка. С того времени столько всего произошло, столько событий, столько разных разговоров, что вспомнить оказалось невероятно трудно. А если быть точным — так ничего толком мы и не вспомнили. Может, сказалась усталость. Ведь сколько всего узнали за один вечер, вернее, ночь, ибо давно наступила ночь.

Так ничего толком и не вспомнив, так ничего и не решив, мы отправились спать. В одном только были единодушны — беречь нашу Тересу как зеницу ока, сорвать все происки злоумышленников. Перед сном начитанная тетя Ядя попыталась вдохнуть надежду в наши отчаявшиеся души:

— Не расстраивайтесь, в конце концов, когда-нибудь все выяснится. Я читала детективы, знаю, что каждый отчаявшийся преступник обязательно совершает ошибку, которая и помогает распутать даже самое запутанное дело. Вот и наши — не смогут снова похитить Тересу, чтобы ее прикончить, станут нервничать и обязательно совершат какую-нибудь ошибку. И тогда мы все узнаем! Другого выхода я тоже не вижу...

Прошли два дня, отведенные Тересе на отдых и стирку, и я принялась лихорадочно раздумывать над тем, что бы такое испортить в машине. Портить надо было с умом: и чтобы машина не могла с места двинуться, и чтобы починить потом было нетрудно. Требовалось любой ценой сдержать жажду деятельности моих родных. Тереса совсем пришла в себя после пережитых злоключений и рвалась снова в путь, мамуля чувствовала себя великолепно, ничто не мешало продолжить наше путешествие. Оставалось разработать маршрут. Тереса желала посетить Ченстохову, вознести благодарственные молитвы Пресвятой Деве за чудесное избавление от смерти. Мамуля предлагала съездить в Сувалки и Лович, Люцину привлекала Серебряная гора и Шклярская Поремба, а тетю Ядю — Бещады.

Лилька, с которой я советовалась, что бы тут такое предпринять, тоже ничего умного предложить не могла.

— Машину оставь в покое, — сказала она после долгого раздумья. — Пусть лучше с тобой что-нибудь случится. Например, пищевое отравление. Кажется, его легче всего симулировать.

— Не уверена, что мне удастся позеленеть, ведь у страдающих отравлением лицо всегда такое, знаешь, бледно-зеленое... Просто ума не приложу, что и делать. Если до утра Марек не даст о себе знать, наверное, придется разрядить аккумулятор. Если оставить машину на двенадцать часов с включенными фарами... Как думаешь, хватит?

Марек, как по заказу, появился через час после нашего разговора. Пришел как раз к вечернему чаю, так что застал нас всех дома. Я так обрадовалась тому, что уже нет необходимости сдерживать рвущуюся в путь семейку, что даже обиделась на него. Мог бы, конечно, сначала меня известить, ну да ладно. Пока мыл руки в ванной, скороговоркой сообщил: в конспирации нет больше необходимости, он сделал все, что требовалось, теперь, напротив, наступает этап сотрудничества со всеми нами. Остальное сейчас доложит.

Остальное оказалось чрезвычайно интересным.

Начал Марек с того, что положил на стол фотографию громадных размеров, правда немного нечеткую. Зато можно было прочитать надпись на визитной карточке, прикрепленной к сумке. Не считая нужным давать какие-либо предварительные пояснения, Марек задал вопрос в лоб:

— Кто знает этого человека?

Мы все как один уставились на фамилию, которую теперь можно было прочесть без труда: "Миссис Эдит Уолтерс". И молчали.

Естественно, первой отозвалась Люцина, хотя ничего об этой миссис сообщить не могла. Люцина просто риторически вопросила:

— Надо же! Как им удалось такое сделать? Откуда это у тебя?

Более содержательным оказалось высказывание Тересы:

— Есть в Канаде миллионер с такой фамилией, — произнесла она задумчиво. — Но я с ним не знакома. А вообще-то фамилия эта очень распро-

страненная. Нет, лично я с человеком, носящим такую фамилию, не знакома.

— А кто это? — поинтересовалась мамуля.

— Хозяйка багажа в серо-сине-красную клетку, чемоданов и сумок, с которыми она совершает туристическую поездку по нашей стране в машине одного типа, — пояснил Марек. — Приехала из Канады. Машина марки "пежо", номер 18-58 WJ. Типа зовут Михал Доробек. Кому из вас знакомо это имя?

Мы молча переглянулись.

— Фамилия вроде бы мне знакома, — неуверенно произнесла Тереса, вот только не могу вспомнить, где и когда я ее слышала.

— Мне тоже вроде знакома, — как эхо отозвалась тетя Ядя, — и тоже не припомню, откуда я ее знаю.

— О, я ее слышала от тебя! — вспомнила вдруг Тереса, поворачиваясь к тете Яде. И подумав, подтвердила уже более уверенно: — Точно, от тебя!

— Что ты говоришь! — удивилась и встревожилась тетя Ядя. — А я как раз подумала — не от тебя ли я ее слышала?

— В таком случае это было довольно давно, — сказала я. — Тереса уехала из Польши восемнадцать лет назад, а слышать фамилию друг от дружки вы могли только до ее отъезда. Если действительно слышали. Потому что могли и видеть написанной в письме.

Теперь подключилась и Люцина:

— Доробек, Доробек... Был такой курьер в здании воеводского Совета Профсоюзов в Като-

вицах в 1948 году. Ему уже тогда было за семьдесят, сомневаюсь, что сейчас он водит машину.

Лилька возмутилась:

— Человеку было за семьдесят, а он еще работал? Почему не на пенсии?

— Не знаю, помню только, что работал.

— В путешествиях его сопровождает сын, тоже Михал, — невозмутимо продолжал Марек, не позволяя сбить себя с толку.

— Что-то у вас одни Михалы Доробеки, — скривилась мамуля. — А кого другого не найдется?

— Найдется, но сначала покончим с Доробеками, — гнул свое Марек.

Мою родню он знал прекрасно и не реагировал на посторонние высказывания.

— Итак, никто из вас не знает ни Эдит Уолтерс, ни Михала Доробека?

Тетя Ядя перелистывала свою записную книжку, истрепанную и пожелтевшую.

— Здесь у меня записаны все знакомые сорокалетней давности. Я думала, и Доробек найдется, но не попадается, — огорченно сказала она. — Эту записную книжку я прихватила по ошибке, вместо новой, обрадовалась, может, пригодится, а выходит, их в ней нет.

— Рассказывай же, что там эти Доробеки натворили! — теребила Марека Люцина.

Марек не сразу ответил, он все надеялся услышать от нас хоть какую-нибудь информацию. Потом наконец сказал:

— Установлено, что оба Доробека, старый и молодой, были недавно замечены в районе Столовых гор. У молодого есть мотоцикл, на нем он

совершил множество поездок в разные места. Работники Клодского лесничества обнаружили такой факт: кто-то сменил замок на сарае, в котором они держат свой инструмент, так что они не могли попасть внутрь. Пришлось замок спилить.

Марек по своему обыкновению сделал паузу на самом интересном месте. Пришлось его подогнать.

— И что дальше?

— Войдя в сарай, рабочие обнаружили страшную картину: инструмент затуплен, поломан, искорежен, а в углу сделан подкоп. Видимо, действовал какой-то хулиган...

Люцина радостно засмеялась, Тереса открыла было рот, но сразу и закрыла, так ничего и не сказав. Марек продолжал:

— На Отмуховском озере молодой Доробек попросил одного из владельцев моторных лодок одолжить ее ему. Владелец — некий Клячко, проживает у самого озера в крайней избе Старого Пончкова. Точнее, лодку Доробек брал два раза. Первый раз на весь день, второй — на всю ночь. Доробек-сын неплохо знает окрестные места, потому что в Клодске живут его дружки, к которым он уже много лет подряд приезжает на летние каникулы...

Марек снова прервал рассказ, но на сей раз не по своей воле. Просто мы больше не выдержали и набросились на него с вопросами. К сожалению, отвечать на них Марек не мог, ибо, как всегда, каждому не терпелось получить ответ на свой и все прозвучали одновременно. Люцина допытывалась, объявлен ли уже розыск Тересы за ее

хулиганское поведение в лесном сарае, намекая на теперь неизбежные контакты младшей сестры со столь нелюбимой ею милицией. Тереса нервно интересовалась, есть ли возможность компенсировать нанесенный ею Клодскому лесничеству ущерб. Мамуля, перекрикивая остальных, желала получить ответ на вопрос — мотоциклетный хлыщ и молодой Доробек одно и то же лицо или нет? Тетя Ядя не менее энергично жаждала узнать наконец, для какой цели служат лесникам упомянутые Тересой клювы-железяки и плоские штуковины. Я присоединилась к ней — исключительно из любви к скандалам, ибо мне, в принципе, все стало ясно, кроме мотивов преступной деятельности злоумышленников. Отец не столь громко, зато очень настойчиво домогался информации — много ли рыбы наловил младший Доробек на вышеупомянутой моторке.

Под градом вопросов Марек не растерялся, решил отвечать по порядку и начал с тети Яди, которая сидела ближе всех и размахивала своим блокнотом перед самым его носом.

— Инструмент для посадки деревьев, — объяснил он, — и в самом деле похож на железный клюв, его втыкают в землю, делают ямку и в нее сажают саженец. Плоские штуковины используются для того, чтобы снимать дерн. И ни в коем случае для подкопов!

Ответив по мере возможности на самые животрепещущие вопросы, Марек получил возможность рассказывать дальше. Но оказалось, больше рассказывать нечего.

— Как это? — негодовала Люцина, оставив наконец в покое Тересу. — Ведь ясно же, что тот этот самый, как его...

— Мердяй! — подсказала мамуля.

— ...этот самый мердяй преследует Тересу. На пару с той самой Эдит...

— Уолтерс.

— ...Эдит Уолтерс.

Я поддержала тетку:

— Что они охотятся на Тересу — это ясно. Ясно и то, что продумали план похищения, подобрали место, где ее скрыть, то есть заранее все разузнали, ознакомились с местностью, подготовили средства транспортировки. Но зачем им Тереса?!

— А вот этого мы пока не знаем, — ответил Марек. — Узнаем своими каналами, но и от вас мне хотелось бы кое-что узнать. Пока же вы мне ни в чем не помогли. Никакой пользы от вас!

— Интересно, уж не думаешь ли ты, что бандиты — мои знакомые? — фыркнула Тереса.

— Помолчи! — одернула младшенькую мамуля. — Дай человеку слово сказать. Может, у него, кроме шайки Доробеков, есть еще что в запасе?

Марек хладнокровно извлек большой блокнот и раскрыл его. Я подглядела через его плечо: на страничке от руки была нарисована какая-то карта.

— Раз уж никто из вас не знает Доробеков, может, кто-нибудь узнает местность, которую я сейчас опишу, — сказал Марек. Он сделал паузу, давая нам время осознать важность задачи и со-

средоточиться. Тетя Ядя поспешила спрятать свой блокнот и придать лицу внимательное выражение.

Марек начал:

— Итак, дорога. Не очень широкая, по обе стороны растут старые деревья. По всей вероятности мощеная. Ведет прямо к воротам в загородке, но не доходит до них. В нескольких метрах перед воротами дорога круто сворачивает влево, почти под прямым углом, а метров через пятьдесят дугой уходит вправо и идет вдоль загородки. На дуге — часовенка, возможно кирпичная.

— А что за загородкой?

— Дворец. В саду, точнее, в парке. Дворец расположен в полусотне метров от ворот.

— Может, замок? — вырвалось у Люцины.

— Нет, дворец.

— А во дворце что? — не выдержала Тереса.

— Призрак белой дамы пугает по ночам! — рассердилась я. — Не можете дослушать? Дело не во дворце, слушайте внимательно. Наверняка я знаю место, о котором говорит Марек, но никак не могу вспомнить. Не сбивайте меня и сами думайте!

— От дороги отходят еще две, поменьше, — с ангельским терпением продолжал Марек, — обе вправо. Теперь, чтобы вас не запутать, первую дорогу, большую, мощеную я буду называть шоссе. Значит, от шоссе вправо уходят две дороги. Одна метрах в ста пятидесяти от дворца, отходит почти под прямым углом, вторая почти в километре от него. Обе грунтовые. Приблизительно в восьмистах метрах они сливаются и уже одной дорогой ведут в деревню. Дороги образуют треугольник, а

единственная дорога, выходящая из этого треугольника ведет прямо к первой усадьбе деревни. Усадьба как усадьба: двор, хата, хозяйственные постройки, забор, ворота. Дорога целит прямо в ворота. И повторяется та же история, что и перед дворцом: у ворот дорога круто поворачивает, только на этот раз вправо, и вдоль забора ведет в деревню, проходя ее насквозь. Эта деревенская улица очень длинная. А при въезде в деревню, у первой усадьбы, прямо у дороги растет ряд высоких деревьев...

— Да ведь это же Тоньча! — с изумлением произнесла мамуля. — Там точно такие дороги, одна прямиком упирается во дворец Радзивиллов, а вторая — в хату нашей бабки...

Мы молча смотрели на мамулю, не оценив еще во всей полноте значение открытия.

— И часовенка там есть, — все больше оживлялась мамуля, — тут же за парком, такая маленькая, побеленная. А те дороги, что в одну сливаются, я прекрасно помню, всегда в этом месте стояла большая лужа, меня еще в нее кабанчик сбросил, когда я ехала на нем. В белом платье!

Мы по-прежнему молчали. Наконец тетя Ядя слабым голосом поинтересовалась:

— А зачем ты ездила на кабанчике?

— Меня на него посадил Петрусь, младший мамочкин брат. Мне тогда было лет пять, ему не намного больше. Кабанчик страшно перепугался, выскочил за ворота и сбросил меня прямо в ту лужу. Ну и досталось же нам с ним тогда!

— Кабанчик не виноват, — вступилась Тереса за животное, но ее перебила Люцина:

— Слушайте, она права! Это и в самом деле Тоньча. Я и ряд высоких деревьев помню. А с другой стороны забор подходит к самой хате. Так?

— Да, так, — ответил Марек. — Прошу еще немного послушать, осталось совсем мало. У хаты, метрах в шести — колодец. Усадьба очень большая, участок вытянут в длину. Приблизительно посередине, ближе к забору, стоит какая-то сельскохозяйственная постройка, похожая на амбар...

— ...а за ним хлев и коровник! — взволнованно подхватила Люцина.

— Километрах в восьми от этой деревни, название которой начинается на букву "Т"...

— ...Тоньча, я же сказала! — воскликнула мамуля.

— ...находятся земельные участки без построек, которые называют Волей.

— Точно, Воля! — обрадовалась Люцина. — Там еще летом всегда устраивали лагеря для школьников.

Громкое раскатистое "прррр" прервало ее воспоминания. Все вздрогнули, не исключая и отца, так громко и неожиданно оно прозвучало. Фырчала тетя Ядя. Фырчала раскатисто, самозабвенно.

— Что с тобой? — бросилась к подруге Тереса.

— "Прррр", не понимаете? На той карте стояло непонятное "пр". "П" и "Р", палац Радзивиллов! Дворец Радзивиллов!

— Все это прекрасно, — сказала Люцина после того, как нами окончательно и бесповоротно, хотя и с безграничным изумлением было установ-

лено, что речь идет действительно именно об этом кусочке нашего отечества, — все это прекрасно, но все равно никак не проясняет тайны. Только еще больше ее скрывает. Откуда вдруг этот человек знает Тоньчу времен нашего детства? Наверняка теперь там все по-другому.

— Не можете ли вы сказать, что стало с колодцем? — спросил Марек.

— С нашим колодцем? — удивилась мамуля. — Да ничего с ним не стало. Колодец был в порядке. Раз, правда, свалилась туда подушка из гусиного пера, но бабушка велела ее достать. А так нормальный колодец. Мы из него брали воду.

— А когда вы последний раз были в Тоньче?

Мамуля с Люциной принялись подсчитывать, и получилось, что более сорока лет назад. Тереса в подсчетах не принимала участия: она была слишком молода, чтобы помнить те отдаленные годы.

— Как бы мне хотелось съездить туда еще разок! — вздохнула мамуля.

— Поедем! — не подумавши пообещала я, ибо понимала, что дело идет к тому, но Марек так на меня взглянул, что я прикусила язык, а потом неуклюже попыталась исправить сказанное: — Только не сразу. Ведь у нас столько дел накопилось! Надо бы вернуться в Варшаву, постирать, то да се...

— Постирать можно и здесь, — перебила полная энергии мамуля. — Найдется здесь прачечная?

Я сидела слишком далеко от Лильки, чтобы толкнуть ее в бок, и она, к моему отчаянию, ответила честно и бесхитростно:

— Конечно, найдется. У нас здесь очень хорошая прачечная и химчистка тоже. Да и моя стиральная машина стирает замечательно. Никаких проблем!

— Значит, устраиваем стирку, а потом — в Тоньчу! — подхватила Тереса. — Мне тоже очень хочется там побывать.

Как я ни старалась, изменить решение семейного совета не удалось. От мамули услышала, что я "выродок какой-то, а не дочь", известно ведь, что в Варшаве мамуле придется производить стирку собственноручно, а это всегда чревато ухудшением здоровья, здесь же, в прачечной или в Лилькиной стиральной машине, все произойдет самым безболезненным образом. Большинством голосов было решено — стирку устроить в Чешине.

— Кто тебя тянул за язык с этой поездкой в Тоньчу! — отчитывал меня Марек поздно вечером, когда мы остались одни — я отвозила его в Зебжидовице. — Теперь никакая сила не удержит их от поездки туда, а мне хотелось бы без помех кое-что проверить.

Ехали мы не торопясь, надо было многое обсудить, а до его поезда было еще больше часа.

— Сама понимаю, глупость сделала, — призналась я. — А что тебе надо проверить?

— Мне бы хотелось выяснить, кто такая миссис Уолтерс. Может быть, все дело в ней? Потому что оба Доробека ничего интересного собой не представляют. Разве что одна деталь: старший Доробек стал отцом младшего в возрасте девятнадцати лет, но это законом не преследуется.

— И напрасно! Не огорчайся, что-нибудь с Лилькой придумаем. В крайнем случае, она устроит грандиозную сцену своим родичам за то, что обижают ее, покидая так скоро.

— Те на своем "пежо" преследуют вас с самого начала, с Сопота. В Свебодзицах нашли бумажку с вашим адресом, вы ее, наверное, потеряли? Охотятся за Тересой упорно и настойчиво. Боюсь, могут ее и... могут сделать с ней что-нибудь нехорошее, потому что сильно нервничают. Это любители, а именно непрофессионалы способны на такие ошибки. Нехорошо делается при одной мысли о них.

— Ясно, любители, — ехидно заметила я. — Ты бы, например, уже давно Тересу подстерег!

— Ясное дело, ничего трудного...

Тут только до меня дошел смысл сказанного им, и я чуть не заехала в кювет. Боже милостивый, ведь, по его словам, Тересу собираются убить!

— Убить Тересу? Ты это хотел сказать?

— Вот именно. И удивляюсь, что до сих пор им это никак не удается. Они считают, что Тереса для них опасна. Они так думают, значит, в панике могут и глупость сделать. Просто следует позаботиться о ней.

Я слушала молча. Сказанное Мареком не укладывалось в голове. Он не шутил, значит, и правда, Тересе грозит опасность вплоть до... Может и жизни лишиться. А из нас до сих пор никто всерьез не принимал того, что происходит, мы смеялись, шутили, собирались сами устроить нападение на злоумышленников.

Все мои попытки добиться от Марека ясного ответа, в чем же все-таки дело, закончились ничем. Марек отвечал, что и сам толком пока не знает, тоненькая ниточка, за которую удалось ухватиться, ведет в нашу Тоньчу. Он должен там побывать, разведать и Христом Богом заклинает удержать родичей от немедленного приезда туда. Тогда пиши пропало, с ними ничего не разведаешь.

— Доробеки не замечены ни в каком подозрительном деле, кроме вот этого излишне настырного интереса к Тересе, — задумчиво произнес Марек. — Никаких афер, никаких сомнительных делишек, просто ездят по стране, путешествуют, ничего не делают. Большой глупостью с их стороны было похитить Тересу, усыпить ее, увезти и запереть в сарае. Если бы она сообщила в милицию, им бы пришлось несладко...

— Она ни за что милиции не пожалуется.

— И, думаю, они это знают, поэтому и позволяют себе. Интересно, откуда знают? Послушай, ты тоже уверена, что на карте именно Тоньча?

— Судя по рассказам, которые я слышу с детства, именно она. Поедешь, проверь: за колодцем должна стоять лавочка, а возле нее расти большая старая груша. Сколько раз я слышала от Люцины: сидя на дереве, она сбрасывала груши на панаму ухажера нашей молодой тетушки. Тетушка с ухажером как раз сидели на той лавочке, а ухажер почему-то очень не нравился Люцине. Иногда груши попадали и на тетушку. Ты понимаешь, конечно, Люцина тогда была совсем маленькой. Возможно, груши уже нет.

— Так ты говоришь — груша? — с интересом спросил Марек. — За колодцем? Кажется, именно в этом месте поставлен на карте крестик. Сделай все от тебя зависящее, разбейся в лепешку, но задержи своих в Чешине хотя бы на три дня!

Стиральная лихорадка, овладевшая нами, имела и свои отрицательные стороны. Например, я оказалась без платья. Его вместе со своими вещами Тереса заложила в Лилькину стиральную машину, когда я еще спала и не могла воспротивиться. Платье было единственной моей одежкой в такую жару, и теперь я оказалась перед серьезной проблемой. От стиральных катаклизмов из моих вещей убереглась только теплая юбка и шерстяная кофта. Пришлось обратиться за помощью к Лильке.

Лилька в благородном порыве предложила мне роскошное платье в крупные фиолетово-зеленые цветы, с широкой оборкой по подолу, с большим вырезом, без рукавов, прохладное, удобное, великолепное! Вручая мне это потрясающее произведение портновского искусства, Лилька сказала с непонятной злобой:

— Очень надеюсь, что ты где-нибудь наступишь на оборку и оборвешь ее или зацепишься за гвоздь. И при этом свалишься в грязь, в реку, в огонь — куда угодно, лишь бы потом платье уже ни на что не годилось!

— За что ты его так не любишь? — удивилась я. — Очень милое платьице, правда, немного излишне броское, но на такую жару в самый раз. А главное — стирабельное.

Словечко "стирабельное" исполнено глубокого смысла и гораздо выразительнее, чем всякие там "non iron". Означает оно, что вещь легко стирается, не требует глажки, от стирки не садится и множество других положительных качеств. Чем вещь стирабельнее, тем лучше. Судя по материалу, Лилькино платье было именно таким и никак не заслуживало плохого к себе отношения.

— Именно — стирабельное! — мрачно подтвердила Лилька. — Сколько раз я его стирала, спятить можно! Стираю после каждого надевания, и ни... и ничего ему не делается! Все надеюсь — может, после стирки сядет, полиняет, вытянется — дудки! Ничегошеньки проклятому не делается! Я его получила в подарок от тетки Збышека, когда она приезжала на побывку из своей Бразилии, и вынуждена носить, иначе его родня обидится. Во всяком случае, на все семейные торжества я обязана являться только в нем! А ты сама видишь — цвет меня убивает, талия не на месте, декольте на пузе, из-за оборки ноги кажутся еще короче, и вообще не хватает только кастаньет!!! Как надену его, так и тянет меня вскочить на стол и отхватить какую-нибудь сарабанду или мамбу!

На меня платье так не действовало, и я совсем не ощущала потребности плясать на столе, вот и отправилась по делам в этом бразильском шедевре. Мое скромное голубенькое платьице сохло в садочке на веревке.

Дело было такое: меня командировали в Устроне за домашними туфлями для Тересы. Мы носили один размер, и я могла примерять на свою ногу. Туфли были особые: удобные, из мягкой

кожи, не совсем тапки, на небольшом каблучке. Их изготовлял частник и продавал в своей будке на рынке. Я с удовольствием взялась за это дело. Во-первых, по уважительной причине освобождалась от участия в стирке, во-вторых, туфли меня тоже интересовали.

Будку я нашла быстро, Лилька мне очень понятно объяснила, но нужных тапок в ней не оказалось. Владелец охотно рассказал, что в самом деле были такие, но еще в феврале, когда будут — сказать затрудняется.

Жаль, я уже настроилась на покупку. Посмотрю, нет ли чего другого подходящего на здешнем рынке. Не скажу, чтобы тут кипела торговля. И продающих, и покупающих было немного. Возможно, я слишком поздно явилась, надо было с самого утра.

Сначала я заметила кота. Он сидел в солнечном луче под прилавком и был так хорош, что у меня перехватило дыхание. Абсолютно черный, ни малейшего светлого пятнышка, большой, бархатный, изумительной красоты! Красавец равнодушно смотрел на меня и на весь окружающий мир своими янтарными глазами. Над котом, на прилавке, были выставлены на продажу домашний сыр, творог, яйца, сметана в глиняных горшочках, соленые огурцы в банке, смородина в плетеной корзинке и живые куры в корзинке побольше. Прилавок представлял собой обычную широкую доску, положенную на двух козлах, которую от солнца прикрывал большой яркий зонт. Черный кот, ярко освещенный солнцем, представлял настолько красивое зрелище, что мне хотелось им

любоваться и любоваться, поэтому я не двигалась с места, решив покупки сделать позднее. Вот там на прилавке овощи, а там – ягоды. За прилавками тянулись низенькие строения – маленькие частные лавчонки, вроде будки того сапожника.

А потом я увидела бабу. Спиной ко мне она стояла за прилавком, под которым сидел кот, и выбирала головку сыра. Крупные горохи на ее блузке полыхали яркой зеленью.

Баба та самая, из шайки Доробеков, факт! Большая, толстая, блузка в крупные зеленые горохи. Зеленые брюки и парик! Она, как пить дать! Меня она вряд ли узнает, ведь в таком платье я ни разу не появлялась, к тому же на мне темные очки. Видеть она меня могла лишь в машине или около нее, теперь же я без машины, оставила машину довольно далеко от рынка, в тенечке. Вряд ли она ехала за мной, я бы заметила, дорога была совсем пустой. Нет, меня она просто не имеет права опознать, а я должна воспользоваться случаем и хорошенько ее рассмотреть, вблизи, вон она сняла очки. Надо подойти поближе, присмотреться, может, смогу описать своим ее внешность. Надо подойти поближе, но сделать это незаметно. Как?

Очень просто – кот! Все эти мысли пролетели в голове за доли секунды, и идея с котом всплыла молниеносно. Я присела на корточки, протянула к коту руку и умильным голосом принялась звать его "кис, кис", потихоньку подвигаясь к животному и ногам в зеленых брюках.

Ноги вели себя спокойно, кот тоже не проявил ко мне никакого интереса. На карачках я преодолела метра полтора базарной площадки,

заметая Лилькиной оборкой пыль и сухой конский навоз, не переставая всю дорогу завлекать кота своим "кис, кис". Вот я уже почти под прилавком, рядом с котом и обладательницей зеленых горохов.

Откуда взялась собака — не имею понятия. Внезапный истошный лай за моей спиной подбросил кота с места. Сориентировавшись в какие-то потрясающие доли секунды, он сделал "кругом!" и черной молнией метнулся в раскрытую дверь лавчонки за прилавком. Собака, смешная взъерошенная дворняга — за ним, но немного промахнулась и врезалась в зеленые брюки. К собачьему лаю присоединился истошный, полный ужаса крик. Баба от неожиданности чуть не упала. Со своей позиции, снизу, я увидела ее насмерть перепуганное лицо и глаза — вылезшие от ужаса из орбит — голубые, огромные и какие-то... фарфоровые, что ли. Взмахнув руками, баба пыталась удержаться на ногах, и в этот момент я узнала ее! От волнения я тоже не удержалась на ногах и села на землю. Это было последнее, что я сделала самостоятельно. Все остальное делалось независимо от меня.

Пытаясь сохранить равновесие и удержаться на ногах, женщина с фарфоровыми глазами ухватилась в поисках опоры за доску прилавка, хозяйка сыров кинулась спасать свое имущество, и под их соединенным напором хлипкое сооружение рухнуло, погребая под собой меня, хозяйку и женщину в горошек, которая успела-таки к этому времени благополучно шлепнуться на асфальт. На нее свалились в основном творог, сыры и масло,

на меня – огурцы, яйца и сметана. Сверху все безобразие прикрыл ниспадающий красивыми волнами яркий большой зонт.

Лай, крики и шум привлекли всеобщее внимание. Люди кинулись нам на помощь, и это только усилило неразбериху. Помощники действовали несогласованно, пытаясь освободить нас из-под зонта, тянули его в противоположные стороны, но разорвать не могли. Суматоху очень усиливала домашняя птица, с диким кудахтаньем разлетавшаяся в разные стороны. Я без посторонней помощи выползла из-под балдахина – с песком в зубах и в носу. Ноги подгибались, но я все-таки умудрилась встать. Поправив очки на носу, я огляделась. Весь рынок столпился у нашего прилавка. Бабу в горошек, живую и невредимую, на моих глазах извлекли из-под обломков и пытались привести в божеский вид. Сочтя свое дальнейшее пребывание вблизи нее небезопасным, я поспешила покинуть место происшествия, чрезвычайно взволнованная своим открытием.

...В жизни человека происходят иногда такие яркие сцены, которые навечно запечатлеваются в памяти. Даже если эти сцены человек видел в раннем детстве. Какой я была в детстве, мне трудно сказать. Мнения, которые приходилось слышать на сей счет, были весьма противоречивые – от "хорошо воспитанной паненки" до "невозможной хулиганки". Истина, наверное, как всегда, лежит посередине. Поскольку я все-таки оставалась единственным ребенком среди многочисленной взрослой родни – Лилька росла вдали от Варшавы – то, наверное, самокритично следует

Я УЗНАЛА ЕЁ

признать — ангелочком я не была. И запомнившаяся на всю жизнь сцена со всей очевидностью это подтверждает.

Сцена разыгрывалась в довоенной квартире бабушки. Две молоденькие девушки, Тереса и ее подружка, некая панна Эдита, рассматривали журналы, лежащие на большом прямоугольном столе. Журналы, значит, лежали на столе, обе девицы — а мне, малявке, они казались совсем взрослыми, большими — не сидели за столом, а стояли, опершись локтями и выпятив задницы. Мне было годика четыре, я никак не могла застегнуть туфельку, просила мне помочь. Сначала вежливо, потом принялась кричать, плакать, просить — все напрасно. Занятые журналом дамы не обращали на меня ни малейшего внимания, как оглохли. Значит, надо привлечь их внимание, сделать что-то такое, чтобы обратили. И в самом деле, у меня не застегнута туфля, а они хоть бы хны! Ну я и сделала, причем нечто такое, что ясно доказывало: девочка я была не по годам сообразительная и физически крепкая. Упершись ногой в незастегнутой туфле о край стола, рукой я со всего размаху шлепнула по выпяченной попе тети Эдиты.

Эффект был впечатляющим! Обе девы отскочили от стола, панна Эдита схватилась за ушибленное место, а я на всю жизнь запомнила недоумение и испуг на лице Тересы и полные безмерного удивления и ужаса огромные голубые, какие-то фарфоровые глаза ее подружки.

Так вот, точно такое же выражение в точно таких же глазах, причем в той же проекции — вид

снизу — увидела я сегодня на рынке в Устроне. Ошибки быть не могло.

Возвращение к сцене из моего детства золотого: меня тогда не выпороли, хотя совершенное мною деяние потрясло всю семью. Если бы еще я избрала жертвой Тереску — туда-сюда, все-таки родственница, тетка родная, не такой стыд, а тут! Шлепнуть постороннего человека! Гостью! Девицу! Мои уверения в том, что я не выбирала, просто панна Эдита оказалась ближе, можно сказать — под рукой, как-то никого не убеждали. Сначала я не понимала, за что на меня так все ополчились, потом аргументы родных заставили меня немного поколебаться в своей правоте и я пришла к выводу, что, пожалуй, и в самом деле в своем желании обратить на себя внимание зашла немного дальше, чем надо...

Панна Эдита! Конечно же, эта огромная и толстая баба в крупные зеленые горохи была панна Эдита! Постаревшая, растолстевшая, в парике, но она! Таких больших фарфоровых глаз невероятной голубизны больше в мире нет! Это панна Эдита, сомнений быть не может!

Осторожно усаживаясь за руль машины — как бы не испачкать сиденье яйцами в сметане, — я не переставая думала о своем открытии. Женщина, преследующая Тересу, оказалась ее довоенной приятельницей, и что из этого следует? За что она ополчилась на Тересу? Ну, стукнула я ее по мягкому месту, так это когда было! Подумаешь, большое дело! Да и стукнула ведь я, а не Тереса. Даже если Эдита смертельно обиделась, как говорится, обиделась на всю жизнь, при чем тут Тереса?

— Как видишь, я сделала все, что в моих силах, — грустно произнесла я, демонстрируя Лильке бразильский сувенир в весьма жалком состоянии. — Надеюсь все-таки, кое-что отстирается, оборку удастся пришить, будет почти незаметно, но согласись, я неплохо справилась с заданием!

— Гениально! — восхитилась Лилька. — Тем более, что смола сзади вряд ли отстирается. Как тебе удалось? В катастрофу, что ли, попала?

— Почти. Побочные результаты расследования. А вот откуда же смола взялась? Я и не заметила. Знаешь, какое открытие!

— Я тебе так благодарна за платье, так благодарна! Какое открытие?

— Сейчас все расскажу, дай только умоюсь немного и переоденусь. А где наши?

— Бабы пошли с Тересой осматривать Ротонду, оказывается, она ее никогда не видела. А отец отправился поудить рыбку. Его-то не похитят, ты как думаешь?

— Надеюсь. До сих пор не похищали, с чего вдруг теперь станут?

Часа через два военный совет собрался почти в полном составе. Могу заявить без ложной скромности: мое сообщение о панне Эдите привело всех в шоковое состояние. И мамулю, и ее сестер.

Сначала мне просто не поверили. Люцина сказала:

— Как ты могла запомнить ту сцену, если тебе было всего четыре года? Наверняка что-то перепутала или напридумывала.

Тереса же выдвигала возражения другого порядка:

— За эти годы Эдита наверняка очень изменилась, но все равно... В молодости она была тоненькая, просто фея, очень заботилась о фигуре, вечно сидела на диете. Собиралась стать кинозвездой, а эта баба — толстая корова!

Я стояла на своем:

— Но глаза остались те же! А глаза у Эдиты, согласись, были редкого цвета — ультрамариновые, как нарисованные на фарфоре. И заметьте, я видела ее точно под тем же углом зрения, как и в памятной сцене — снизу. Тогда в силу возраста, а теперь из-за того, что сидела на земле. И тогда, и сегодня смотрела на нее снизу вверх. И сразу вспомнила!

Мамулю мучило совсем другое.

— Интересно, где я тогда была? — раздраженно допытывалась она. — Наверняка не было меня дома, иначе бы девчонка на всю жизнь запомнила и порку!

Люцина не упустила удобного случая подколоть сестру:

— Где была, где была! Наверняка на свидание умчалась, вечно ведь с ухажерами бегала, а ребенка подбрасывала нам, как сироту несчастную!

— А теперь слушай внимательно, узнаешь, каким я была несчастным ребенком, — сказала я Лильке. — Интересно, как у меня еще на этой почве комплексы не появились! Эй, хватит шуметь! Вернемся к Эдите! А ну, расскажите, что с ней происходило после того достопамятного происшествия? После войны я о ней вроде ничего не слышала.

Три сестры вдруг замолчали. Тереса переглянулась с тетей Ядей, причем так многозначительно, что остальные выжидающе уставились на них.

— Доробек! — прошептала тетя Ядя. — Это случайно не Доробек был?

— Нет, — подумав, ответила Тереса. — Его фамилия была Войдарский. Я хорошо помню. Но он ее бросил, и она вышла замуж за другого.

— Вот именно, — еще тише шепнула тетя Ядя. — За Доробека...

И они опять уставились друг на дружку. Разговор велся за ужином, и теперь вот над накрытым столом явственно повеяло тайной. Тайна окутала и жареную куру, и творог с укропом. Тайна давних лет, их далекой молодости, романтическая тайна! Тереса с тетей Ядей были всегда подругами, близкими подругами, их дружба уходила в далекое прошлое. Сколько я себя помню, они всегда были вместе. И делились друг с другом секретами, о которых никто в семье и понятия не имел. И вот теперь эти древние, можно сказать, исторические секреты вдруг выползают на свет Божий под воздействием непонятных, таинственных событий наших дней...

— Да чего уж там, — примирительно бросила Люцина, — выкладывайте все как есть. Нечего строить такие таинственные мины! Было — прошло, теперь уже можно и нам сказать. Да и мы и сами кое-что знаем. Ведь эта ваша Эдита была... ну, такая...

— Гулящая! — подсказала я. Господи, сколько же можно тянуть?!

– А ты откуда знаешь? – набросилась на меня Тереса.

Я удивилась – словечко бросила наобум, только бы заставить их разговориться и, выходит, попала! Хотя, не совсем наобум, что-то, наверное сохранилось в детской памяти, о чем прямо не говорили, вечно намеками. И теперь, когда все они так жмутся...

– Если не гулящая – так и скажите – святая Цецилия, но говорите же хоть что-нибудь!

Тетя Ядя неуверенно произнесла:

– Не знаю, не знаю... Но ведь Эдита и в самом деле вышла замуж, хотя это уже произошло позже, в войну, и все мне кажется – за этого самого Доробека...

– Соображайте! – рассердилась я. – Младшему Доробеку девятнадцать лет, старшему в два раза больше, значит, тридцать восемь, значит, родился он... минутку... да, родился в 1937 году. Так сколько же лет этой Эдите? И что, когда я ее огрела по заднице, она уже связалась с Доробеком? Сами видите – не сходится. А ну рассказывайте! Ни за что не поверю, что Эдита вышла в войну замуж за мальчишку, которому... минутку... было от двух до восьми лет!

Тереса сидела молча, угрюмо опустив голову. Тетя Ядя бросала на подругу робкие взгляды, не зная, на что решиться. Мамуля тоже молчала. Люцина пожала плечами:

– Не понимаю я вас! Неужели и теперь, через сорок лет, вы еще собираетесь скрывать от нас, что этот самый Доробек был внебрачным ребенком? Скажите, какие страшные секреты! Да

кому сейчас какое дело до этого? К тому же мне сдается — не Доробек это был, никакого Доробека тогда она не знала.

— Ну, наконец-то кто-то решился произнести это вслух! — с облегчением проговорила тетя Ядя. — Ты права, это был не Доробек, я вспомнила. Доробек признал ребенка своим, а вышла она за этого... ну как его... опять вылетело из головы!

— За Войдарского! — с раздражением бросила Тереса. — И не вышла, а просто связалась. Вы не представляете, сколько мне тогда сил стоило скрыть это ото всех! Нет, нет, и представить себе не можете! Вот эта змея подколодная, — Тереса кивнула в сторону своей средней сестры, — о чем-то догадывалась, пронюхала уж и не знаю как, мамуля, моя мамуля, тоже о чем-то догадывалась. А было нам с Эдитой всего по семнадцати... Не ошибаюсь? Да, семнадцать лет нам было! Ну а потом вышла за Доробека и ему приписала ребенка!

Мамуля упрекнула младшую сестру:

— Неужели ты ничего этого не вспомнила, когда Марек спрашивал нас, не знаем ли мы такую фамилию — Доробек?

— Фамилия не вспомнилась. А все происшедшее с Эдитой я, конечно, помнила.

— Выходит, это наш Доробек-старший? — уточнила я, ибо все эти поколения путались в голове. — А Доробек младший, если я правильно понимаю, приходится ей внуком?

— Да, приходится, — рассеянно бросила Тереса, утонув в воспоминаниях. — Какая сложная штука жизнь! Я ведь была влюблена в того самого

Войдарского, смертельно влюблена! А он связался с Эдитой, сделал ей ребенка, а потом бросил и принялся ухлестывать за моей сестрой!

— За кем именно? — заинтересовалась мамуля.

— Не за мной же! — ехидно заметила Люцина.

Мамуля страшно удивилась:

— Неужели за мной? Что вы говорите! Первый раз слышу. Вот теперь действительно смутно припоминаю, вроде и в самом деле был какой-то парень, из-за которого на меня дулись и Тереса, и Эдита. Выходит, из-за Войдарского? Почему же я его совсем не помню?

— А потому что за тобой тогда ухлестывал тот придурочный граф, что потом застрелился на могиле своего прадеда! — с удовольствием выдала семейную тайну Люцина. — Ты была занята графом, на других не обращала внимания.

— Все ты врешь! — разгневалась мамуля. — Вовсе не на могиле, а просто на кладбище...

Я почувствовала, как мы стремительно удаляемся от панны Эдиты.

— Стоп! О мамулиных поклонниках поговорим в другой раз, сейчас давайте закончим с Эдитой. Если у нее был внебрачный Доробек, то есть, пардон, внебрачный Войдарский, которого она потом подбросила законному Доробеку, это ее личное дело. У незамужней девушки родился ребенок — большое дело! Зачем же сразу обзывать ее гулящей? Даже до войны таких еще не называли гулящими.

— Это было уже после войны, — поправила меня тетя Ядя.

— Тем более. Да и вообще все выглядит благопристойно: грешная дева не задушила плод любви, вышла замуж официально, ее муж официально же признал ребенка своим. Ох, не все вы мне сказали...

Старшее поколение не торопилось с ответом. Прошло немало времени, долгие минуты тягостного молчания, пока Тереса не произнесла:

— У нее был не один такой Войдарский, можно сказать, целые стаи Войдарских...

— И от всех них у нее рождались внебрачные дети?

— Ну что привязалась? Не хочется вспоминать об этом...

Тетя Ядя снова бросила на подругу быстрый взгляд и многозначительно кашлянула. Ох, наверняка не все секреты молодости выложили, было там что-то еще. Может, то самое, что поможет разгадать наш секрет?

Старшее поколение упорно молчало. Отозвалось младшее в лице Лильки:

— Все это прекрасно. Но разговор ведется о каких-то Доробеках и Войдарских. А подозрительная баба, если мне память не изменяет, носит фамилию Уолтерс. И приехала она из Канады. Разъясните, пожалуйста.

— Вот именно, — сказала Люцина, с подозрением глядя на меня. — Не ошиблась ли ты? Это и в самом деле та самая Эдита?

И все завертелось сначала. Я принялась доказывать, что не ошиблась, что историческую сцену запомнила на всю жизнь, что таких глаз больше на свете не встретишь, что имя совпадает. А главное, глаза — как у куклы, большие, фарфоровые.

Люцина сомневалась, что маленький ребенок в состоянии так все хорошо запомнить, мамуля добивалась разъяснения относительно стай прочих Войдарских, тетя Ядя явно порывалась что-то сказать, но не решалась.

Лилька потеряла терпение и потребовала от Тересы хорошенько вспомнить всех своих канадских знакомых. Тереса постаралась сосредоточиться, но у нее плохо получалось, и она заявила, что постарается вспомнить утром на свежую голову, а сейчас уже ночь и она устала.

Тут только мы спохватились. И в самом деле, глубокая ночь, а отца до сих пор нет! Эдита моментально вылетела из головы.

– Куда он отправился удить? – вскричала мамуля. – Надеюсь, не далеко?

– Не очень далеко! – неуверенно ответила Лилька. – Но если прозевал последний поезд или автобус, то сейчас возвращается пешком.

– А мог и остаться на рыбалке на ночь, – успокоила я мамулю. – Он часто говорил – на рассвете рыба лучше всего клюет, может, решил поудить на рассвете.

– Только бы с ним ничего не случилось! – вскричала тетя Ядя.

Отец располагал неограниченными возможностями. Кроме уже упомянутых – опоздал на поезд и решил остаться до утра, он мог еще попытаться переплыть Ользу. Тогда его задержали бы наши пограничники. Мог переплыть Ользу, тогда его задержали бы чешские пограничники. Мог заблудиться. Мог утонуть. Мог вообще забыть о том, что пора возвращаться домой. Да мало ли чего еще он мог?

— Наверняка идет пешком, к утру доберется, — подвела итог Люцина, на что мамуля отозвалась зловеще:

— Пусть только вернется...

К утру отец не вернулся. Вот, в нашей семье теряется уже второй человек. Может, это заразное? Завтрак прошел в нервной обстановке. Мы вяло жевали и продолжали строить всевозможные предположения, как вдруг кто-то позвонил в дверь. Я открыла и никого не увидела. Взглянув под ноги, я обнаружила под дверью голубой конверт и одновременно услышала, как кто-то сбегает вниз по лестнице. Сбежав вслед за неизвестным, я выскочила из подъезда, но никого не увидела, как ни осматривалась во все стороны. Пришлось вернуться наверх.

В голубом конверте оказалось письмо, изготовленное по всем правилам криминального искусства — вырезанные из газет отдельные буквы и целые слова, наклеенные на кусок бумаги.

Письмо гласило:

"Пана Яна не выпустим до тех пор, пока Тереса не отвяжется. Через три дня начнем его морить голодом! Если обратитесь в милицию, сразу ликвидируем — утонет на рыбалке. Тереса должна немедленно уехать".

Подписи никакой не было. С ужасом взирали мы на страшное послание, еще не до конца осознав весь его смысл. О таком до сих пор приходилось только читать в детективах, и вот теперь мы столкнулись с ним в действительности.

— Чья-то глупая шутка, — неуверенно проговорила Лилька, а Люцина тоже неуверенно предложила:

— Тереса, может, отвяжешься?

— И ты тоже? — вскинулась Тереса. — От чего отвязаться, Езус-Мария?!

— Не знаю, но вот здесь пишут...

— Значит, Янека таки похитили? — с ужасом осознала Лилька. — Как у меня язык не отсох, когда я такое предположила! Может, накаркала.

До мамули с тетей Ядей дошло. Люцине пришлось приводить их в чувство. Тереса была свободна и могла наброситься на меня:

— Неужели твой Марек ничего не может сделать! Для чего тогда приезжал, нас расспрашивал? Пусть немедленно займется поисками твоего отца! Ничего не понимаю из этого дурацкого письма. Почему я должна уехать через три дня?

— Не волнуйся, — успокаивала я тетку. — Через три дня они только начнут морить отца голодом, а без пищи человек может выдержать и сорок дней, я читала. Главное — не сообщать в милицию, а мы и не собирались этого делать. Интересно, где они отца отловили? И куда спрятали? Лилька, ты не знаешь, нет ли здесь поблизости какого заброшенного бункера или, на худой конец, сарая, коровника или еще чего в этом роде? Не возят же его всю дорогу в своем "пежо"!

Лилька так разволновалась, что у нее тряслись руки и язык заплетался.

— Бункерей и сараюх тут навалом! То есть я хотела сказать — бункерюх и разных таких... В общем, полно. Постой, надо подумать, где он мог ловить рыбу. Не знаешь, может, поехал в Устроне?

— В Устроне я вчера видела Эдиту, а куда поехал отец — не знаю. Но они могли ведь увезти

его куда угодно! Голова идет кругом. Может, это действительно чья-то глупая шутка?

— Ничего себе шутка! — трагическим голосом вскричала мамуля. — Ведь отец не вернулся на ночь! Его нет!

— Я бы так не волновалась, — успокаивала нас Люцина. — Подержат и отпустят, ничего ему не сделают.

— Как отпустят, если Тереса не желает отвязаться и уезжать тоже не собирается? И вообще, не шевелится!

— Нет, вы все с ума посходили! — вышла из себя Тереса. — Что вы ко мне привязались? Что я, по-вашему, должна делать? Что значит "не шевелится"?

— И в самом деле, могла бы немного побегать с чемоданами, что тебе стоит? Пусть думают — ты испугалась и собираешься уезжать.

Если отправители письма надеялись посеять смятение в наших рядах, то им это удалось как нельзя лучше. Посеяли, и такое грандиозное, что ничего толкового мы придумать просто были не в состоянии. После долгих препирательств придумали следующее: делаем вид, что испугались. Особенно испугалась Тереса, решила отвязаться от всего на свете и поспешно сматывается. Мы все вместе с ней. В панике загружаемся в машину и мчимся куда глаза глядят. Добираемся до какого-нибудь безопасного места, убеждаемся, что за нами никто не следит, и прячемся там. Пережидаем. Затем оставляем машину в укромном месте, а сами поодиночке прокрадываемся к Лильке и тихо сидим в ее квартире, не высовывая наружу и носа. Сидим спокойно, ждем Марека.

План, разумеется, не ахти, но мне казалось, главное — продемонстрировать какую-то реакцию на письмо негодяев. Пусть думают — мы испугались угроз и покорно выполняем их условия, лишь бы они пока воздержались от дальнейших действий. Я и в самом деле беспокоилась об отце. План был принят единогласно.

Через час, ровно в полдень, состоялся наш показательный отъезд. Надеюсь, прощальную сцену мы разыграли достаточно убедительно. Лилька поочередно падала нам в объятия, мы бесконечно лобызались и отирали слезы, в багажник загрузили пустые чемоданы и сумки, не забывая сопеть и сгибаться под их тяжестью, машина наконец двинулась с места, а Лилька еще долго махала нам вслед посудным полотенцем, ибо носовой платок несомненно притаившиеся где-то в укрытии злоумышленники могли и не разглядеть.

Моя команда в общем вела себя в соответствии с разработанным заранее сценарием, только время от времени выпадая из роли. Как, например, Тереса при отъезде.

— Ты что, забыла, что должна заливаться в три ручья и сморкаться в платок? — прошипела я, садясь за руль. — И вы все! Представление еще не кончилось, а ну всем реветь!

Люцина послушно взревела, да так, что спугнула лошадь угольщика, стоявшую поблизости. Мамуля закрыла лицо поспешно выхваченной из торбы тряпкой и принялась громогласно сморкаться. Тереса с криком набросилась на нее:

— Нашла во что сморкаться! Отдай шарфик!

Как я ни старалась, нигде не могла заметить вишневый "пежо". Опасность для нас представлял

также молодой Доробек на мотоцикле. Избавиться от этой потенциальной опасности поможет лишь хорошая скорость, поэтому, выехав из Чешина, я нажала на газ.

— Следи за дорогой! — велела я мамуле. — Тут скоро будет Прухна, а потом не пропустить бы указатель на Бонков. Внимательно гляди, не пропусти!

Движение на шоссе было не очень оживленным, но грузовики и особенно громадные контейнеры международных перевозок мешали следить за интересующими нас транспортными средствами. Очень может быть — за нами увязалась погоня, вот я и гнала во всю мочь, а каждый обгоняемый грузовик давал приятное ощущение — еще одна преграда между нами. Мотоциклов попадалось много, но ни один из них не увязался за нами. Пока что на горизонте не было Доробеков с панной Эдитой, возможно, их удовлетворила прощальная сцена. И все-таки я на всякий случай скорости не снижала.

— Прухна! — громовым голосом вскричала мамуля. — Вправо!

Затормозив на полном ходу, я под пронзительный писк тормозов свернула вправо, не успев подумать, надо ли. Асфальт кончился через десять метров, булыжник через сто, и, оказавшись на грунтовой проселочной дороге, я сбросила скорость, ведь с шоссе нас уже не было видно. Передо мной тащилась лишь одна повозка, вдали стеной темнел лес. Доехав до первых деревьев, я остановилась.

— Что-то не то, — сказала я мамуле. — Ты уверена, что именно здесь надо было свернуть? Где же Бонков?

— Ты мне велела следить за Прухной, — обиделась мамуля. — Вот я и уследила. А куда делся твой Бонков — не знаю. Я его не украла.

Разобравшись с картой, я поняла, что свернула с шоссе на три километра раньше. Мамуля опять подкачала. Ничего не поделаешь, возвращаться не буду, выберусь отсюда по другой дороге к шоссе, чтобы кружным путем вернуться потом в Чешин. Только вот придется поездить по полевым дорогам и прочим проселкам.

— Ох, в недобрый час захотелось тебе поездить по проселочным дорогам, — упрекнула я Тересу, трогаясь с места. — Куда уж проселочнее...

— Зато как тут красиво! — воскликнула Люцина. — Нам ведь все равно надо ждать до вечера, вот давайте тут и подождем. Лес под боком...

— Проедем немного дальше. Глубоко в лес не сунемся, вечером могу и не выехать. Машину спрячем в кустах.

Остаток дня мы провели, прямо скажем, очень мило. Лес оказался совершенно безлюдным, хотя в нем росла и земляника, и черника, и малина. Вот только грибов не было. Продовольствия мамуля в своей торбе запасла вполне достаточно. Обнаружили мы и воду. Неподалеку оказались какие-то озера. Ознакомившись с ними поближе, мы решили, что это пруды, в которых крупные хозяйства разводят рыбу. Пруды довольно запущены, но все равно вода, в жаркий день приятно. На берегу одного из прудов мы провели день. Солнце клонилось к западу, мы решили собираться в обратный путь. И тут обнаружилось, что куда-то задевалась Люцина.

— Нет, с этой семейкой не соскучишься! — возмущалась мамуля. — Обязательно кто-то потеряется.

Что делать? Сигналить нельзя, кричать и звать Люцину тоже нельзя, раз мы здесь скрываемся. Вряд ли Люцина заблудилась. И сомнительно, чтобы позволила себя похитить. И вряд ли утонула. Так куда же она подевалась?

— Что же делать? — злилась Тереса. — Уехать без нее нельзя, но мы ведь не можем ждать ее до бесконечности?

— Вот в точности так мы рассуждали, когда ты пропала, — упрекнула ее старшая сестра. — Неизвестно, что делать. Глупейшее положение!

— Могла бы уже научиться на моем печальном опыте и не пропадать почем зря! А вы тоже должны бы уже знать, что делать в таких случаях.

— Но для меня это в первый раз, — жалобно оправдывалась тетя Ядя.

Мы стали решать, кто из нас отправляется на поиски, а кто остается у машины ждать, но тут появилась Люцина. Она бежала к нам бодрой рысью со стороны прудов. Увидели мы ее, когда она была еще довольно далеко от нас, и даже подумали, что кто-то за ней гонится, но никого не заметили. Похоже, бежала добровольно. До нас добралась запыхавшаяся, но с каким-то таинственным выражением лица. И кричала уже издали:

— Что я обнаружила! А ну пошли за мной! Все, все! Разве что старшую мою сестру оставим, ей за нами не угнаться. Возьми в руки дубинку и стереги машину, враг близко!

Мамуля, услышав о врагах, сразу пришла в нужное настроение, как боевой конь при звуках трубы, и, ни о чем не спрашивая, схватила валявшийся поблизости толстенный сук. Воинственно размахнувшись для пробы, она мстительно вскричала:

– Уж я этим негодяям покажу! А с особым удовольствием огрею Эдиту, давно бы следовало!

С трудом избежав удара дубиной, я быстро заперла машину, мамулю с ее дубиной и воинственным настроением усадила на пенек и кинулась догонять теток, которые, не дожидаясь меня, уже бежали за Люциной. Та вела нас напрямки через луг, ничего не желая объяснять. Я поравнялась с тетей Ядей. Она сопела вовсю и на бегу выталкивала из себя сомнения:

– Слушай... а она... не спятила?

– Откуда мне знать? В нашей семейке все возможно, но на Люцину не очень похоже. Видно, и в самом деле наткнулась на что-то интересное.

Люцина, видимо, устала, потому что снизила скорость и перешла на мелкую рысцу. Бежали мы вдоль берега одного из прудов, то выходя на протоптанную рыбаками тропинку, то продираясь сквозь кусты. Похоже, мы обогнули уже две трети водной глади, и теперь расстояние до оставленной машины было короче, чем то, что мы пробежали.

Я поравнялась с лидирующей Люциной и задыхаясь прокричала:

– Люцина, что на тебя нашло? Если ты и в самом деле обнаружила что-то интересное за прудом, так ведь с той стороны было ближе! Обязательно нужно бежать вокруг прудов?

— Тихо! — тоже задыхаясь прошипела Люцина. — С той стороны и в самом деле ближе, но с той стороны кто-то прячется! Затаился в камышах! Думаю, они! А теперь уже немного осталось, надо осторожненько подкрасться.

Густые заросли тростника подходили к самой воде. Обогнув пруды, мы теперь оказались к востоку от них, водная гладь простиралась к северо-западу, и все находившееся на ее фоне отчетливо просматривалось в лучах заходящего солнца.

Думаю, очень интересно было наблюдать за четырьмя бабами разного возраста, которые на манер индейцев старались незаметно прокрасться к воде сквозь заросли высокой травы и тростника. Люцина держала курс прямиком в озеро, и у меня зародились нехорошие подозрения, что она обнаружила в воде утопленника и во что бы то ни стало желает нам его продемонстрировать. Немного не доходя до воды, Люцина внезапно остановилась и повелительным жестом велела нам затаиться на краю зарослей. Затем указала на воду.

Я увидела перед собой небольшую дамбу, отходящую от берега под прямым углом, а на ее конце — строение, очень напоминающее по внешнему виду и по размерам деревенский нужник. Палец Люцины указывал именно на это сооружение, естественно, мы и уставились на него во все глаза. Из небольшого окошечка нужника высовывалась длинная и тонкая палка, другой конец которой погрузился в воду. На наших глазах палка резко дернулась, на конце лески трепыхнулась крупная рыба, из окошечка высунулась рука и, подхватив рыбу, скрылась с ней внутри.

— Ну? — с торжеством спросила Люцина. — Что скажешь?

— Езус-Мария, неужели отец? — не веря глазам произнесла я.

— А кто же еще? Похищен преступниками и посажен под замок. Я знаю — это он, удалось подсмотреть в щель. Что делать — не знаю, потому как они сидят в кустах напротив.

Час от часу не легче! Голова пошла кругом от обилия впечатлений. Что предпринять? Топография местности была для нас весьма неблагоприятна. Между нами и нужником, в котором был заточен отец, простирался кусок не заросшего тростником луга шириной в несколько метров, ни кустика на нем, ни деревца. По другую сторону пруда, наоборот, виднелись сплошные заросли, в них-то, по словам Люцины, и притаился враг.

— А ты откуда знаешь, что они там? — спросила я ее.

— Видела, — шепнула в ответ Люцина. — Когда я отсюда собралась бежать за вами, заметила, что там что-то шевелится. Поглядела — похоже, человек.

— Ты знала, что здесь бандиты, и ушла, оставив Янека одного? — возмутилась Тереса. — Не помогла ему?

— А что я могла одна сделать? Сразу за вами бросилась...

— А мы что сделаем? — простонала тетя Ядя. — Ведь они же сразу нас заметят! Как его спасти? Как пробраться к нему незаметно? Такой кусок голого луга!

Тереса была явно в воинственном настроении:

— Незаметно не получится — и не надо! В конце концов, что они нам сделают? Думаешь, стрелять начнут?

— На сарае висит замок, — информировала Люцина. — Ключа у нас нет. С замком придется повозиться. Они могут нам помешать.

— Так что же делать?

Из окошечка нужника опять высунулась удочка, поплавок опустился в воду. Враг по ту сторону пруда оставался невидимым и неслышимым. Ужасная перспектива до конца дней своих оставаться в засаде, вздрагивая от плеска каждой выловленной отцом рыбы и от каждого шума по ту сторону пруда, подтолкнула к творческой деятельности мой отупелый мозг. План операции созрел мгновенно.

— Пусть одна из вас, скрываясь в зарослях, выйдет им в тыл и отвлечет на себя их внимание! — шепотом поделилась я своими соображениями с тетками.

— Как привлечь их внимание? — спросила тетя Ядя.

— С шумом продираться сквозь заросли, орать песню, швырять камни. Нет, Тересе не стоит, ее сразу опять похитят, кто-нибудь другой. Лучше мы с Тересой за это время пробежим лысый участок и освободим отца.

Тетя Ядя самоотверженно заявила — она вызывает огонь на себя, в конце концов, речь идет о спасении ее родного брата. Сделает она следующее: незаметно доберется вон до той березы и оттуда даст знак, что начинает операцию по отвлечению внимания неприятеля. Какой знак? Махнет чем-нибудь, а мы обязаны ответить — видим и

понимаем. И приготовиться форсировать лысый отрезок луга.

Думаю, план был хорош. Правда, лично мне не доводилось принимать участия в военных операциях, в партизанах тоже не довелось побывать, но я много читала и знаю, что подобные операции всегда строятся на факторе отвлечения внимания неприятеля. Сколько раз читала – поднимают в тылу стрельбу и прорываются с фронта. У нас не было ни оружия, ни боеприпасов, поднять стрельбу было нечем. Я подумала – может, поручить тете Яде для пущего отвлечения внимания врага поджечь что-нибудь у него в тылу, но отказалась от этой мысли. Люцина подожгла бы не раздумывая, а вот тетю Ядю вряд ли удастся подбить на что-нибудь такое.

У нужника затрепетала на удочке очередная рыба. В ожидании сигнала от тети Яди я наблюдала за рыбацкими успехами отца, как вдруг мне показалось, что его тюрьма покачнулась. Вроде бы наклонилась немного вперед, слегка покачалась и замерла. В глазах рябит, что ли? Не мигая смотрела я на подозрительную будку, а она опять вдруг качнулась.

Тереса нервно шепнула:

– Тебе не кажется, что этот нужник двигается?

– Шатается, – с беспокойством подтвердила Люцина. – Что в нем там твой отец выделывает? Отплясывает, что ли?

В этот момент будка качнулась сильнее, и я не помня себя вскочила на ноги.

– Господи, он того и гляди опрокинется в воду! Глядите, с той стороны бревна совсем под-

гнили, рухнут как пить дать! Плевать мне на вашу Эдиту, надо спасать отца, пока не свалился в воду!

— Движется! — вскрикнула Люцина.

— Я и говорю — будка движется! Скорей на помощь отцу, может, удержим ее как-нибудь.

— Да не будка! Вон, враг движется! В том самом месте, как я и говорила!

События вдруг стали развиваться в хорошем темпе. Будка не только сильно раскачивалась, но и стала трещать. Неприятель в зарослях тоже принялся проявлять активность — трещал и раскачивал верхушки камыша. И даже уже частично просматривался.

— Видишь его? — лихорадочно шептала мне Люцина. — Вот теперь хорошо видно! Вот же он, в черном костюме и белой рубашке!

— Падает! — не своим голосом заорала Тереса.

И в самом деле, будка с отцом опасно накренилась и стала скользить к воде. Наплевав на конспирацию, не спрашивая Люцину, с чего вдруг неприятель разоделся, как на званый вечер, если предполагал сидеть в засаде в камышах, я кинулась спасать отца. Тереса и Люцина устремились за мной. И тут из зарослей выскочил какой-то человек и, опередив нас, кинулся к падающей будке. Я не успела испугаться, так как узнала Марека. На расспросы времени не было — деревянная будка замерла над самой водой в позе Пизанской башни.

— Не напирайте! — крикнул Марек, торопливо срывая запор с двери с помощью какой-то

железной штуки. — Да не напирайте же так, ведь каждую секунду может свалиться!

Дверь нужника наконец распахнулась, и нашим глазам предстало ужасное зрелище: будка, не имевшая пола, а просто поставленная на деревянные доски дамбы, наполовину нависла над водой, а вместе с ней нависла и скамейка, на которой стоял отец, спиной к нам. Нет, не стоял, полулежал, выставив наружу голову и руки и самозабвенно вытаскивая очередную рыбу. За ним, на прочных досках дамбы, стоял рюкзак, полный крупных карпов.

Не знаю, как долго стояли бы мы неподвижно, ошарашенные увиденным, если бы Тереса не поскользнулась на карпе. Падая, она сбила с ног Люцину, и они обе с размаху сели на доски. Сотрясения оказалось достаточно — хлипкое равновесие нарушилось и будка с отцом рухнула в воду.

Спасать утопающего оказалось очень непросто, хоть пруд не был глубоким. Стоя по пояс в вязкой жиже, Марек изо всех сил пытался приподнять будку, откуда доносилось бульканье застрявшего в окошечке отца. Сидя на карпах, вывалившихся из рюкзака, Люцина изо всех сил цеплялась за доски помоста, чтобы тоже не съехать в воду. Тереса вскочила, чтобы броситься на помощь отцу, но застряла ногой в дыре помоста и не могла сдвинуться с места. Зато с высоты дамбы заметила знаки, подаваемые тетей Ядей.

— Ядя машет! — крикнула она. — Смотрите! Они выходят! Сейчас бросятся сюда!

Дикий ужас, прозвучавший в ее голосе, придал нам с Мареком сил, мы поднатужились и вытащили отца из окошка будки. Отец чихал и пле-

вался, изо рта и носа у него текла черная жидкость. Но удочки из судорожно сжатой руки не выпустил!

В неудобной сидячей позиции Люцина пыталась переловить карпов, которые десятками соскальзывали в воду. Тереса помогла ей встать и крепко держала, чтобы она сама не соскользнула туда же. Тересе эта опасность не грозила – держала нога, намертво застрявшая в дыре доски. Люцина с криком вырвалась у нее из рук и попыталась ухватить уцелевших карпов, запихивая их обратно в рюкзак. Тетя Ядя под березой отчаянно размахивала чем-то белым, размерами напоминающим простыню. К нам стремительно приближался враг, судя по быстроте, с какой над ним раздвигались и смыкались камыши. Вот кусты расступились, и нашим глазам предстал неприятель. Увидели его лишь мы с Тересой.

– Люцина, – странным голосом обратилась к сестре Тереса, – глянь, так Янека стерег этот тип в черном костюме?

Люцина на минуту оторвалась от рюкзака с рыбой и глянула. Марек тоже на минуту оторвался от отца, из которого вытряхивал остатки ила и грязи, и тоже глянул.

Враг в облике большой черно-белой коровы не торопясь, с достоинством прошествовал по краю луга в направлении тети Яди.

– Там кто-то машет вам, – произнес вдруг отец, и это несомненно свидетельствовало о том, что он уже вне опасности, – почему вы не отвечаете?

...ПРИТАИЛСЯ
ВРАГ.

Думаю, не наши ответные махания и крики заставили тетю Ядю выбрать прямой путь, а именно направлявшаяся к ней корова. Тетя Ядя поспешно покинула свой пост, не стала соблюдать маскировку, а примчалась к нам по лугу, держась от коровы на почтительном расстоянии. В руке у нее оказалась нижняя юбка.

Люцина отражала нападки Тересы, твердо придерживаясь своей концепции:

— Ну что привязалась? Отстань. Ты и впрямь, как вцепишься... Сначала был там человек в черном костюме, а потом пришла корова!

— Слепая команда! — оскорбляла ее Тереса. — Коровы от человека отличить не может! В черном костюме и белой рубашке! А из-за тебя Янек чуть не утонул! Столько шума из ничего! Сидели бы в укрытии до сих пор! Янек чуть не утонул!

— А чего он так дергался в своей будке?

— Дамы разрешат мне снять брюки? — вежливо спросил Марек. — Не мешало бы их немного сполоснуть здесь, на мостках.

Я теребила отца:

— Папуля, почему ты не сбежал из этого нужника? Поднажать — он бы и разлетелся.

— А зачем мне сбегать? — удивлялся отец. — О, ровно двадцать один карп! Ведь у меня еще никогда рыба так не клевала!

— Я думаю, будет клевать, если удить в пруду, где рыбу специально разводят! — ехидно заметила Люцина. — Давайте-ка отсюда сматываться скорее, пока сторож нас не прихватил!

— Янек, как же ты позволил себя похитить? — допрашивала отца Тереса. — И не дал нам знать! Мы голову ломали — где тебя искать.

Отец удивился еще больше:

— То есть как это похитить? Никто меня не похищал. Сюда меня привезла одна пани, очень симпатичная, сказала — знает место, где превосходно клюет, и в самом деле клевало замечательно. Не очень удобно было ловить через такое маленькое окошечко, но она просила удить из будки, чтобы другие не заметили, а то сразу сбегутся рыболовы со всей округи. Хорошо, что у меня был с собой рюкзак.

— Так ты даже не заметил, из какого пруда ловишь?! Ведь здесь же специально разводят карпа!

Только теперь отец глянул на простирающуюся перед ним водную гладь. Вечерело, но еще было достаточно светло, чтобы понять, что это за водоем.

— Поразительно! — недоуменно произнес он. — И в самом деле, вроде пруды для разведения карпа, но ведь тогда та женщина не стала бы меня сюда привозить! А из окошечка я видел лишь немного воды и все. Нет, невозможно, чтобы это была рыбоферма.

— Откуда вообще взялась та женщина?

— Встретилась мне ночью, когда я пешком возвращался с рыбалки, потому что опоздал на поезд. А она ехала на машине.

Тетя Ядя упрекнула брата:

— И ты не подумал о том, как мы будем волноваться? Неужели нельзя было попросить ее сначала подвезти тебя домой?

— Нельзя, она ведь ехала в другую сторону. А о семье я не беспокоился, потому что женщина обещала сама вам сообщить, и вы приедете потом

за мной. Она знакомая Лильки. И наверняка сообщила, раз вы сюда приехали!

Последней фразой отец нас добил. Тереса со стоном схватилась за голову, тетя Ядя заламывала руки.

— Чем же ты питался все это время? — поинтересовалась практичная Люцина.

— У меня были с собой бутерброды и полный термос кофе. А та женщина еще отдала мне и свой завтрак. Я поел, поспал и с рассветом принялся удить. И в самом деле, рыба клевала как зверь!

— А ну-ка посветите мне! — попросила Люцина. — Раз уж все равно крадем рыбу, хочу подобрать всех выловленных карпов. Может, куда еще тут завалились за доски?

Вернулся Марек с мокрыми выстиранными брюками в руках. Я взяла его фонарик и отправилась с Люциной к концу помоста. Отец аккуратно складывал свою драгоценную удочку, Тереса и тетя Ядя причитали над ним.

Я посветила на доски, на которых еще недавно стояла будка. Карпов там не оказалось, но стояла отцовская сетка с термосом, жестянка с крючками, отцовский теплый свитер, и валялась бумага, в которую были завернуты бутерброды. Свитер и жестянку Люцина затолкала в сетку с термосом, а смятую бумагу подобрала, чтобы потом выбросить. Под бумагой, на досках помоста, оказалась какая-то почтовая открытка. Люцина подняла ее.

— А это еще что? Это же надо, где твой отец вздумал хранить корреспонденцию! Сплошь в

жирных пятнах и рыбьей чешуе, боюсь, отсылать ее уже не имеет смысла. Ладно, пусть сам решает.

И она затолкала грязную открытку в сетку, рядом со свитером.

– Погоди, свитер давай вынем, пусть отец наденет, похолодало, как бы после купанья не простудился, – сказала я.

Пока мы шли к машине, Тереса не переставала насмехаться над нами:

– А они еще собирались в милицию сообщать! Хороши! Не дай Бог и в самом деле нас кто увидит! Вы только посмотрите на себя! Марек без штанов, Ядя без нижней юбки, мой шурин – вылитый утопленник, а вдобавок ко всему несем краденую рыбу! А вон на пенечке сидит моя старшая сестра с дубинкой в руках, готовая огреть ею каждого, кто подвернется под руку! В хорошенькой компании я оказалась...

Открытку на следующее утро обнаружила мамуля, когда вытаскивала термос, чтобы его вымыть. В Лилькиной кухне кипела работа: отец с Мареком чистили рыбу, Люцина потрошила ее и мыла, неимоверно счастливая при виде такого количества ее излюбленной пищи.

Вчера вечером заниматься рыбой не стали, и без того добрались до дому чуть живые от усталости. Марек ехал за нами на мотоцикле. На мой вопрос, откуда у него мотоцикл, он спокойно сказал, что стащил его у Доробека-младшего, но обязуется вернуть, так что считает – просто одолжил. Мотоцикл очень пригодился, Марек довез на нем и Тересу. Отца мы посадили в машину: мокрый был и на мотоцикле мог простудиться.

Допытывалась я у Марека и относительно того, как он вообще оказался на берегу озера. Оказывается, после нашего отъезда он появился у Лильки, услышал от нее страшную историю об очередном похищении и вымогательском письме похитителей, ознакомился с нашим планом ввести в заблуждение неприятеля, и его чуть кондрашка не хватил. Многое повидал он в жизни, имел дело с самыми изощренными преступниками и их жертвами, но с такой идиотской историей сталкивался впервые! Найти нас оказалось не столь уж трудно...

— Я знал, что у тебя, как всегда, мама будет штурманом, а об остальном догадаться не составило никакого труда, достаточно было ознакомиться с картой. Я бы удивился, если бы ты свернула в другом месте...

На мотоцикл младшего из Доробеков Марек наткнулся случайно. Мотоцикл очень облегчил ему жизнь. Позаимствовать мотоцикл можно было спокойно, никакого риска, ведь известно, что жаловаться в милицию Доробеки не станут. А совесть его, Марека, чиста, коль скоро он собирался вернуть транспортное средство.

Больше ничего мне Марек вчера не рассказал. Рано утром съездил возвратить мотоцикл, а вернувшись, сразу принялся за чистку карпов. В Лилькиной кухне все было усыпано их серебристой чешуей.

— А это что еще? — спросила мамуля, брезгливо, двумя пальцами извлекая из сетки грязную открытку. — Ты что, сразу принялся писать благодарственное письмо своей незнакомой благодетельнице?

Отец, разумеется, вопроса не расслышал, так как громко шумела вода — Люцина с энтузиазмом мыла рыбу. Марек обернулся.

— Что это у вас? — заинтересовался он.

Люцина тоже обернулась и немного прикрутила кран.

— У Янека завалялось в рыбе, — сказала она.

Я поправила тетку:

— Не в рыбе, а скорей уж в бутербродах. Нашли в том самом нужнике на помосте, куда заточили отца.

Марек еще больше заинтересовался находкой. Вытерев руки, он внимательно оглядел замурзанную находку.

— Написано по-английски, — информировал он нас. — И очень плохим почерком. Кто сумеет перевести?

На кухню вызвали Тересу. За ней, разумеется, увязалась тетя Ядя. И Лилька тоже прибежала, с радостью бросив какие-то домашние дела. В ее кухоньке сразу стало тесно. Написанное на открытке одновременно попытались расшифровать Тереса, Люцина и я, сталкиваясь головами.

— "Мой дорогой Томми, — одновременно произнесли мы с Люциной. — Все идет не так, как предполагалось. Возникли непредвиденные затруднения. Я посетила..." Ну чего придираешься, ладно, пусть "побывала", какая разница? "У меня..." Тереса, никак не разберу, что у нее, Тереса!

Тереса молчала, уставившись на адрес. Молчала долго, поэтому закончила я:

— "Твоя Эдита". Подпись, и все. Что-то у нее такое есть, но я не разобрала. Вроде что-то о людях. Тереса!

Тереса наконец прервала молчание. Оторвавшись от открытки, она выпрямилась и, с ужасом взглянув на нас, произнесла медленно и торжественно:

— А ведь я знаю, кто такой Том Уолтерс из Торонто!

Мы окружили ее. Один отец продолжал спокойно скрести карпа.

— Ну! — торопила младшую сестру мамуля. — И кто же он?

— Ювелир! — вне себя крикнула Тереса. — То есть никакой он не ювелир, а торговец ювелирными изделиями. То есть никакой он не торговец, а коллекционер. То есть не совсем коллекционер...

— Так кто же он, в конце концов? — рассердилась Люцина. — Мясник?

— При чем тут мясник? Он коллекционер.

— И что же он коллекционирует? Драгоценности?

— Да нет, садовые растения. Хобби у него такое.

— Успокойся и скажи наконец внятно, кто же он такой — чем торгует, что коллекционирует, что у него за хобби. Не торопись, по-порядку все изложи, может, мы и поймем. Начни с начала, — предложила я.

Тереса, похоже, меня не слышала. Глядя сквозь меня, она бормотала:

— И эта язва — его жена? Фамилию она могла взять какую угодно, неужели же и в самом деле он на ней женился? Значит, это она! Двоемужница проклятая! Как она могла? А теперь собирается

обвести вокруг пальца несчастных Джорджа и Вивьен?..

И она с такой яростью грохнула кулаком по столу, что с него чуть не свалился термос, который Лилька подхватила буквально в последнее мгновенье. Отец наконец прореагировал — грохот привлек его внимание к нам, опоясавшим Тересу тесным кольцом.

— Что, больше не надо чистить? — спросил он.

— Откуда у тебя эта открытка? — заорала Тереса, развернувшись лицом к отцу. — Всем молчать! Не перебивать! Откуда открытка, отвечай!

Услышать-то отец услышал, но, не видя открытки, не понял, о чем его спрашивают. С недочищенным карпом в руке он приблизился к столу, тщательно вытер карпа о юбку Люцины и с интересом оглядел открытку, в которую Тереса энергично тыкала перстом.

— А что это такое? — спросил отец.

— Это я тебя спрашиваю — что это такое?!!

— Откуда мне знать? — удивился отец. — Открытка какая-то...

Пришлось подключиться мне.

— Оставь его! — сказала я Тересе. — Ты не умеешь разговаривать с отцом, у меня есть опыт. Папа!! Эта открытка оказалась под бумагой, в которую были завернуты бутерброды. Откуда она могла там взяться?

— А, вспомнил! — сказал отец. — Это открытка той женщины, которая меня привезла к прудам. Она отдала мне свой завтрак в бумажке вместе с салфетками. И это оказалось среди салфеток. А обнаружил я открытку, когда та женщина

уже уехала, так что вернуть не мог. Вместе все было — бутерброды в бумаге, салфетки, ну и это. Салфетки бумажные, — счел отец необходимым добавить, видя, что мы молчим и смотрим на него.

Набрав воздух в легкие, я проорала следующий вопрос:

— Откуда она вытащила свои бутерброды?

— А они лежали на полочке, в машине, внизу, ну ты тоже, когда сидишь за рулем, все туда кладешь.

— Точно, — подтвердила я нормальным голосом. — Кладу все, что попадает под руку. Наверное, открытку она собиралась бросить в ящик и в темноте не заметила, что отдала ее отцу вместе с бутербродами. Видимо, это и в самом деле была панна Эдита. Теперь остается только выяснить, кто такой этот мясник, пардон, торговец, пардон, коллекционер...

— Ядя говорит — он жив, а она не развелась, — продолжала Тереса свой монолог, не очень понятный нам. — А коллекционер — как раз тот миллионер, которого я не знаю.

— Что-нибудь одно — знаешь или не знаешь? Решайся, наконец, — потеряла терпение Люцина.

— Лично не знаю, — пояснила Тереса, — но его адрес мне прекрасно известен, мы давно переписываемся. Я ведь тоже увлекаюсь цветами, а он известный в Канаде садовод-любитель, его все знают. Раз он мне прислал семена, которые я давно разыскивала, а я как-то послала ему семена тех цветочков, что вы мне прислали из Польши, забыла, как они называются. И еще я ему посылала семена той самой вашей фиолетовой розы. Вы еще говорили — не вырастет, а у него выросла...

— Роза? — не поверила Люцина. — Из семян?

— Роза! Из семян! Я тут ни при чем! У меня не получилось, а у него выросла. У этого миллионера остались дочь и сын от первого брака. Сам он тяжко болен, скоро умрет, а эта шшш... змея подколодная наверняка собирается перевести на себя все капиталы. А я их знаю, такие симпатичные...

— Так значит, муж Эдиты известный садовод-любитель? — уточнила я.

— Какой там садовод! Он известный торговец драгоценными камнями и ювелирными изделиями, но с тех пор, как разбогател, больше времени уделяет своему хобби. А состояние составил на торговле.

— Не тот ли это ювелир, который подделал твое кольцо? — поинтересовалась тетя Ядя.

— Что ты! Тот мелкая сошка, а этот миллионер! Известный на всю Канаду! Свои дела он ведет честно, его фирма славится на весь мир.

— А теперь помолчите, — потребовала я. — Дайте подумать. Кажется, кое-что проясняется. Вот только не могу понять, зачем она приехала в Польшу. Может, все-таки этот ее Доробек умер и ей потребовалось получить свидетельство о смерти?

— Доробек жив! — заявила тетя Ядя с совершенно ей несвойственным темпераментом. — И даже, если бы умер, сомневаюсь, что Эдита захотела бы получить свидетельство о его смерти. И вообще сомневаюсь, что ей вздумалось приезжать к нему.

— Почему сомневаешься?

— Потому что у них во время войны были... крупные неприятности. Я точно не знаю какие, но помню — были. И у него, и у нее. У него, кажется, больше.

Я взглянула на Марека. Изучив внимательно открытку, он вернулся к прерванному занятию. Я не сомневалась — для него все стало ясным. Если уж в моей голове кое-что прояснилось...

— Скажи что-нибудь! — потребовала я. — Что сидишь, будто тебя тут и вовсе нет!

— Вот именно! — подхватила Тереса. — Что это все значит?

— Мне бы хотелось узнать, кто сейчас живет в Тоньче, — сказал Марек, по своему обыкновению избегая отвечать на прямой вопрос. — Кто-нибудь из ваших родственников?

— Марыська! — ответила мамуля. — Весь июль там живет, у нее отпуск. Но живут они не в доме наших предков, а в фургоне, который поставили во дворе. В доме, кажется, сейчас никто не живет.

— А кому он сейчас принадлежит?

— Наследникам дяди Витольда. Их восемь штук, и они никак не могут разделить наследство. Поэтому Марыська и живет в фургоне.

Похоже, Марек понимал, о чем мамуля говорила, а вот Лилька не поняла и потребовала разъяснений, какой такой фургон и почему Марыська не может жить нормально в доме. Мамуля охотно объяснила:

— Марыська с Хенриком купили вагончик, в котором обычно живут строительные рабочие. Знаете, такой барак на колесах? Оборудовали его и теперь всегда проводят в нем отпуска. В доме

жить нельзя, говорят, вот-вот обрушится, того и гляди крыша завалится. Вагончик поставили поблизости, в поле под деревьями. У Хенрика золотые руки, он бы давно отремонтировал дом, но вот наследники дяди Витольда... Их восемь человек, давно по свету разъехались, связи не поддерживают, пересоренные все страшно и знай только следят друг за дружкой, как бы кто-то не отхватил себе что из наследства. Марыська — добрейшая душа, сколько раз пыталась с ними договориться — все без толку. Вот и приходится жить в фургоне, а дом ветшает. Она сама мне все это рассказала.

— Марыська?

— Марыська. Хенрик тоже рассказывал, но он выражается осторожнее, ведь это не его родные, а ее. То есть наши.

— А с каких пор усадьба перешла наследникам дяди Витольда? — спросил Марек.

— А сразу же после смерти нашей бабушки, — вздохнула мамуля. — Еще до войны.

— Ну что ты глупости говоришь! — рассердилась Люцина. — Не после смерти бабушки, а после смерти дядюшки Витольда. Бабушка умерла в тридцать восьмом году и оставила все дяде Витольду. А уже после него все перешло к этим наследникам.

Какие-то смутные детские воспоминания пронеслись в голове, и мне тоже захотелось коечто уточнить.

— А когда умер дядя Витольд? В войну он был еще жив, помню, раз даже приезжал к нам. Хотя, может, приезжал и не раз, но я запомнила

только один его приезд. Он меня еще катал тогда на велосипеде, и мы раздавили курицу. С тех пор во мне навсегда осталась боязнь раздавить курицу, когда веду машину.

— Странно, — удивилась Лилька. — Для машины куры ведь не так опасны, как для велосипедов.

— Да если бы я даже на танке ездила, все равно объезжала бы их...

Мамуля сказала:

— Дядя Витольд умер в сорок четвертом году. Всеми наследственными формальностями наверняка занимались уже после войны. Дядя Витольд давно болел и за домом не следил, так что разрушаться он начал еще при его жизни.

— А зная наследников дядюшки, можно было заранее предсказать, что при них и вовсе разрушится, — заметила Люцина. — Они перегрызлись друг с другом еще при живом отце. Не знаю, зачем нам все это вспоминать.

Я опять взглянула на Марека. Он скреб очередного карпа так самозабвенно, словно участвовал в конкурсе "Кто больше начистит рыбы", главный приз которого — миллион долларов золотом, а всех, кто займет места ниже третьего, сошлют на галеры. Созревшая у меня в голове неясная концепция обрела более четкие очертания, хотя до конца и не прояснилась.

— Наверняка со всем этим как-то связана панна Эдита. Не случайно же на той карте была Тоньча... Она могла знать наследников дяди Витольда? Могла знать, что он умер, а наследство переходит к ним?

— Не знаю, после войны я уже с ней не водилась. Думаю, могла, потому что прекрасно была в курсе всех дел нашего семейства, — недовольно ответила Тереса. И, обращаясь к сестрам, добавила: — Правда ведь, она всех нас знала с детства? Помню, даже и в Тоньчу приезжала. Как-то раз поехала с нами туда на каникулы.

— А могла она знать, что дядя тяжело болен и усадьба перейдет к его детям? — упорно добивалась я ответа.

— Могла, конечно, — ответила Тереса.

— Не могла, — ответила мамуля. — Как она могла знать, если в Тоньче была еще при жизни нашей бабушки! Тогда еще не было известно, кто из нас унаследует родительский дом.

— Нет, вы только послушайте! — возмутилась Люцина. — Давно всем было известно — дом и хозяйство достанутся дяде Витольду, бабуля не скрывала этого, наоборот, остальным детям заранее выплачивала их долю, чтобы все хозяйство оставить старшему, дяде Витольду, чтобы земля перешла одному из ее детей. Говорили, дедушка на смертном одре так ей наказал...

— Но тогда дядя Витольд еще был здоров.

Тереса и тетя Ядя молчали, только переглядывались. Как-то подозрительно переглядывались. Ох, они явно что-то еще скрывали.

— Тереса, а ну-ка признавайся! — потребовала я. — Наверняка эта самая Эдита бывала в Тоньче и позже. Наверняка знала, что дядя болен, наверняка знала и кому достанется наследство, наверняка знала, что дядя умер и наследство перешло его потомкам. Иначе у меня не сходится...

— А так все сойдется? — ехидно поинтересовалась Люцина. — Все-все?

— Почти все. Во всяком случае, достаточно много. Тереса, признавайся!

Тереса уставилась невидящим взглядом в окно, потом перевела его на нас.

— Что ж, — сказала она. — Наверное, ничего другого не остается, придется рассказать вам. Какое-то время Эдита именно в Тоньче прятала своего ребенка, того самого младенца Войдарского, вернее, Доробека. Один раз и я с ней ездила туда.

— Это что же получается? — возмущенно вскричала мамуля. — А я ничего не знала?

— Так ведь ребенка специально там прятали, чтобы никто не знал, — ответила младшая сестра. — Как же можно было тебе об этом говорить?

— Нет, чтобы я, старшая, ничего не знала! Ведь даже о своей поездке туда ты мне не сообщила...

Люцина, не обращая внимания на перепалку сестер, обратилась ко мне:

— А ну-ка выкладывай, что тебе пришло в голову! Что у тебя сойдется, если Эдите было известно все о наследниках?

— Если бы, скажем, тебе надо было что-то спрятать, где, как не в Тоньче, ты бы это сделала? — ответила я и в свою очередь накинулась на Марека:

— Что ты нашел под грушей? Ведь она наверняка там что-то спрятала, за этим специально вернулась в Польшу! Голову даю на отсечение, ты уже там побывал и проверил. Что там нашел?

До тети Яди наконец дошло.

— И в самом деле! — вскричала она. — Ведь на карте стоял крестик.

— И в самом деле! — дошло и до Люцины.

Мамуля и Тереса прекратили несколько запоздалую ссору из-за внебрачного младенца Доробека и тоже обратили свои взоры на Марека. Тетя Ядя выбралась из своего угла, чтобы тоже уставиться на него. Марек внимательно разглядывал последнего карпа. И молчал.

— В том-то и дело, что ничего не нашел! — наконец ответил он, изрядно потрепав нам нервы. — Груша там действительно росла, этот факт удалось установить, но ее давно нет. Насколько я мог проверить, в этом месте ничего не спрятано. Проверять было довольно затруднительно, в фургоне живут люди, и на участке все время кто-то околачивается. Возможно, наши враги ждут, пока обитатели фургона уедут.

Мы подождали, не скажет ли он еще чего-нибудь, потом мамуля разочарованно произнесла:

— И это все? А что же тогда сходится? Груши нет, под грушей тоже ничего не обнаружено, в фургоне живет Марыська со своим Хенриком. Тоже мне открытие!

— Неужели Марыська с Хенриком мешали тебе в поисках? — не поверила Мареку Люцина.

— Они просто-напросто вышвырнули меня оттуда, — спокойно ответил Марек. — Вежливо, но решительно потребовали, чтобы я покинул их территорию, так что на поиски у меня была всего одна ночь. Ссылались на наследников, так я понял теперь. Тогда не понял, они как-то туманно упоминали каких-то сутяг, которые и Марыську

могут погнать с принадлежащей им усадьбы, если на ней будут ошиваться посторонние, вроде меня. Теперь я понял, в чем дело.

Итак, появилась новая информация к размышлению, требовалось ее обдумать как следует.

Мы напряженно думали, потом я обратилась к Тересе:

— Ну и что скажешь? Как по-твоему, что теперь будем делать?

Тереса хмуро взглянула на меня, потом на Марека, потом на тетю Ядю и наконец ответила:

— Не знаю! Если бы не Джордж и Вивьен, я бы, скорее всего, вообще не вмешивалась в это дело. Пусть ее накажет Господь Бог, а я отступлюсь. Но вот Джордж и Вивьен...

Мамуля не выдержала:

— Скажите же наконец, что это все значит? Нервируете меня, а толком никто не разъяснит. Я требую объяснений!

Поскольку никто не торопился разъяснять, пришлось это сделать мне.

— Панна Эдита выкинула номер... Нет, не только тогда, во время войны, я имею в виду не внебрачного отпрыска. Из всего, что мы тут узнали, можно сделать вывод: после войны она махнула в Канаду и там вышла замуж за миллионера Тома Уолтерса, оставив на родине законного мужа Доробека и адаптированного им ее ребенка от этого...

— Войдарского, — подсказала тетя Ядя.

— ...оставив на родине законного супруга и подкинутого ему незаконного младенца Войдарского. А теперь ее цель — унаследовать миллионы Тома Уолтерса, захапать их целиком, ничего не

оставив детям упомянутого миллионера от первого брака. Законным детям, надеюсь?

— Законным! — мрачно подтвердила Тереса.

— Запутаться можно во всех этих браках и детях! — вздохнула Лилька, а я продолжала:

— И теперь она панически боится, что Тереса наябедничает миллионеру о ее небезупречном прошлом, а это может повлиять на завещание старика. Как-никак, она бигамистка. Интересно, почему не могла развестись с Доробеком?

Забывшись, Тереса выпалила:

— Потому что торопилась!

— Ну, рассказывай же! — насели мы на нее, и Тересе пришлось выложить то, что она собиралась от нас утаить:

— Не ручаюсь за точность, ведь обо всем я узнала на собраниях нашего кружка садоводов-любителей. Когда собираемся, о чем только не болтаем, так что, может, это и сплетни. Там в основном бабы, сами понимаете, а он один такой. И знаток, и самый богатый, о ком же и посплетничать, как не о нем? Ну и бабы говорили: он в какую-то катастрофу попал, чудом остался жив, дети еще маленькие, их мать умерла давно, вот он и женился скоропалительно на первой подвернувшейся кандидатке, которая поклялась заботиться о детях, как о своих собственных. Все думали — он вот-вот помрет, очень пострадал в катастрофе, а он выжил. И уже тогда был очень богатый. Думал, помрет, и перед смертью сочетался с ней законным браком, она убедила его, что законной вдове легче достойно воспитать детей. А он не помер, но теперь старый и больной, того и гляди помрет, а бабы говорят, она настраивает его про-

тив собственных детей. Наверное, правду говорят, хотя я тогда и не знала, что жена Тома Уолтерса — Эдита.

Лилька прокомментировала:

— Если после катастрофы и в самом деле торопилась поскорее окрутить миллионера, где уж тут оформлять развод!

— А дальше что? — гнула свое мамуля. — При чем тут наследники дяди Витольда? Что общего у канадского миллионера с крестиком на нашей Тоньче?

Тереса опять заткнулась, и по всему было видно — теперь прочно! Марек ни за что словечка не проронит, пришлось мне опять взять слово:

— Лично я думаю, в Тоньче она что-то спрятала во время войны или сразу после нее и теперь явилась забрать спрятанное. Видимо, ознакомившись с нашей Тоньчей, она поняла, что лучшего места не найти. Знала — дядя умер, знала, что представляют собой его наследники, и могла быть спокойна, что усадьба будет стоять в таком состоянии, как есть, никто там шуровать не будет, все останется в неприкосновенности. Понятно, к такому выводу я пришла сама, никто мне об этом не рассказывал, могу и ошибиться, но вроде бы все сводится к этому. Одного не понимаю — зачем ей понадобилось рисовать карту? Она же прекрасно знала, где находится Тоньча. Боялась, что забудет? С возрастом развивается склероз...

Несколько карпов Люцина собиралась пожарить сегодня, а оставшуюся рыбу принялась заталкивать в холодильник.

— А этот поместится? — спрашивала она Лильку, подавая ей последнего. — Съесть его сегодня мы никак не сможем. Насчет наследников Эдита правильно думала, какая бы она там ни была, а в глупости ее заподозрить никак нельзя. Хотя тут особого ума не требовалось. Тереса, что она там припрятала?

— Откуда мне знать? — пожала плечами Тереса. — Я же говорила — в те годы я уже не хотела с ней знаться.

Оставив рыбу в покое, Люцина обернулась и, внимательно посмотрев на сестру, спросила самым невинным голосом:

— А почему ты не желала с ней знаться?

Тереса открыла было рот, но закрыла, не произнеся ни слова. Мы выжидающе смотрели на нее.

— Не хотела и все тут! — буркнула наконец Тереса.

— Нет, довольно! — вдруг вырвалось у тети Яди. — Тереса, скажи им все! Нечего жалеть эту... эту...

— ...потаскуху! — подсказала Люцина.

— ...потаскуху! — с разгону выпалила культурная тетя Ядя. Ой, что я говорю! Эту мерзавку без стыда и совести. Скажи им наконец, чем занималась эта Эдита!

Не веря ушам своим, слушала ошеломленная Тереса взрыв столь эмоционального негодования всегда такой спокойной и деликатной подруги. Люцина у холодильника тихо злорадствовала.

Поскольку Тереса все еще не решалась произнести последнего слова, я решила ее спровоцировать.

— Не хочет — пусть не говорит. Я скажу! Эдита была шпионкой!

— Кем?! — изумилась мамуля.

— Шпионкой! Обыкновенной немецкой шпионкой!

— Какой шпионкой! — не выдержала Тереса. — Шлюхой она была! Обыкновенной немецкой шлюхой!

— Не могла бы ты выражаться покультурнее? — одернула ее старшая сестра.

Тересу теперь было не унять:

— Не желаю покультурнее! Не заслуживает она культурного отношения! И вообще не желаю с этой паршивой Эдитой иметь ничего общего! Она спала с немцами! За деньги! Все гестапо обслуживала! Но не шпионила! Отвяжитесь вы все от меня! Была той самой... как я некультурно выразилась!

— Врешь! — не поверила Люцина.

В ярости схватила Тереса доску, на которой лежали разрезанные на куски и обвалянные в муке два крупных карпа, и запустила ее в сестру. Карпы в муке попали в отца, доску в последний момент успел перехватить Марек. Тереса оглянулась в поисках другого метательного снаряда.

— Ну что ты ее злишь! — упрекнула Люцину тетя Ядя. — Ведь прекрасно знаешь, почему она так нервничает. Тогда, в тридцать девятом году, Тадеуш немного увлекся Эдитой, а та его напропалую охмуряла. Тогда говорили — обольщала. Выходит, он тоже мог быть замешан в шпионаже, а шпионажем Эдита и в самом деле не занималась. Занималась другим...

— Нет! — Громкий крик Лильки заставил ее замолчать. А Лилька наступала на Тересу: — Брось нож! Если уж обязательно хочешь зарезать сестру — только не в моем доме! Выйдите хоть на лестницу!

— Надо же, какая дрянь! — удивлялась мамуля. — А я еще удивлялась, с чего это вдруг Тереса на нее так взъелась! А она, оказывается, еще и с Тадеушем...

Тереса глотнула воды, успокоилась немного и положила нож на место, ограничившись тем, что погрозила Люцине кулаком.

— Заставила-таки меня все рассказать! В самое больное место забралась! У Тадеуша из-за этой Эдиты после войны были крупные неприятности, она его оговорила, так беднягу затаскали по инстанциям. А после войны, сами знаете, как было. Попробуй, докажи, что ты не виновен. А эта... эта... с самого начала с немцами снюхалась, я ни о чем не знала, еще помогала подруге спрятать ребенка. Обвела меня вокруг пальца как последнюю дуру, лучшая подруга называется! Ну и когда я все про нее узнала — не хотела больше вообще о ней слышать.

— И почему сразу нам ничего не сказала? — упрекнула я Тересу. — Эдиту покрываешь, Доробека не могла припомнить, а в результате... погляди на отца!

Отец пытался смахнуть с лица и одежды следы карпа в муке. Тереса сорвала с него пиджак и направилась в ванную. Задержавшись в дверях, она с достоинством произнесла:

— О Доробеке я ничего не знала. В те времена, когда мы еще дружили, никакого Доробека в

ее жизни не было. Я знала только о Войдарском. О Доробеке знала Ядя.

Глядя вслед пиджаку и Тересе, отец робко предложил:

— Может, рыбой займется кто-нибудь другой? Тереске, видимо, не приходилось ее жарить, не очень умело она с ней обращается...

И переключившись на Марека и Лильку, заметавших пол в кухне, стал высказывать им свои соображения о том, что, сколько он Тересу помнит, она вообще не отличалась кулинарными способностями.

За рыбу принялась Люцина, самая большая ее любительница. Поставив на газ сковородку, она только отмахивалась от упреков тети Яди:

— А если бы я не поддразнивала Тересу, та бы до сих пор не разродилась! Сама же видела, никакими силами невозможно было из нее вытянуть сведения о бывшей подружке! Скажи пожалуйста, какие секреты! Тоже мне, благородство развели, а мы тут ломай голову, за что теперь на Тереску охотятся! Интересно все-таки, что эта гадюка спрятала в нашей Тоньче? Даже если она и не была шпионкой, ведь ясно — хочет оттуда что-то забрать.

— Так чего же мы ждем? — удивилась мамуля. — Кто нам мешает немедленно отправиться самим в Тоньчу? Может, там, на месте, во всем и разберемся...

Отложить хотя бы на два дня наш фамильный наезд на Тоньчу стоило мне нечеловеческих сил. Помогли Збышек и рыба. Удалось как-то

убедить жаждущую деятельности мамулю, что рыбу надо съесть на месте, она, рыба, не вынесет дороги в летнюю жару. Двадцать одна штука могучих карпов – это не шуточки, потребовалось время, чтобы их съесть, хотя в наших рядах и была Люцина. Збышек только что вернулся из служебной командировки и, поскольку находился на большом расстоянии от нас, сохранил способность трезво мыслить. Узнав, что Лилька вместе с нами уезжает в Тоньчу, причем на их машине, примирился с временной потерей и той, и другой, но настоял на непременном техосмотре последней. Как я была ему признательна!

Задержать семейку в Чешине потребовал Марек. Я отвозила его к поезду в Зебжидовице, и по дороге он обратился ко мне с просьбой:

– Постарайтесь задержаться в Чешине как можно дольше. Мне совершенно необходима свобода действий, а они обязательно такой шум там поднимут, что сбежится вся округа! И попробуй им втолковать, обе с Лилькой попытайтесь им втолковать, чтобы ни о чем не болтали. У меня есть все основания полагать – Люцина права, там спрятано что-то очень важное.

– А как ты думаешь, что именно? – с волнением допытывалась я.

– Думаю, документы. Если она и в самом деле была связана с немцами, то могла припрятать там какие-нибудь важные документы, чтобы потом выгодно продать или с какой другой целью. И мне вовсе не улыбается, чтобы весть о спрятанных ценностях разнеслась по округе до того, как я узнаю, в чем дело.

— Ты отказался взять от нас рекомендательное письмо к Марыське и Хенрику. Как же собираешься действовать?

— Не волнуйся, я уже все продумал.

— А если на тебя там нападут все эти Доробеки вместе с панной Эдитой?

— Во-первых, Доробеки ждут, пока уедут обитатели фургона. А во-вторых, я намного больше боюсь твоих родичей. И представить невозможно, что эти люди способны отколоть, когда свалятся кучей на бедную Тоньчу!..

Теперь я уже и сама не пойму, как мне удалось проехать из Чешина в Тоньчу через Гарволин и Седльце. Чтобы как можно дольше растянуть время в пути, мы с Лилькой выбирали самые что ни на есть проселочные дороги, старательно избегая всех мало-мальски приличных. Неимоверно извилистая трасса отняла у нас весь день, и только поздним вечером я остановила машину у исторического треугольника, образованного развилкой двух дорог, перед лужей, увековеченной ездой мамули на кабанчике. Носом машина уперлась прямо в ворота усадьбы моей светлой памяти прабабушки.

Ворот, собственно, не было. На трухлявых столбах сохранились проржавевшие остатки железных петель. Ряд высоких деревьев по-прежнему тянулся вдоль дороги, за ним, в глубине двора, виднелся старый амбар. Полуразвалившаяся, с заколоченными окнами, прабабушкина хата представляла собой жалкий вид. И вообще вся усадьба выглядела удручающе — тлен и запустение. Глаз отдыхал только на вагончике, стоявшем в саду

под деревьями — новенький, свежепокрашенный, с аккуратным крылечком и белыми занавесками на окнах, он резко контрастировал с окружающими развалюхами.

Выслушав наше сообщение о свалившихся на семью бедствиях и намерении заняться поисками неизвестных ценностей, Марыська сначала схватилась за голову, а потом поспешила выгнать из вагончика своих детей-подростков. В вагончике, кроме нее, осталось восемь человек.

— Только детям об этом ни слова! — сказала она. — Что касается меня, то можете тут делать, что только пожелаете — хоть развалите все до конца, хоть в огороде баобабы выращивайте. Но учтите: я ничего не знаю, я слепая и глухая. И вообще завтра мы отсюда уезжаем. Говорю вам это с глазу на глаз, между нами, ибо официально нет моего согласия ни на что!

Семь человек с удивлением вытаращили на нее глаза, восьмой остался невозмутимым. Восьмым был Марыськин муж Хенрик.

— А в чем дело? — спросила мамуля. — Ты должна так с нами говорить?

— Да как же мне говорить? — с горечью вопросила Марыська. — Это вы можете себе позволить говорить как вам заблагорассудится, а я... Забыли, чья я дочь? Вы к этому паршивому наследству не причастны, живете свободно, а я должна его стеречь, оберегать, чтобы какая-нибудь из гиен не оттяпала себе кусок. Видите же, что мы тут пальцем о палец не ударили, нельзя! Хенрик хотел очистить колодец или новый выкопать — куда там! Не моги! По воду к соседям ходим! Скамейка развалилась, а отремонтировать не

имеем права – сразу в суд подадут, что сидим на чужой собственности! Ведь никто не знает, чья это скамейка.

– Да кто запрещает? Ведь никого же тут нет! – удивилась Тереса.

– Не беспокойтесь, сразу донесут. У каждого из наследников в деревне свой доносчик, пишут письма. Видите, вроде бы никого нет, тихо и спокойно, но попробуй хоть одну доску сдвинь с места – сразу сбегутся! Из Аргентины заявятся, из Китая, с Северного полюса! Тут недавно заехал какой-то симпатичный человек, попросил разрешения пожить в садике в палатке, так мы вынуждены были его прогнать. Одна женщина хотела снять наш вагончик, пожить, когда мы уедем, хорошие деньги давала – дудки! Как можно! Сразу бы нас обвинили, что пользуемся чужой собственностью для получения прибыли...

– Но нам-то сможешь сдать свой барак? – перебила ее мамуля. – Никакой прибыли тебе от нас не будет, так что, наверное, можешь нас впустить?

– Вы – дело другое, вы родня, вы можете и без разрешения поселиться в вагончике, сломать замок и жить, вам ничего не будет. Если я на вас не подам в суд. А я не подам, мне не хочется, да я могу и вовсе об этом не знать. О, прекрасная мысль! Пусть это будет кража со взломом! Вернее, взлом. Перед отъездом Хенрик повытянет болты из обеих скоб запора, чтобы вам легко было их и вовсе выдернуть! Слышишь, Хенричек?

Вот так с глазу на глаз мы обсудили с Марыськой свой статус пребывания в Тоньче и пребывание начали со взлома ее барака. Это и в са-

мом деле оказалось совсем нетрудно, мы с удовольствием сорвали с двери фургона огромный висячий замок вместе с петлями, недовольна была только Тереса, утверждавшая, что мы ее тут совсем сбили с пути праведного, к себе в Канаду она вернется законченной преступницей — воровкой и взломщицей. И неизвестно кем еще, ведь это наверняка не конец.

Тетю Ядю чрезвычайно встревожило известие о женщине, которая хотела снять Марыськин фургон.

— Вы слышали? — почему-то шепотом волновалась она. — Это наверняка Эдита! Значит, они где-то поблизости. Надо будет постеречь Тереску!

Люцина рвалась на поиски закопанных ценностей и хотела немедленно начать раскопки под грушей, вернее, в том месте, где еще виднелись трухлявые останки ствола бывшей груши. Я еле сдерживала ее трудовой энтузиазм, в сотый раз растолковывая и ей, и всем остальным: надо вести себя спокойно, делать вид, что мы просто отдыхаем на земле предков, ничего не делаем, просто отдыхаем, понятно? Не дай Бог кто-то пронюхает, что мы тут что-то ищем — и пиши пропало. Сбежится не только вся деревня, но и наследники дяди Витольда слетятся из самых отдаленных уголков планеты. Если бы все кончилось только грандиозной битвой за найденные, допустим, нами ценности — это еще цветочки. Но ведь нас потянут в суд и проведем мы там остаток дней наших!

Лилька горячо поддерживала мои аргументы, подбрасывая и собственные. Наследники помогли, мое семейство согласилось проявлять сдержан-

ность и осторожность, и вообще вести себя с умом. Очень недоволен был отец, которому мамуля строго-настрого запретила одному покидать пределы поместья предков, что исключало всякую возможность половить рыбку.

Марек опять появился неожиданно, на второй день после нашего приезда, и вел себя странно. Отвечать на расспросы решительно отказался, заявив, что говорить будет только там, где его наверняка не смогут подслушать, чем донельзя заинтриговал всех нас. Стоял спокойный, тихий вечер, солнце утомленно садилось после целого дня тяжелой работы, в воздухе пахло нагретыми за день травами и вечерней прохладой. Тишь да благодать, кто тут может подслушивать? И все-таки Марек повел нас на зады огорода, где не было никаких построек. И никого из подслушивающих, мы все хорошенько осмотрели.

— Под грушей ничего нет! — заявил Марек. — Я все проверил, под корнями тоже ничегошеньки! А теперь прошу вас, уважаемые пани, постараться припомнить, как тут все выглядело до войны, где она могла еще спрятать что-то ценное.

— Интересно, как можно было проверить под корнями? — недоверчиво прошептала мне Тереса. — Он запустил туда дрессированного крота, что ли? Ведь если бы сам рылся, мы бы заметили...

Марек прекрасно расслышал ее шепот и дал исчерпывающий ответ:

— Я копал по ночам. А теперь будьте любезны выполнить мою просьбу. Вспомните и постарайтесь описать, как тут все выглядело до войны.

Старшее поколение поднапряглось и выдало очень интересные воспоминания, от некоторых волосы вставали дыбом на голове. Вот тут, у этой лавочки... Как не видите? Вот же еще от нее пенечки сохранились! Так вот, в этом самом месте лошадь вцепилась зубами в волосы мамули, потому что та зазевалась и забыла ее напоить. А вот в это окно выскочил Антось. С этим Антосем вообще произошло нечто незабываемое. Все видели — он, как сумасшедший, мчался по полю, словно за ним кто гнался, кричал и размахивал руками, ворвался в избу и тут же выскочил вот в это окно, которое сейчас забито досками, и опять умчался в поле, все так же крича и махая руками. Все подумали — с ума сошел парень, а оказалось, за ним действительно гналась на редкость въедливая пчела, догнала наконец в поле и там ужалила. А вот тут росла другая груша, ее моя прабабушка особенно ценила, какая-то необыкновенная. Садовник магнатов Радзивиллов на коленях умолял прабабушку дать ему черенок для прививки. Уточнить место, где упомянутый садовник стоял на коленях, мамуля не могла, зато очень хорошо помнила: вот тут, на этом месте стоял большой пень, на нем рубили дрова, и она, мамуля, как сейчас помнит, чуть не отрубила себе руку. Вот на этом плетне висела Тереса. Как висела? Обыкновенно, зацепилась платьем и повисла и орала благим матом, пока ее не отцепили. А вот здесь была помойка. Сюда как-то раз выбросили остатки заспиртованной вишни, и вся домашняя птица упилась вдрызг...

— Какие-то ваши воспоминания... неосновательные, — недовольно сказала Лилька, — несо-

лидные. Ничего прочного, все какое-то зыбкое, подвижное, особенно это ваш Антось...

— А самое неприятное — Эдита прекрасно знает, где припрятала свой клад, это только мы такие темные. Напрасно ломаем голову, — заметила Тереса.

— Может, в таком случае применить военную хитрость? — предложила Люцина. — Сделаем вид, что уезжаем отсюда, освободим ей поле деятельности, а сами подглядим, где она начнет копаться...

Мамуля все переживала прискорбный случай с домашней птицей:

— Бабушка слезами заливалась, как же — вся птица враз полегла мертвая, верно, какая-то эпидемия. Засадила нас всех ощипать и кур, и индюшек, чтобы хоть перо не пропало. А они были только мертвецки пьяные, потом вытрезвели и долго еще ходили лысые...

— Я все-таки не понимаю, почему вы не хотите сообщить в милицию, — как всегда неожиданно вмешался отец. — Хотя, с другой стороны, преступление уже не считается преступлением, просрочен срок давности.

— Что просрочено?!

— Преступление.

— Какое преступление?

— Как какое? Я же слышал — эта самая особа, панна Эдита, утопила в колодце своего внебрачного младенца. Тут, в Тоньче. Сами же об этом только и говорите! Мне лично это не нравится, я лично не желаю иметь дело с такими вещами, ими должна заниматься милиция, а не мы. А я бы спокойно пошел себе половить рыбку...

Поскольку, по словам Марека, нас могут подслушивать, я не имела возможности громким криком вывести отца из заблуждения — в такую тишь мои вопли разнеслись бы по всей округе. Не для того мы выбрали для секретных переговоров пустое место, вдали от строений и густого кустарника. Отказавшись от разъяснений отцу, мы не могли проигнорировать его замечание, ибо в нем, как всегда, невзирая на казалось бы полную абсурдность, было заключено гениальное зерно истины.

Итак, замечание отца дало новую пищу нашим размышлениям. Рассматривались всевозможные аспекты деятельности панны Эдиты той поры, эти аспекты увязывались с обрывками наших воспоминаний той поры, сопоставлялась топография Тоньчи тех лет и наших дней, и делались в связи с этим выводы о шагах, которые нам следует предпринять. Выводы сделать было трудно, ибо воспоминания были довольно противоречивы. Например, росла ли еще во дворе вторая груша, когда Эдита посещала Тоньчу, было ли это еще во время оккупации, жив ли был еще дядя? По мнению одних — груша росла, другие с пеной у рта заявляли — ее давно спилили. Это было при немцах, утверждали одни, другие столь же категорично заявляли, что никаких немцев уже давно не было, и все в таком же духе. С ума можно сойти! В ходе жаркой дискуссии незыблемо установили лишь один факт — последней из нас всех в Тоньче была Тереса.

— Тереска не топила ребенка в колодце! — вступился отец за Тересу. Ему казалось, что мы опять ее обижаем.

— Да отвяжись ты! При чем тут ребенок в колодце! Постойте-ка... А что стало вообще с колодцем? — вдруг спохватилась я. — Что с ним сталось? Откуда мамуля должна была брать воду, чтобы напоить ту самую лошадь? Не вижу никакого колодца.

— Воду мы брали из колодца, — подтвердила мамуля. — И в самом деле, нигде его не видать.

— Он крапивой зарос, вон там, — показала Люцина. — Я чуть не свалилась в него вчера. Прикрыт досками, а я и не заметила. Правда, все равно не утонула бы и никого в нем не утопишь, воды в колодце нет, забит мусором.

— И вы туда же! — рассердилась Тереса. — Какое вам дело до колодца? Ведь это Янек выдумал, что в нем утопили младенца, никого в нем не утопили, ребенка Эдита оставила у одной бабы в деревне, я даже фамилию помнила, вроде как Гундосиха.

— Гундоцка, — поправила сестру мамуля. — Какая жалость, в этом колодце всегда была прекрасная вода. Помню, глубиной он был в семь метров, но вода стояла уже на пяти.

— А чем ее доставали? — заинтересовалась я. — Ворот? Журавль? Маховое колесо?

— Шестом ее доставали, — рассеянно отвечала мамуля, погрузившись в сладкие воспоминания молодости. — Такой длинной-предлинной жердью с крючком на конце, которым цепляли бадью.

— И крючок зацеплялся крепко? — спросила Лилька. — Бадья не слетала?

— Слетала, а как же, но редко. Раз, помню, у кого-то слетело ведро. У кого — не знаю, он так и не признался, не то бы получил от дедушки. Уж

как ни старались достать ведро — так и не достали, осталось в колодце.

Я не поверила:

— Как же можно доставать воду шестом с такой глубины? Это ж какой длины должен быть шест...

— А его делали из двух крепких жердей. Дедушка сам их скреплял и постоянно следил, чтобы прочно держались. И вообще колодец был построен солидно — верх по краю выложен камнем, все прикрывалось сплошным деревянным навесом с дверцей, прочно, по-хозяйски. Куда все это подевалось?

Тересу злили эти разговоры о колодце, в них она усматривала инсинуации в свой адрес и вообще пустую болтовню, предлагая лучше выработать конкретный план действий. Марек неожиданно поддержал ее и даже предложил вернуться к идее Люцины — тайно подглядеть, в каком месте начнет копаться Эдита, если ее допустить на нашу территорию. Тетя Ядя почему-то упорно твердила о второй груше, рекомендуя обратить на нее внимание. Мне стало скучно, захотелось курить, а тут еще принялись докучать комары. Оставив своих вырабатывать план действий, я пошла за сигаретами в вагончик.

Уходя, мы оставили в вагончике гореть свет, и сейчас его окна ярко светились. Электричество к своему вагончику Хенрик провел от деревенской электролинии. Ночь уже наступила, но ярко светила луна, так что света во дворе было достаточно, и мне показалось — у полуразвалившейся хаты что-то темное шевелится. Я замерла на месте, напряженно вглядываясь. Вот опять между бывшей

скамейкой и зарослями крапивы, скрывавшими старый колодец, пошевелилось какое-то темное пятно. Днем там ничего такого не было, я хорошо помню! Не скажу, чтобы я слишком уж испугалась — в конце концов, все наши тут недалеко, в любую минуту могу позвать на помощь. Однако и соваться очертя голову в неведомую опасность тоже желания не испытывала. Что делать? Подумала и выбрала компромисс.

Сделав несколько шагов, я огляделась по сторонам и громко произнесла: "Кис-кис". Подождала, позвала вымышленную кошку еще раз, после чего свернула в глухую черную тень за вагончиком, где росли кусты и деревья. И оттуда стала наблюдать. Если кто-то там прятался, он просто обязан думать — я его не заметила и о его присутствии на нашей территории не имею ни малейшего понятия. Никого не трогаю, ищу кошку...

Из моего укрытия я хорошо слышала голоса наших. Вот они зашевелились, задвигались, похоже, собираются возвращаться в вагончик. А от скамейки, с которой я не сводила глаз, к дому метнулась чья-то гибкая, темная фигура, и, обежав дом с той стороны, исчезла в проеме ворот.

— Появилась конкурирующая фирма, — сообщила я Мареку, когда после ужина мы шли к его палатке, разбитой в рощице неподалеку от нас. — Кто-то явно интересовался колодцем, сидел над ним, что-то делал, услышал, как вы идете, и сбежал.

Казалось, мое сообщение заставило Марека испытать двойственные чувства — с одной стороны, оно его встревожило, с другой — порадовало.

— Слава Богу, что твои не обратили внимания на колодец, — сказал он. — Странно, что еще не угодили в него, когда каждый метр тут буквально ощупывали. Ведь сейчас глубина его больше двух метров, можно и шею свернуть. Не вздумай им напоминать о колодце, не заводи о нем и речи! Сейчас останешься в палатке, а я через часок проберусь туда, может, что и высмотрю.

— Что ты высмотришь в темноте? Через час луна зайдет... Но мы-то хороши! Ломаем головы, где можно спрятать нужную вещь, а о колодце ни одна не подумала! Самое подходящее место!

Естественно, я не приняла во внимание глупых возражений Марека, — вряд ли воду можно считать идеальным местом для хранения документов. Ведь колодец сухой! — напомнила я ему. Потом мы поспорили относительно времени, когда мог быть засыпан колодец, потом — кем засыпан, потом — почему засыпан не до конца. И в самом деле, если крестьянин из каких-то соображений решил засыпать колодец на своей усадьбе, зачем оставлять глубокую яму, в которую могут угодить и люди, и всякая живность? Вскоре мы дошли до палатки.

— Да, кстати, — вспомнила я, — расскажи, как тебе удалось добраться до корней груши? Там ведь и в самом деле не видать никаких следов подкопа. Не верю, что ты копал под покровом ночной темноты и не оставил следов.

— Конечно же я не раскапывал сверху, потому и нет следов. Я подобрался к корням груши снизу. Из того самого колодца. Вынул несколько камней из внутренней облицовки колодца и прокопал ход к груше. Эх, допустил оплошность —

вынутую землю утрамбовал в колодце! Теперь, если Доробеки заглянут в колодец, сразу догадаются, что мы что-то ищем.

— Они уже заглянули. И, если нашли твой подкоп, должны радоваться, что мы ищем не в том месте. Послушай, почему мы должны скрывать колодец от наших? Нам и внешних врагов достаточно!

Марек отреагировал так, будто я выстрелила в него из пушки:

— Так они же тогда ни на шаг от меня не отойдут! Так и будут торчать в полном составе у меня над головой! Хорошо, хорошо, пусть ты им все объяснишь, торчать не будут, но хоть два разочка в день каждой из них захочется посмотреть, как продвигается моя работа. А этого вполне достаточно! Вас тут все знают, вон сколько деревенских старух приходит поболтать, через день вся деревня будет в курсе — "что-то там они ищут в колодце". Э, нет, мне еще жизнь дорога.

Я вытаращила глаза:

— При чем тут жизнь? Даже если и сбежится вся деревня, не станут же тебя так сразу и убивать! У нас еще не принято убивать людей за то, что они копаются в колодцах.

Марек снисходительно поглядел на меня, тяжело вздохнул и принялся заряжать в фонарик новые батарейки.

— Значит, я буду первым, — растолковывал он мне, как маленькой. — Ну сама подумай. Наш враг ведет себя спокойно, ибо не знает, что мы напали на след, а вот если узнает... Неизвестно, на что они способны. Работать я буду на глубине

двух метров, подкрадутся и сбросят камень, например. Мне бы не хотелось рисковать.

Я прекратила дискуссию. В голове сразу возник гениальный план, о котором я, разумеется, Мареку говорить не стала. Он наверняка его не одобрит, а я уже устала от споров. Как же, так и позволю всяким мердяям забить камнями любимого человека в колодце моей прабабушки! У меня уже давно выработана своя версия относительно панны Эдиты. Согласно этой версии, Эдита вполне могла быть и шпионкой, а что Тереса это отрицает, так ведь Тереса могла быть не в курсе, лишняя реклама Эдите ни к чему. А уж мне ли не знать, какую ценность представляют старые документы и какая кровавая борьба ведется за обладание ими! И после этого я оставлю своего любимого одного в колодце? Ни за что!

Меж тем Марек давал мне указания:

– Ты отправляйся спать, а я ночью немного поработаю. До рассвета просижу в колодце, как рассветет, посмотрю, не крутится ли тут кто поблизости. А тебе задача: разузнать как можно больше о колодце.

Я же решила, что для меня самой срочной задачей будет закупить сигареты, причем не обычные мои "Кармен", а "Спорт", или, еще лучше, "Экстра крепкие". И не только потому, что разорюсь на закупке того количества "Кармен", которые мне понадобятся в самое ближайшее время, но и потому, что комаров дым от "Кармен" совсем не отпугивает. Более того, создается впечатление, притягивает. Надеюсь, уж "Спорт" и "Экстра крепкие" подействуют. И к тому же они намного дешевле.

К решению задачи разузнать побольше о колодце я, с разрешения Марека, привлекла Лильку. Сначала мы с ней вдвоем продумали методы действия, потом приступили к действиям.

Начали с того, что хитростью завлекли тетю Ядю с ее фотоаппаратом к колодцу, расписав живописность окружающей его крапивы, и щелкнули ее несколько раз на фоне этой самой крапивы, останков лавочки и развалин хаты. Пока щелкали, несколько раз смогли незаметно заглянуть в колодец.

Колодец был очень старый, можно сказать даже — старинный. Думаю, копал его дед моего прадеда. Сквозь дыры в прогнившей, проломившейся покрышке виднелась глубокая яма, на дне которой просматривалась земля и всевозможный мусор. Стенки колодца сделаны были не из железобетонных колец, а из камня разной формы и разной величины. Из камня же когда-то было выложено кольцо поверху колодца, но теперь оно практически сравнялось с землей, а вокруг буйно разрослась крапива, лопухи и кусты выродившейся смородины.

— Как разузнать что-нибудь путное про эту дыру? — вполголоса спрашивала Лилька, осторожно присаживаясь на трухлявый столбик, оставшийся от античной скамейки, повернувшись задом к интересующему нас объекту. — Кого расспрашивать и о чем?

— О чем — я знаю, только вот не знаю, как это сделать, чтобы не догадались, зачем расспрашиваем, — отвечала я, примостившись на втором столбике, в то время как тетя Ядя, глядя на нас в объектив аппарата, устанавливала резкость. —

Сразу начнутся расспросы — зачем вам да почему. И догадаются. Может, свалиться туда? Тогда расспросы будут выглядеть естественно.

Сваливаться не пришлось, помогла тетя Ядя со своим фотоаппаратом. Оказывается, она обследовала все уголки нашего участка и осталась очень недовольна, что и высказала нам за обедом:

— Нет, с этим невозможно примириться! Такая живописная тут местность и такой заброшенный участок. А ведь если привести в порядок — игрушечка будет! Ну почему тут все такое захламленное, заросшее, почему? И вот эта развалина так портит вид!

Обедали мы на свежем воздухе, возле вагончика поставили стол, так что вся захламленность была как на ладони, вместе с полуразвалившейся хатой на переднем плане.

— Война наследников, — пробурчала Люцина.

— Не только, — поправила сестру Тереса. — Разваливаться все тут начало еще при жизни дяди. Прекрасно помню, когда я была здесь последний раз, вернее говоря, не была, а скрывалась вместе с этой лахудрой Эдитой в деревне, так незаметно заглянула сюда, чтобы родичи не увидели. И меня еще тогда поразило общее запустение, заброшенность какая-то... Половинка ворот была сорвана, другая покосилась, сад зарос. И колодца, кажется, не было, зато лежали бетонные кольца для колодца.

— Потому что дядя собирался вырыть новый, — сказала мамуля. — Мне Анелька говорила.

— Какая Анелька?

— Какая может быть Анелька? Павловская, конечно! Утром к нам приходила, мы еще долго с ней разговаривали. Ты что, не узнала Анельку?

— Не узнала, — ответила Люцина.

— И что же говорила Анелька? — жадно спросила я.

— О, она много чего рассказывала. Оказывается, дядя уже тогда был тяжело болен, сам почти не мог заниматься хозяйством, а никто из детей ему не помогал, да и не было их тут, разлетелись кто куда. Вот почему он и не смог вырыть новый колодец, хотя уже закупил для него бетонные кольца. Анелька рассказывала — это ее муж возил с полей камни, чтобы засыпать старый колодец. Она видела дядю за несколько дней до смерти, он говорил, ему осталось еще два с половиной метра засыпать и он вряд ли дождется. И действительно не дождался, умер через два дня. А Анелькиного мужа немцы как раз в тот день забрали с его лошадью на какие-то работы, и ни он, ни лошадь так и не вернулись. Вот почему ей все это так хорошо запомнилось.

— Выходит, это уже дядя засыпал колодец? — задумчиво произнесла Люцина, размышляя о чем-то, и Марек поспешил перевести разговор на другую тему:

— Странно, что панны Эдиты здесь никто не видел, — сказал он. — Раз она здесь бывала, могли ее узнать...

— Да была-то всего раз, ребенком, — все так же рассеянно сказала Люцина. — Не запомнили, наверное.

— Почему только ребенком? — возразила тетя Ядя. — Потом ведь она еще приезжала, со своим маленьким Войдарским.

— Анелька сказала, что видела ее, — сообщила мамуля. — Видела я вашу подружку, говорит, ту самую девочку с такими кукольными голубыми глазами. Ну ту самую, что до войны приезжала вместе с вами. Так она тут появлялась не то под конец войны, не то уже после войны. Я еще удивилась — приехала одна, без вас...

Эта Анелька оказалась прямо кладезем ценнейшей информации! Сейчас мамуля неторопливо передавала ее нам, совершенно не отдавая себе отчета в ее ценности, мы же с Лилькой слушали затаив дыхание, с горящими глазами. Марек делал вид, что вовсе не слушает, всецело занятый обслуживанием обедающих. Зато Люцина навострила уши и, судя по ее виду, явно связывала некоторые события, что вызывало во мне растущее беспокойство. Ох, надо принимать какие-то меры!

По словам Анельки, панна Эдита была в этих краях вскоре после окончания войны, еще весной сорок пятого года. И в связи с ее пребыванием в Тоньче Анельке запомнилось еще то обстоятельство, что тогда в деревне поднялся переполох, кто-то эту Эдиту разыскивал, кажется, партизаны, она и тогда не совсем поняла кто, во всяком случае, на другой же день панна Эдита исчезла. И больше ее здесь не видели. Но позже, уже через много лет, появился какой-то неизвестный мужчина и расспрашивал о ней. Крутился вокруг нашей хаты, но тогда там проживал кто-то из наследников и того мужчину быстренько прогнали. А наследники тоже вскоре куда-то уехали.

Может, мамуля и еще рассказала бы что-нибудь интересное, но ей помешала Тереса, неожиданно заявив:

— Предупреждаю — если ты еще будешь мне шелестеть в четыре утра, огрею тебя палкой! Если сама не можешь спать, не мешай другим. Лежи тихо!

— Я шелестела? — удивилась мамуля. — И вовсе я не шелестела! Я просто читала себе "Пшекрой".

— Это называется читала? Мух, наверное, разгоняла этим журналом! Такой шум подняла, что спать невозможно! Это ж надо придумать — читать в четыре утра!

— Правда, правда, — поддержала подругу тетя Ядя. — Шелестела! Я тоже проснулась, посмотрела, кто шелестит, и опять заснула.

— А мне ни за что не заснуть, если меня разбудят в такую рань! — жаловалась Тереса.

— Но мне что же делать, если я в такую рань просыпаюсь и больше спать не могу? — защищалась мамуля. — Так и мучиться? Да и не в четыре это было, а в полпятого!

Люцина очнулась от своих мыслей и посоветовала:

— Можешь отправиться на прогулку. Дверь не скрипит, оденься и выйди потихоньку. Помоги Анельке коров доить.

— А уж если тебе обязательно читать, читай что-нибудь маленькое, чтобы страницы не шуршали, как эти простыни "Пшекроя". Спать не даешь порядочным людям!

— Так я, по-твоему, не порядочная?!

Вот так благодаря Тересе, к счастью, были забыты и панна Эдита, и колодец, не пришлось переводить разговор на другую тему. Сами перешли.

Военный совет Марек, Лилька и я держали после обеда, уединившись под предлогом мытья посуды. Согласна, предлог не очень убедительный, но другого под рукой не оказалось. Впрочем, тот факт, что мыл посуду Марек, никого не удивил, он давно прославился в нашей семье своим трудолюбием и умением выполнять любую работу. Мое участие в ненавистном домашнем занятии родные могли объяснить желанием побыть вместе с любимым человеком, участие же в нем Лильки сразу всех насторожило.

— Они решили, что ты собираешься отбить у меня Марека, — сказала я Лильке, — вон как пялятся! Приготовься, теперь начнут тебя шпынять.

— А пускай шпыняют! — совсем не огорчилась Лилька. — Как-нибудь отобьюсь. Главное, сейчас пялятся издалека, не услышат, о чем говорим. Дайте мне тоже что-нибудь вытирать.

Итак, вопрос с колодцем прояснился. Его засыпал дядя незадолго перед смертью, и Эдита могла воспользоваться этим обстоятельством. Зная настроение наследников, она могла быть уверена — никто из них не станет засыпать колодец до конца, не продолжит дело отца. И вообще ничего в усадьбе не тронет, так что и через пятьдесят лет все здесь останется в том же состоянии, как тогда, разве что еще больше обветшает.

— Два с половиной метра, — задумчиво сказал Марек, драя горшок. — Сейчас осталось около двух, учитывая землю, что я сам по глупости подсыпал. Сегодня ночью я уже немного вытащил. Для начала придется осторожно снять верхний слой в полметра, камни с мусором...

— И куда ты денешь этот мусор? — поинтересовалась я.

— Затолкаю в тот подкоп, что сам вырыл, под корнями груши. Туда много поместится, все-таки я не все оставлял в колодце.

— А почему осторожно?

— Потому что мы не знаем, что спрятано и как оно вообще выглядит. Может, взорвется? А может, такое маленькое, что придется внимательно разглядывать каждый ком земли. И делать это надо бесшумно, а там полно разных железок...

— Работа адская! — посочувствовала Лилька, натирая до блеска одну и ту же тарелку. — Не представляю, как ты справишься, ведь работать придется под землей.

Я ее успокоила:

— Справится! В свое время ему пришлось поработать шахтером. Да и кем только не приходилось! Зато теперь навыки пригодятся.

— Очень мне мешает там проржавевший таз, — вздохнул Марек. — Большой железный, с дырой посередине. Надо бы в первую очередь его как-то незаметно извлечь.

Я внесла конструктивное предложение:

— Пусть одна из нас завтра вывезет всех наших баб в лес. Отца можно оставить, тот и тысячи тазов не заметит. Вторая же из нас поможет тебе с тазом. Как-нибудь незаметно выбросит его на свалку за амбаром.

Марек выразил сомнение в том, что такую операцию можно провести незаметно, а это необходимо, ведь за нами следят. Кто следит? Да кто угодно. Панна Эдита с биноклем скрывается где-нибудь на крыше. Молодой Доробек притаился за

углом хаты или вообще спрятался в ее трубе. Дробек-старший, переодетый пастухом, пасет коров за дорогой. И кто-нибудь из них может заметить, как извлекают таз из колодца. Тогда конец!

Ну, если уж такой уравновешенный человек, как Марек, выдумывает несусветные глупости, значит, все мы постепенно теряем способность мыслить трезво...

— Знаешь, они на вас обижаются, — сообщила мне Лилька по возвращении из лесу. — Все до одной! Они считают, что вы с Мареком водите их за нос, сами что-то знаете, а им не говорите, напускаете таинственность, а их от дела отстраняете. Особенно обижены на Марека. Из-за его глупых действий, считают они, только теряем время, а дело ни на шаг не продвигается. Я молчала, не знала, что говорить. А как ты справилась с тазом?

— Гениально! На свалку снесла его вместе с матрасом и купальным полотенцем. Сделала вид, что загораю. Если наблюдателям что и показалось подозрительным, то только мои вкусы — загорать на свалке. Но это мое личное дело, где хочу, там и загораю. А тащила я в охапке такую кучу всяких принадлежностей, что таза просто никто не мог распознать. Впрочем, никаких наблюдателей лично я не заметила, как ни старалась.

— Марек сейчас в колодце?

— В колодце. К ужину вылезет, чтобы не вызывать подозрений. Я должна выбрать подходящий момент и подать ему знак.

Я немного устала, из-за конспиративной деятельности не высыпалась, за ужином зевала по-страшному, но ночью опять отправилась на де-

журство, запасшись двумя пачками "Экстра крепких".

Место для засады я выбрала в густых кустах, разросшихся за амбаром. Отсюда просматривался и двор, и отходящая от ворот усадьбы узкая грунтовая дорога, заросшая травой. По ту сторону дороги тянулась полоса густых зарослей бурьяна и кустарника, отделяющих дорогу от луга. Комары не очень докучали, "Экстра крепкие" оправдали себя.

Наверное, я незаметно для себя вздремнула, потому что незнакомца увидела уже тогда, когда он находился на полпути между воротами и скамейкой. Он пробирался к колодцу — осторожно, прячась в зарослях. Невзирая на предрассветный холодок, я вся покрылась испариной — во что бы то ни стало не подпустить шпиона к колодцу! В колодце работал Марек, и, если даже незнакомец не увидит его, может услышать, как он там, внизу, возится с камнями и железками. Лихорадочно соображала я, что бы такое предпринять, и ничего умного не приходило в голову. Не могла же я, в самом деле, выскочить с криком "Пошел вон!" Тот сразу поймет, что здесь засада. Надо сделать так, чтобы не понял.

Вскочив с места, я ринулась сквозь кусты, стараясь производить как можно больше шума и насвистывая при этом мелодию "куявяка". Не поручусь, что это и в самом деле был "куявяк" — и полное отсутствие у меня слуха, и нервная обстановка наверняка исказили мелодию — но это ведь не важно. Главное, шум я подняла страшный! Надеюсь, услышав его, Марек не выскочит?

Нет, сначала остолбенеет, а выскочит немного погодя. Во всяком случае, шпион остолбенел.

А я металась в кустах, производя дикий шум и фальшиво насвистывая. Поскольку незнакомец еще не обратился в бегство, следовало его немного попугать, и я двинулась в его направлении. Прервав свист, я прорычала угрюмым басом, который у меня получился совершенно естественно, ибо от свиста и волнения я немного охрипла:

— Куды? Вот я тебе!

Я уже была полна решимости сыграть и за корову, но, к счастью, это оказалось лишним. Незнакомец тоскливо огляделся, шмыгнул обратно в кусты и подался к выходу. Я видела, как темная фигура мелькнула в проеме ворот и скрылась. Очень хорошо, еще неизвестно, как бы у меня получилась корова...

Ладно, отсюда я его прогнала, но ведь он мог подкрасться с другой стороны — со стороны луга. Мог затаиться и переждать, пока дурак пастух со своей коровой уберется. Вот почему я не сразу прекратила представление, а еще долго бушевала в кустах, меняя месторасположение и стараясь из кустов не высовываться. Солнце уже взошло, когда Марек снял меня с поста. Вместо слов благодарности я услышала одни упреки.

Обругав меня как следует, он сказал:

— Я ведь слышал, как он подкрадывался! Неужели ты думаешь, что я, как дурак, сидел бы и ждал, чтобы тот меня застукал? Я бы спрятался, у меня специально оставлено место в том самом подкопе, под грушей. Если ты не пообещаешь мне отказаться от всякой самодеятельности, клянусь, я тебя привяжу к столбу палатки!

И это вместо благодарности! Естественно, я не промолчала:

— Ты сам хорош! Копаешься там сто лет, а толку чуть! И ведь ничего от тебя не добьешься, изо всего делаешь тайну! Почему копаешься столько времени? Сам сказал — снять слой всего в полметра. Уже давно мог бы докопаться до самого дна! Думаешь, мне легко было? Нет, ты скажи, сколько еще ночей мне придется изображать придурка-пастуха и его упрямую корову?

Марек быстрыми шагами шел к палатке, я выкрикивала свои претензии на ходу, с трудом поспевая за ним. Войдя в палатку, он опять закатил мне скандал:

— Ну вот, еще и в коровью лепешку влипла! Не смей палатку пачкать, сиди вот тут, сейчас принесу воды, чтобы смыть. Господи, сколько мне с тобой мороки!.. Теперь второй сапог, вот так... А если уж тебе обязательно знать, то я докопался почти до дядюшки. Хуже нет иметь дело с любителями, я бы предпочел даже преступников, лишь бы профессионалов! Куда? Еще здесь надо смыть... Как не понять — мне приходится осматривать каждый извлеченный предмет, причем делать это предельно осторожно.

— Почему? Предметы кусаются? Или боишься, что взорвутся?

— Вот именно — взорвутся. Может, когда прятали, подключили взрывное устройство, чтобы при неосторожном прикосновении все взлетело на воздух. Сама ведь наверняка слышала, немцы часто так поступали.

Меня настолько потрясло услышанное, что я уже не обращала внимания на ледяную воду, которой он мыл ноги.

— А что сделаешь, если найдешь там что-нибудь подозрительное?

— Для начала вылезу из колодца на открытое пространство, чтобы можно было держаться самому на почтительном расстоянии.

— На луг вынесешь?

— Не обязательно. А может, попробую распаковать на краю колодца, в случае чего сброшу вниз, чтобы взрыв ушел туда. И уверяю тебя, твое присутствие при этом совсем не обязательно.

Ляпнуть мне такое! Чтобы я пропустила столь эффектное зрелище? Да ради него я готова хоть неделю мыть ноги ледяной водой, ради него готова драться врукопашную с самой панной Эдитой! Подумаешь, один раз мы с ней уже столкнулись нос к носу, и победа была за мной. Поняв наконец, что от меня никакими силами не отвязаться, Марек неохотно был вынужден согласиться на мое участие. Пассивное. Мне разрешили лежать на матрасе за деревом, метрах в двадцати, и подглядывать оттуда. По его подсчетам, результата можно было ожидать еще до наступления следующего утра.

Вскоре выяснилось, что мое ночное бдение имело и еще дополнительные, так сказать, побочные эффекты.

— Ну и местечко мы выбрали для отдыха! — раздраженно говорила Тереса за завтраком. — То моя сестра чуть свет обмахивается газетами, то какая-то гангрена шастает по саду и орет не сво-

им голосом. Только заснула — какая-то зараза начала чихать над ухом.

— Я чихала, — обиделась мамуля. — Ведь не шелестела же, чего опять придираешься? А ночью орала не я.

— И что он такое орал? — поинтересовалась Люцина, которая обычно спала каменным сном.

— Вроде бы что-то насвистывал, но в жизни не слышала, чтобы так фальшивили. А эта чихает над ухом! Нет, я тут с вами спячу!

— Говорили же тебе, не можешь спать — отправляйся помогать Анельке по хозяйству, — напомнила Люцина.

Мамуля разобиделась вконец:

— И пойду! Завтра же пойду. А если по дороге на меня нападут эти Доробеки, так пусть будет на вашей совести!

Тетя Ядя встревожилась:

— Оставьте ее в покое! Никуда не ходи, слышишь? Да и простудишься, промочишь ноги по утренней росе, еще сильнее чихать станешь.

Тереса с Люциной переглянулись и стали действовать сообща. Начала Люцина:

— Я уж как-нибудь со своей совестью справлюсь, пусть идет, может, и в самом деле нападут, тогда уж нам придется принимать какое-то решение. Сколько можно выжидать?

А Тереса подхватила:

— Вот-вот, пустим ее как приманку. А то сидим тут как... как...

— ...пни замшелые! — подсказала Лилька.

— ...как пни замшелые! Тьфу, сама ты замшелая! Сидим тут как идиотки, ничего не делаем, выжидаем, пока эта Эдита как-то не проявится, а

Эдита тоже выжидает, так я могу и весь отпуск просидеть без толку...

— А тебе разве плохо здесь? — спросила Лилька. — Сама ведь хотела поездить по проселкам, вдали от крупных центров. Тут нет никаких центров, места живописные, ты вон лет на тридцать помолодела, прямо девчонка, можешь снова на плетне повиснуть...

— Сама виси! — огрызнулась Тереса, но ругаться перестала.

Когда мы с Мареком остались одни, я сказала:

— Тетки явно что-то подозревают. И Лилька говорила. Вон как на тебя косились за завтраком!

— Я тоже заметил. Надеюсь, хватит ума не помешать. Хорошо бы их опять куда-нибудь увезти, чтобы я и днем мог порыться.

Попытка вывезти дам в лес не увенчалась успехом. Тогда мы предложили устроить где-нибудь пикник на свежем воздухе — и на это не клюнули. Лилька прибегла к помощи фольклора и выдвинула предложение организовать на дальнем лугу народные игры в русалки. Люцина в ответ лишь покрутила выразительно пальцем у виска. На игру в русалки купилась одна тетя Ядя, которая сразу представила, как фотогенично будем мы выглядеть в ночных рубашках, с распущенными волосами и в венках на головах. Ну и получилось так, что весь день мамуля, Тереса и Люцина околачивались на участке, большую часть времени проводя в окрестностях колодца, так что ни о какой дневной работе Марека и речи быть не могло. Неужели и в самом деле что-то пронюхали? До

наступления темноты Марек не смог заняться делом.

Ночь прошла спокойно. На сей раз я устроилась с удобствами: лежала на матрасе, завернувшись в одеяло, с думкой под головой. Спряталась за дерево, как было велено, и сначала честно караулила, а потом заснула. Наверное, потому, что и в самом деле было тепло и мягко. Проснулась на рассвете и наверняка опять бы заснула, но тут увидела Марека.

Марек вылез из колодца и, не прячась, пристроился на остатках каменной кладки. Что-то положил на камень, нагнувшись, разглядывал, потом, встав перед камнем на колени, принялся в чем-то копаться.

В этот самый момент распахнулись двери нашего вагончика, и на крылечке появилась мамуля в халате, наброшенном на ночную рубашку. В руках она держала большую бутыль из-под молока.

Все, что произошло в последующие мгновения, я из своей засады видела отчетливо, во всех подробностях.

К бараку Марек был обращен спиной, все его внимание привлекала вещь, которой он занимался. Выйдя на крылечко, мамуля потянулась, потом обвела взором свои владения и сразу увидела у колодца подозрительную фигуру. Взошедшее солнце било ей в глаза и не позволяло разглядеть злоумышленника. Но и увиденного было вполне достаточно.

Мамуля колебалась лишь мгновение. Одним махом слетев с крыльца, словно сбросив сорок

Ну я тебе
покажу...

лет, она молнией метнулась через двор и с криком "Ну, я тебе покажу, мердяй!" замахнулась банкой на Марека. Все остальное произошло одновременно. Позабыв о клятвенных обещаниях лишь пассивно участвовать в событиях, я сорвалась со своего матраса, чтобы перехватить мамулю, иначе та способна не только разбить бутыль о голову любимого человека, но и столкнуть этого человека в колодец.

Мареку удалось перехватить бутыль, уже занесенную над его головой. Крышка со звоном покатилась по камню, мамуля пошатнулась, Марек бросил бутыль и схватил мамулю, бутыль с оглушительным звоном разбилась в колодце, мамуля кричала и вырывалась из рук злоумышленника, двери фургона со стуком распахнулись, выскочила разъяренная Тереса со своей челюстью в руках, за ней полураздетая Люцина, обе с грохотом скатились со ступенек, но, кажется, ничего себе не повредили, потому что вскочили на ноги и уставились на сцену у колодца.

Мамуля вдруг перестала кричать и вырываться, разглядев наконец, с кем имеет дело.

— Ах, это пан... — произнесла она с величайшим сожалением. — А я думала — мердяй...

Тереса молча повернулась и кинулась в вагончик — надеть зубы. В дверях она столкнулась с несколько запоздавшими тетей Ядей и Лилькой. Тетя Ядя тоже повернулась и скрылась внутри — захватить фотоаппарат. Через минуту семейство в полном составе столпилось вокруг колодца. Не хватало только отца, который спал сном праведника.

— А что я говорила! — торжествовала Люцина. — Я знала, что они ищут в колодце! Думали, я не догадаюсь! Ведь на той карте была буква "к".

— Ну показывайте же! — волновалась мамуля. — Что вы там нашли?

Тереса, как всегда, была недовольна и ничего хорошего не ожидала:

— Что они могут найти? Старый бабушкин ночной горшок!

— Да расступитесь же! — тщетно просила тетя Ядя. — В кадр не попадает!

Просить можно было до посинения, но я знала — никакая сила в мире не заставит их сдвинуться с места. О том же, чтобы они вернулись досыпать в вагончик, не могло быть и речи. Мареку пришлось примириться с этим и отказаться от соблюдения элементарных требований техники безопасности.

— Ножницы! — раздраженно бросил он. — В таком случае принесите мне ножницы! И чтобы не дергались, стояли смирно!

За ножницами побежала Лилька. А мы не сводили глаз с лежащего на каменном обрамлении колодца свертка из старой прорезиненной ткани, перевязанного бечевкой.

— Это кусок от немецкого прорезиненного плаща, — стал объяснять Марек, но Люцина перебила:

— Ага, такие носили гестаповцы.

Бросив на нее недовольный взгляд, Марек веско произнес:

— Я не знаю, что там внутри. И не притронусь к этому до тех пор, пока вы все как одна не

отодвинетесь на безопасное расстояние и не ляжете на землю!

— Вот еще, на землю ложиться! — фыркнула Тереса. — Чего ради? Небось спрятала там старые бумаги. Или револьвер, он сам не выстрелит!

Вернулась Лилька с ножницами, за ней пришлепал в домашних туфлях отец, на которого Лилька в спешке уронила шкатулку со швейными принадлежностями. Отец завернулся в одеяло, конец которого тащился за ним по пыли. Бабы дружно возмущались негигиеничными требованиями Марека, но он остался непоколебим. Пришлось отступить от колодца и полукругом залечь вокруг него. Тетя Ядя из позиции лежа ухитрилась навести на Марека свой аппарат — ну точь-в-точь готовый выстрелить пулемет — и замерла в выжидании.

— Мне ничего не видно! — канючила мамуля. — Проклятая крапива все закрывает. Неужели нельзя по-человечески сесть на стул?

— Нельзя! — сквозь зубы процедил Марек, принимаясь за сверток.

— Какой злой! — шепотом пожаловалась мамуля, но Тереса ее одернула:

— А как ему к тебе относиться, когда ты его чуть не убила своей банкой? Эй, долго нам еще тут лежать?

— Пока не распакует! — ответила я за Марека. — И не нервируйте его, дайте работать спокойно.

Разве они что понимают? Даже тишайшая тетя Ядя ворчала:

— Обязательно распаковывать среди крапивы? А вон там, на скамеечке, нельзя? Тут не выйдет хорошее фото.

— Нельзя! — пыталась объяснить я этим дурехам. — Если там что взорвется, он успеет столкнуть взрыв в колодец. Ну как не понять?

— Так пусть скорей сталкивает, а то мне в бок что-то впилось!

Мамуля шипела на отца:

— Ну что ты крутишься? И так ничего не видно, а тут еще ты!

Отец пытался подложить под супругу свое одеяло, робко упрекая ее:

— Ну где это видано — лежать на голой земле! Простудишься! Да и все остальные. Что такое на вас напало?

— Скорей, скорей! — подгоняла Марека Люцина. — Пока не явились Доробеки!

Стараясь оставаться спокойным, сдерживая волнение, Марек в нескольких местах разрезал бечевку, потом, также осторожно, принялся разрезать ткань, слой за слоем. Наконец ткань снята, и мы увидели большую металлическую коробку с изображением на ней доброй морды сенбернара, кремовой с коричневыми пятнами. От щелчка аппарата тети Яди мы вздрогнули, как от выстрела.

Не дыша следили мы за дальнейшими действиями Марека. Осторожно взяв коробку в руки, он наклонил ее над колодцем, оперев одним ребром о его край, и взялся за крышку, чтобы медленными осторожными движениями, постепенно нажимая то тут, то там, снять ее. Крышка как-то слишком быстро отскочила, и тут мы не выдержали — тоже вскочили. В ту же секунду Марек инстинктивно столкнул коробку в колодец. Что-то блеснуло, что-то забренчало, что-то глухо ухнуло внизу. И наступила тишина.

— А я так и не увидела, что там было! — вскричала мамуля.

— Почему же не взорвалось? — разочарованно вскричала тетя Ядя.

— Не толкайся, хочешь и меня столкнуть в колодец? — вскричала Люцина, отталкивая младшую сестру.

Думаю, отсутствие взрыва вполне возместил взрыв эмоций. Все столпились у колодца и, сталкиваясь головами, старались заглянуть в него. На глубине двух с половиной метров было совсем темно, и тем не менее нам казалось — там что-то поблескивает. Марек не сразу полез в колодец. Промедление объяснялось вполне законным опасением, что кто-нибудь из нас непременно свалится ему на голову. Отогнать же нас от колодца на прежнее почтительное расстояние ему больше не удалось. Итак, он полез в колодец, а мы тесным кругом стояли и ждали.

Вот из колодца показалась голова Марека, вот он нам подал наполовину опустошенную коробку. Мы остолбенели, молча уставясь на ее содержимое. В коробке были драгоценности. Самые настоящие драгоценные ювелирные изделия!

Долго смотрели мы на них, не веря глазам своим, потом опомнились. Тереса сорвала с отца одеяло, разостлала на земле и высыпала на него то, что находилось в коробке. А мы стояли вокруг, не в силах отвести глаз от сверкающей в утреннем солнце маленькой блестящей кучки. Марек опять спустился в колодец, выискивая среди хлама вывалившиеся из коробки отдельные произведения ювелирного искусства.

— Никогда бы не поверила! — восклицала потрясенная тетя Ядя, безостановочно щелкая своим фотоаппаратом. — А мы еще думали — зачем она приехала в Польшу? Было за чем!

Настроившись на мощный взрыв, мы не сразу смогли перестроиться. Постепенно все подключились к акции по спасению остальных драгоценностей. Мамуля относила и раскладывала на одеяле те предметы роскоши, которые подавала ей я, получая их в свою очередь от Марека. Люцина, забыв о своей боязни высоты, навалившись животом на камень, висела головой вниз, в колодец, давая Мареку указания, где следует искать.

— Не дай Бог, что-нибудь прозеваем! — говорила она. — Тогда наследники дяди Витольда поубивают друг друга! Нельзя допустить гибели родственников.

Тереса, отец и Лилька, сидя на одеяле, раскладывали драгоценности, подсовывая самые эффектные тете Яде для увековечивания. Тетя Ядя разрывалась между двумя возможностями — фотографировать ли клад или нас с Люциной, уж очень живописно висели мы с ней на срубе колодца, с головами внутри. Выбрала нас, поскольку мы сможем сменить позицию, и уже не запечатлеешь.

— А это что такое? — с изумлением выкрикнула мамуля, получив от меня очередной предмет ювелирного искусства. — Ведь это же ожерелье невестки Зендлера! Откуда оно здесь?

— Глядите на нее — спятила! — недовольно сказала Тереса, оторвавшись на миг от созерцания сокровищ. — Богатство мозги помутило!

— Да нет же, я узнала — колье Зендлерши! Кажется...

— Перекрестись, если кажется.

Марек наконец вылез из колодца, заявив, что больше там ничего не осталось. Мы все сидели на корточках вокруг расстеленного одеяла, на котором сверкали сокровища панны Эдиты. Колье Зендлерши переходило из рук в руки. Вещь была изумительная, очень дорогая и настолько оригинальная, что, раз увидев, ее уже невозможно было спутать ни с чем другим: жемчужины, брильянты, платиновое кружево. Все жемчужины были белые, а в центре свисали необыкновенной величины пять серых, идеально круглой формы.

Тереса перестала смеяться над мамулей. Рассматривая драгоценность, она спросила глухим голосом:

— Почему ты думаешь, что это колье Зендлеровой невестки?

— Потому что я его не раз видела, а сами понимаете, забыть такое нельзя. Ни с чем не перепутаешь. Жена старика Зендлера подарила его невестке, когда та родила первого сына, она еще хвасталась и надевала по всякому поводу. Как я ей завидовала, кто бы знал! Вы что, не помните Зендлеров? Они жили в бельэтаже, роскошная квартира. Очень богатые люди.

— Как могло колье Зендлеров оказаться в этом колодце? Спрятали его тут? — недоумевала тетя Ядя.

— Как они могли спрятать? — возразила мамуля. — Их всех немцы забрали, хоть они и не участвовали в Сопротивлении.

— Потому что евреи?

— Какие там евреи! Старик Зендлер был протестантом, все его предки — христиане. Говорили, кто-то на них донес, толком ничего не знаю. Я только слышала, как моя мама потом что-то такое рассказывала. Меня уже там не было. Тереса, ты ведь была, наверное, помнишь что-нибудь?

Тереса сидела молча, уставившись куда-то в пространство, с каменным выражением лица. Люцина вынула ожерелье из ее рук и сказала:

— Ну что ж, думаю, все понятно. Эдита знала Зендлеров, знала об их богатстве. Была связана с немцами. Все ясно...

Все смолкли. Награбленное немцами богатство, казалось, уже не так сияло в утренних солнечных лучах. Тереса решительно поднялась.

— Спрячем это! Смотреть не могу. Я все еще думала, что Эдита — просто немецкая шлюха. Теперь вижу — не только. Ясно ведь — на Зендлеров донесла именно она, получив свою долю награбленного. За услуги.

— Думаю, все, что здесь лежит, она получила за свои услуги, — подтвердила Люцина. — Я тоже не могу это видеть!

— Вы думаете, она не только Зендлеров выдала? — спросила мамуля. — И все, что здесь лежит — ее доля, полученная от немцев? Спрячьте, чтобы и глаза мои на это не смотрели! А я еще в руки брала, рассматривала.

— Фу! — с отвращением произнесла тетя Ядя, палочкой, как ядовитого паука, отодвигая прекрасный перстень с огромным изумрудом. Не могу на это смотреть.

Восхищение прекрасными ювелирными изделиями внезапно сменилось таким к ним отвраще-

нием, что все мы поднялись и отправились к вагончику, оставив их на произвол судьбы. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не отец. Стоя над кладом, он громко требовал немедленно возвратить ему его одеяло. Он не желает, чтобы на его одеяле лежала всякая гадость!

Марек заявил, что ему и не такую гадость приходилось брать в руки. Собрав драгоценности, он сложил их опять в ту же железную коробку. Лилька, брезгливо взяв двумя пальчиками, принесла ему от колодца остатки прежней упаковки.

— Думаю, так просто передать это в собственность государства не получится, — сказала она. — Наверняка начнется расследование. Вы как думаете?

Мы посмотрели на Тересу. Отвернувшись от нас, она неверными шагами направилась к колодцу.

— Стой! — вскричала Люцина. — Не прыгай! Все равно ведь не убьешься до смерти, а нам только лишние хлопоты! Поверь, и без того неприятностей хватит!

Марек поддержал Люцину, но выдвинул другую аргументацию:

— Вряд ли она сама фабриковала доносы, наверное, только называла состоятельных людей. И шпионкой не была, это мы проверили. Доробек же — обыкновенный мародер.

Тетя Ядя тоже попыталась успокоить Тересу:

— Ну и что с того, что она когда-то была твоей подругой, ведь ты давно с ней порвала. И ни о чем не знала! Стоит ли из-за такой жизни лишаться? Выбрось из головы мысли о самоубийстве!

— Спятили вы, что ли? — рявкнула на нас Тереса, повернувшись наконец к нам лицом. — При чем здесь самоубийство? Пусть Эдита кончает жизнь самоубийством! Думаю, причины у нее будут!

Мы с удивлением смотрели на Тересу, ибо в ее голосе прозвучала какая-то мстительная радость. Похоже, она узнала что-то такое, что доставило ей удовлетворение.

— Ну! — торопила ее Люцина. — Выкладывай!

Сойдя с камня у колодца, Тереса подошла к нам и ласково погладила собачью морду на железной коробке с драгоценностями.

— Довоенное печенье фирмы "Сушар", — сказала тетя Ядя. — Коробка из-под него. Ты так любила печенье?

— Кажется мне, — медленно произнесла Тереса, — кажется мне, что Эдиту сюда прислал Том Уолтерс. В последнее время он совсем выжил из ума, забросил свои цветочки и занимался только коллекцией драгоценностей. Последний раз на заседании кружка ни слова не сказал о том, что нас интересует, а всю дорогу твердил о том, что скоро в его коллекции появятся экспонаты, каких свет не видел. А мне и в голову не пришло, что эти потрясающие драгоценности лежат на дне колодца наших предков в Тоньче!..

Закончила она мечтательно и вместе с тем решительно:

— И знаете что? Мне бы хотелось, чтобы Эдита вернулась без них...

Желание Тересы исполнилось. Вскоре мы узнали, что миссис Эдит Уолтерс вылетела со своим

клетчатым багажом в Канаду на следующий день после нашего открытия, сократив время пребывания в Польше на целых три недели. Объяснила она это ухудшившимся состоянием здоровья ее мужа.

Вскоре в польских газетах появилось короткое сообщение о передаче в государственную казну награбленного немцами имущества в виде ювелирных изделий на очень крупную сумму.

В день отъезда Тересы мы все собрались в квартире Люцины. Сначала, естественно, все прибыли в аэропорт, ко времени отправления ее самолета, к восьми утра. Вскоре по каким-то причинам время отправления перенесли на тринадцать тридцать, и ждать мы решили у Люцины, живущей поблизости от аэропорта Окенче. Времени оставалось много, можно было спокойно выяснить еще некоторые непонятные детали аферы.

— Я все-таки не понимаю, — сказала тетя Ядя, — чем вызвано упорное преследование ими Тересы? Ведь если бы не это, нам бы и в голову не пришло копаться в колодце.

— Самое время нам кое-что рассказать! — поддержала я тетку. — Ведь ты все знаешь, Марек! Вот и расскажи, пока мы все тут. Видишь, даже Лилька из своего Чешина приехала проводить Тересу. Так что приоткрой нам тайну!

— Да никаких тайн тут нет, — ответил Марек. — И вообще, если бы не понос... то есть, если бы не пищевое отравление мамы, никакой бы аферы и не было.

— Ну знаете! — обиделась мамуля, и не столько на Марека, сколько на Люцину, которая радостно захохотала. Марек же невозмутимо продолжал:

— Без нее в аэропорту вы вели себя очень... глупо.

Теперь торжествующе захохотала мамуля, а обиделись мы:

— Как же мы вели себя?

— Вспомните, что вы там вытворяли. Началось с Тересы.

— Вытворяла не я, а эта идиотка Эдита! — выкрикнула Тереса. — Мне целый час пришлось простоять над ее чемоданами. Все на свете прокляла! Куда-то задевался хозяин багажа...

— Так оно и было! Тереса не виновата, — вступилась за подругу тетя Ядя. — Из-за Эдиты всех пассажиров задержали.

— А все почему? Потому что Тереса, как памятник, торчала над ее багажом, и миссис Уолтерс боялась забрать свои вещи, ведь Тереса ее сразу бы узнала. Вот почему она спряталась и ждала, когда же наконец Тереса уйдет. Дождалась, Тереса прошла таможенный контроль и вышла в зал ожидания. Эдита Уолтерс на всякий случай еще немного подождала, а потом пошла с носильщиком к выходу, будучи уверена, что вы уже давно уехали. Как бы не так! У самого выхода она увидела всю вашу компанию. Вы почему-то суетились у машины, а увидев ее, Эдиту, сразу же уехали.

— Не Эдиту мы увидели, а милиционера, — поправила я. — И это не мы суетились, а она. Я видела, как тянули носильщика обратно.

Марек спокойно ответил:

— Ну а она решила, что вы ее увидели, и это показалось ей подозрительным. Да и вообще прилет Тересы насторожил ее, в самолете она Тересы не заметила. Теперь Эдита решила полчаса подождать, чтобы убедиться, что вы ею не интересуетесь. Только через полчаса она с Доробеками тронулась из аэропорта, и можете представить, что почувствовала, увидев, что вы вслед за ней сворачиваете на улицу Жвирки и Вигуры! Машину вел Доробек-старший, а младший сидел с Эдитой на заднем сиденье и подтвердил, что ваша машина увязалась за ними. Тут он поинтересовался, почему это так тревожит бабку, ибо до тех пор ничего не знал. Кое-что Эдита вынуждена была им рассказать, и внучек очень заинтересовался.

Теперь Эдита уже не сомневалась — Тереса следит за ней. Оставив пока все дела, она решила выяснить причины, не устремилась прямо в Тоньчу, как собиралась, а пережидала, путешествуя по родному краю. Вскоре она решила, что никакой опасности ей не угрожает, что Тереса потеряла ее след, как вдруг выясняется — вы едете вслед за ними, да еще по таким проселочным дорогам...

— Молоко! — простонала я. — Знала ведь — эта диета до добра не доведет!

— Интересно, а такая сумма в государственную казну, по-твоему, не добро? — возразила Люцина.

— Скажите, какая патриотка, — фыркнула мамуля, но Марек не дал разгореться новому семейному скандалу, продолжив свой рассказ:

— Мало того, что вы останавливались в тех же местах, что и Доробеки, но и старались за-

снять их на фотопленку. Вы увязались за ними аж до самого моря. Они хотели остановиться в Сопоте — вы тоже туда прикатили. Они сбежали от вас во Владиславов, вы и туда поехали вслед за ними...

Больше Мареку говорить не дали. Каждой из нас хотелось сказать свое, каждой хотелось, чтобы именно ее услышали, и все кричали, не слушая друг друга. Люцина уверяла: Эдита всегда считала, она — пуп земли, только вокруг нее все и вертится! Мы с Тересой с отвращением вспоминали, какая грязная вода в заливе, а мамуля громогласно утверждала — и от грязной воды есть польза, так и надо этой выдре. Лилька за бока держалась от смеха.

— А во Владиславове вы ничего не нашли лучше, как сфотографировать их машину! — рявкнул Марек, перекрикивая нас.

— Но послушай, потом же они были в Сопоте! — вспомнила я. — Из-за них Тереса сидела в темной ванной!

— Потому что бедняги из-за вас сбежали из Владиславова и вернулись в Сопот. Кто же знал, что опять нарвутся на вас!

— А что было дальше? — спросила мамуля. — Так мы их и преследовали всю дорогу?

— Нет. Убедившись, что вы за ними следите, начиная с Сопота они решили поездить за вами, чтобы понять наконец намерения Тересы. Эдита боялась двух вещей: ей могла грозить опасность из-за ее прошлого, опасность могла грозить ее сокровищам. Она впала в панику, заразила своим паническим настроением и Доробеков. Оба они собирались вместе с ней отбыть в Канаду, ждали

загранпаспортов. Стали решать, что следует предпринять: похитить Тересу, узнать ее намерения, попытаться договориться с ней, попытаться откупиться от нее, хорошенько запрятать ее где-нибудь, наконец, убить ее. Планы не удались, тут во многом напортачил Доробек-младший, у которого были свои планы. Ему вовсе не хотелось делить сокровища с бабкой, он решил один их заграбастать. Тайком перерисовал ее карту...

— Зачем? — перебила я. — Он не знал, что сокровища спрятаны в колодце, в Тоньче?

— Не знал, до такой степени Эдита с ним не откровенничала. Карту ее он видел, понял, что где-то поблизости должно быть одно из поместий Радзивиллов. Да, кстати, карта Эдиты и в самом деле была на куске старой немецкой штабной карты, не знаю уж, где она ее раздобыла. Может, у кого из своих немецких любовников позаимствовала, ну и обозначила на ней место, где спрятаны сокровища. Должно быть, собиралась достать сокровища с помощью своего тогдашнего мужа, Доробека-старшего. Самого старшего! Собираясь бежать в Канаду, видимо, договорилась с ним, что он достанет драгоценности и привезет ей. Но получилось так, что муженька посадили за решетку, она сбежала с картой в Канаду и никогда уже не обращалась к бывшему мужу за содействием. Ее внук, Доробек-младший, подслушал разговоры бабки со своим отцом, узнал о спрятанном сокровище, узнал, что Тереса почему-то гоняется за бабкой, подумал, что гоняется за теми же сокровищами, вот и решил ее похитить, чтобы все выпытать.

А за моей пленкой почему они охотились? — хотела знать тетя Ядя.

— Во-первых, боялись, что она может стать вещественным доказательством их преследования вас. А во-вторых, надеялись, что фотографии помогут им понять истинные намерения Тересы.

— А Янека зачем они похитили?

— А тут уж панна Эдита совсем запаниковала и решила — пан или пропал. А вдруг Тереса и в самом деле отвяжется?

— Интересно, как же его сторож не поймал на рыбных прудах? — спросила Лилька. — Их же всегда стерегут.

— Эдита хорошо заплатила сторожу. И очень надеялась, что случай с похищением отца испугает вас и вы оставите ее в покое. Или хотя бы засядете надолго в Чешине в поисках отца, а она тем временем спокойно смотается в Тоньчу. Вот и металась между Чешином и Тоньчей, а следом за ней метался молодой Доробек в надежде, что сокровища все-таки достанутся ему, а не бабке.

— Смешно слышать — Эдита "бабка", — вздохнула Тереса.

— И откуда ты это все знаешь? — поинтересовалась я. — Панна Эдита откровенничала с тобой?

Марек сделал невинное выражение лица:

— Панна Эдита не откровенничала, но ведь оба Доробека прекрасно говорят по-польски. А человек в раздражении...

— Особенно, если этот человек опасается, что его привлекут к суду за похищение другого человека, — подсказала я. — Правильно? Из двух зол... уж лучше пооткровенничать.

— Только бы наследники дяди Витольда не прослышали про клад в колодце, — озабоченно проговорила тетя Ядя. — Ведь ни за что не поверят, что мы из колодца повытаскивали все до последнего. В поисках какой-нибудь закатившейся жемчужинки сотрут с поверхности земли всю Тоньчу...

— Они прежде всего не поверят, что мы все передали в государственную казну, — поправила ее Лилька. — И с поверхности земли сотрут нас...

О завершении аферы мы узнали из письма Тересы, написанного после ее возвращения в Канаду. Письмо дышало мстительной сатисфакцией. Надежды Тересы оправдались полностью.

Мы узнали, что Том Уолтерс сам отправил жену в Польшу за спрятанным ею сокровищем, о котором она многократно рассказывала ему и которое, собственно, повлияло на решение миллионера жениться на Эдите. Впрочем, не только жениться, но, что гораздо важнее, и не развестись, ибо у миллионеров есть такое обыкновение — многократно жениться и разводиться. Панна Эдита вернулась из Польши без сокровищ, что весьма отрицательно сказалось на отношении к ней мужа. Последний тут же переписал завещание в пользу своих детей от первого брака. Но это еще не все!

Тересе не было никакой необходимости раскрывать глаза супругу-миллионеру на прошлое его жены. Это сделал молодой Доробек в отместку бабке за то, что она не собиралась делиться с ним своим богатством. Разозленный полным провалом своих собственных планов, он отправил в письме

бабкиному мужу-миллионеру копию свидетельства о ее браке со своим дедом Доробеком. Наверное, оригинал стащил у отца. Панну Эдиту судили за бигамию (двоемужие), о чем немедленно узнали все канадские садоводы-любители.

— Ну и говори после этого, что нет справедливости на свете! — вскричала Люцина, не веря глазам своим.

Мамуля о чем-то задумалась, старательно складывая только что прочитанноеココ囲 Тересино письмо.

— У нас еще много родни в Воле Шидловецкой, — задумчиво произнесла она. — Родственники со стороны отца. Его предки испокон веку там жили. В Воле Шидловецкой я не была уже больше сорока лет, но сдается мне, там тоже есть какой-то колодец...

Иоанна Хмелевская

ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ

Иронический детектив

Перевод Вера Селиванова

Корректор Ольга Костюкова

Художник Наталья Аверьянова

Компьютерный набор

Анна Чепурнова, Александр Носков

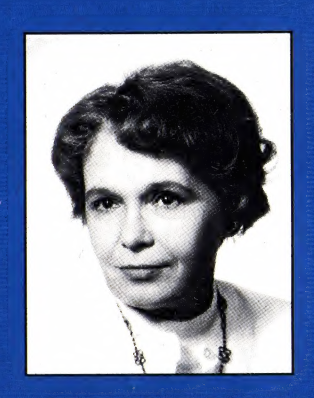
Компьютерная верстка

Ольга Максимова, Петр Кокин

Директор издательства Алла Штейнман

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
"Фантом Пресс" в типографии
АО "Молодая гвардия". Подписано в печать 14.10.97.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. изд. л.18,48 Тираж 15000 экз. Заказ №77543
ЛР № 040540 от 30.10.92
Адрес издательства: "Фантом Пресс"
103030, г.Москва, ул. Сущевская, д. 21.
Адрес АО "Молодая гвардия":
103030, г.Москва, ул. Сущевская, д. 21.
Диапозитивы обложки и проба изготовлены
в издательстве “Пресса”

Между прочим...

"...какая же кровавая борьба ведется за обладание сокровищами..."

Иоанна Хмелевская

ИОАННА ХМЕЛЕВСКАЯ

ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ